[Polaris]

Поль Адан

Огни шабаша

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXCVIII

Salamandra P.V.V.

Поль
АДАН

ОГНИ ШАБАША

Роман

Salamandra P.V.V.

Адан П.

Огни шабаша: Роман. Пер. с фр. А. Венгерова. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2021. — 120 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXCVIII).

Поль Адан (Adam, 1862-1920), декадент, оккультист и один из зачинателей французского символизма, рассказывает в своем романе «Огни шабаша» о судьбе чародейки Мао, разворачивающейся на фоне междоусобной войны между ее отцом, бароном-алхимиком Эдамом, и мужем, молодым графом Жаком де Горпом. По мнению видного французского литературоведа и писателя Ф. Моннейрона, эта средневековая фантазия представляет собой «настоящее собрание всех оккультных познаний эпохи декаданса».

ОГНИ
ШАБАША

I

Мао просыпается; день уже подходит к концу.

Между портьерами повозки пепельно-серая земля волнами уходит в даль к пурпуровым следам солнца, и качаются огненные блики на касках конвойных.

Но это зрелище не радует юную женщину, она погружается в золототканые подушки, и снова терзают ее неотступные мысли о совершившемся падении.

Вот конный отряд навсегда ее увозит из родительского дома. Она бежала с Жаком де Горпом. Можно ли заглушить столько воспоминаний бархатными поцелуями возлюбленного?

Тщетно старается она укрыться от горьких мыслей. Нигде нет приюта ее воображению, жаждущему иных утех. Не веселит ее ни полет взбудораженной совы, ни гордые символические знаки гербов, нарисованных на корсажах пажей, ни безнадежно тусклое небо, ни безнадежно тусклая равнина.

За щетиной пик вырисовывается стройный стан Жака под шелковыми складками развевающегося знамени. Его мужественный голос выкликает нараспев старинную фландрскую песню, сложенную в честь святых-покровителей Брюгге; в равнине не откликается эхо.

Навеки оставлены позади торжественный звон во все колокола, пышные ярмарки — все, что в праздничные дни так восхищало детские души. Песня чувственной любви все развеяла, все сокрушила.

Внезапно вспыхнувшее пламя озарило ночную мглу, окончательно пустившуюся на землю. Зажглось еще несколько факелов. Рог олифан приветствует смерть, приблизившуюся еще на один день.

Мао все плачет да плачет: неужели прекрасная поэма слияния их плоти уже настолько поблекла, что не в силах заглушить какие-то детские опасения?

Почему печаль омрачает светлую радость?

Отец, наверное, проклял ее, и страшная сила его заклинаний преследует безумное дитя его плоти.

— Госпожа, госпожа, вы слышите колокола аббатства? Мы подъезжаем к месту нашего ночлега. Господин говорит, что теперь вы должны скакать рядом с ним, по правую руку.

И паж помогает ей сесть на иноходца.

Пробиваясь сквозь строй вооруженных всадников, расступившихся, чтобы дать ему дорогу, Жак подъезжает к Мао и спрашивает, хорошо ли она спала.

Мао пускает в ход все чарующие средства, чтобы казаться веселой, чтобы не огорчить своей печалью милого жениха. При виде этого мужественного бритого лица, этих рыжеватых волос ей вспоминается, как впервые она — тогда еще наивная, горящая любопытством дева — познала сладость желанного прикосновения и безумное блаженство слишком кратких, к сожалению, объятий. Но, увы! Ей не пришлось разгадать волшебной тайны, которая — она знает на-

верное — живет в его существе! Напрасно она прислушивалась к глухому шепоту, выходившему из его груди, страстно трепетавшей под ее пытливыми ласками. Даже ценою своего тела ей не удалось добыть чудесный талисман, обрести полисе знание того, что заключено в недрах мужской души.

И все-таки Мао улыбнулась, когда юноша протянул к ней руки, и старалась пустыми словами прикрыть тоску своей обманутой души.

Теперь уже видно, как во мрак ночи раскачиваются колокола аббатства, с жалобным плачем звоня отходную. Дурная примета перед венцом.

— Какой-нибудь брат кончается… — сказал Жак, — …аббат соединит нас в тот самый миг, когда арфы херувимов будут славить приобщение к лику нового святого. Праздник в царстве вышних и праздник в наших сердцах, дорогая.

— Да поможет нам Бог, Жак, да исполнит Он ваше желание!

Колокол отзвонил свои призывы; теперь он жалобно гудит.

Словно невидимым саваном повеяло, ледяной ветер подгоняет боевых коней. Треплется и замирает пламя факелов в руках слуг. Проклятие настигает, Мао содрогается под его зловещим дыханием. Она повторяет шепотом страшные формулы, которые, наверное, произнес отец в злополучный день марса, облачившись, согласно правилам ритуала, в семь мантий цвета морской воды, стальную тиару, оловянное кольцо, восседая босиком в центре тройного круга. Ряд невыразимых бедствий висит над головой влюбленных! Копыта лошадей гулко стучат по дороге, щелкают челюсти людей, гремят доспехи.

У ограды суровых башен часовой узнал гербы на знамени; он пропустил через ворота вассального графа, не возвестив даже рогом о его прибытии.

Огни изнутри освещали стрелки колоннады, зиявшей своими пролетами в монастырском дворе. Монахи, бледные от страха, столпились перед плясавшими крепостными.

Чем-то дико-безумным показался Мао веселый хоровод, кружившийся так быстро, что невозможно было разобрать лиц. Словно острые зубцы, сплавленные в один неразрывный блестящий круг, с хохотом вертелись сцепившиеся руки, тела, наклоненные к востоку, концы шляп, полы кафтанов, женские волосы. И страшный ветер подымался от хоровода.

Путаясь с перепуга, один монах кое-как рассказал, что утром предстоит свадьба сына прядильщицы с сестрою инвалида.

После вечерней службы к танцу присоединилась молодежь. Для забавы ускорили темп; и дьявол погнался по стопам христиан: страсти разгорались, образовался неудержимый вихрь, грозящий захлестнуть всякого, кто не обратится с горячей мольбой к Святому заступнику Элоа. Двое доплясались до смерти: их трупы распластались в середине круга.

Жених и невеста стояли, неподвижно, не смея взглянуть друг на друга. Каждый боялся, что другой выскажет свое предположение о том, откуда ударил этот страшный бич: очевидно, старый Эдам, чтобы их погубить, привел в движение злые циклические силы воздушной стихии. Сделав волшебным мечом семь раз по семи оборотов вокруг магической печати, венчающей тиару, он притянул Силы и вывел их из равновесия. От их вращательного действия обезумели крестьяне и монахи, и галопом помчались графские скакуны к центру

смертоносного притяжения.

Вместе с другими, влюбленные укрылись под спасительной тетраграммой креста, вынесенного дьяконом. Вслед за приором они примкнули к крестному ходу. Растерянные голоса огласили стрельчатые своды звуками *Dies irae*.

Слившись в сплошное неразрывное кольцо, хоровод подымал шквал, задувавший лица. Время от времени кто-нибудь откалывался от шествия и, теряя самообладание, беспомощно вытягивал руки и заливался безумным хохотом; шатаясь, он падал на цепь танцующих, и его подхватывали, затягивали и поглощали. И уж нельзя было больше его отыскать. Дикими прыжками разрывали землю, где была уготована им могила.

Против собственной воли Мао наклоняется к ветру. И всякий раз, как ее лицо окунается в струю, отрадная пустота освежает утробу; смех вырывается из горла от внезапного прилива радости. Но сейчас же она приходит в себя и отскакивает, боясь распылиться, распасться на простые материальные частицы, на невесомые молекулы, затерянные во всеобщей игре мировых сил.

Вдруг один из конвойных соскользнул с седла, и его подхватил роковой хоровод. Тогда, охваченные единым порывом, его товарищи галопом ринулись к западу, наперерез танцующим, и со всего разбега вломились в хоровод. Отчаянные вопли огласили монастырь. Цепь распалась, одержимые бесом рассыпались по земле, корчась в судорогах и извергая пену изо рта, вцепившись друг в друга окровавленными руками.

Монахи подбирали упавших и относили в крытые помещения.

Жак и Мао ускользнули при виде отвратительных судорог. Долго не решались они поделиться тайными опасениями. Умоляющим взглядом граф как будто просил прощения за свою злосчастную любовь. Мао его успокаивала. Но у самой дрожали пальцы, когда ее паж Оризель поливал ей на руки воду из кувшина, и кусок мяса, поданного на ужин, не шел в горло, перехваченное страхом.

Несколько часов они провели с монахами, молясь на хорах базилики. Было приказано до утра петь псалмы и курить ладаном перед престолом, чтобы умилостивить гнев Господень,

В чаще восковых свечей гордый блеск раззолоченных риз униженно склонялся перед чистой жертвой Христовой. Дьяконы и владетельный аббат благоговейно распростерлись у порога скинии, на которой высился крест, четырехконечный священный символ, ключ от свода храма Соломонова, старинннейшая, вечно сохраняющая искупительную силу эмблема божественного Озириса.

II

Их провели в комнаты для путешественников, в башню Сарацина.

Буковые дрова, горевшие в камине, лучше тройных ламп освещали обои с изображением язычников, отрубающих головы добрым епископам. У обоих углов камина стояли кровати, целомудренно завешенные бумазеей и прикрытые балдахином.

Когда удалились слуги, Жак опустился на колени у ног невесты, которая, окоченев от страха, сидела в кресле. Он оторвал ее руки от задумчивого лица, скрестил их на платье и преклонил к рукам свой лоб. Мао почувствовала, как на ее пальцах мнутся густые волосы Жака.

Они погрузились в воспоминания, не заводя настоящего разговора: глухо всхлипывая, срывались с их губ короткие жалобы. Несмотря на грозную смерть, которая парит над их головами и, может быть, обрушится, не дождавшись завтрашней свадьбы, Мао с гордостью думала о Жаке, потерявшем из-за нее голову. Она верила, что искренно увлечен ее юною красою этот очарованный рыцарь, отлученный от своего рода в наказание за убийство. В законном поединке он убил одного из своих дядей, который в пьяном виде окатил его сикерой.

На его мужскую мольбу слиться телом и душой в высшем лобзании она отвечает отказом, желая строго соблюсти чистоту. И безжалостно медлит с уходом, чтобы насладиться жгучим желанием, которое горит на его губах, ползающих по ее рукам. В отчаянии Жак воспевает хвалу своей невесте:

«О, глаза твои под забралом черных ресниц! В них отсвечивает свинцовый блеск, он манит и указывает обманчивый путь в твою душу, которую — увы! — никто не узнает. Твои волосы выбегают из-под высокого чепца и сейчас же перехватываются косою неуловимого цвета, сплетенной из светлых, таких бледных завитков. А щеки твои! На гладком нестираемом мраморе твоих щек радости жизни высекли ямки у кончиков крошечных губок; уста твои дышат райским благоуханием. На твоих округлых щеках горит золотистый румянец, как вечерний закат ясного осеннего дня! Золотится и шея твоя, золотятся зрелые плечи, и золотистая рвется грудь из тесных оков зеленой накидки, на которой порхают жемчужные птички».

Мао дала себе обет не отдаваться возлюбленному до тех пор, пока не будет совершен законный брачный обряд. Лихорадочно рвется она из оцепивших ее рук, от вожделеющих взглядов. Наконец, преодолев внутреннюю борьбу и минутный порыв, чуть не заставивший ее уступить настояниям возлюбленного, она сосредоточивает всю свою волю на одном могучем усилии. Все силы, рассеянные в ее существе, она собирает в свои глаза, в свои пальцы. Осушает все свое тело, чтобы наполнить волевые токи. Сокращает сердце, чтобы они забили более обильной струей. Страстно приподымает веки, и брызжут из-под них силы ее души. Жак приходит в смятение. Он сопротивляется, пытается выдержать напор. Но Мао длинными ногтями касается его висков, и он падает

без чувств на каменные плиты.

Чародейка протянула над ним полукругом руки; спящий подымается, шагает, подходит к постели; занавески опускаются, оберегая покой спящего графа.

Мао глядит на Жака и восстанавливает в памяти свое первое свидание с ним. Почему оно прошло так серо, так бессодержательно? Нет ли здесь какого-нибудь предзнаменования?

III

В наступающем посту исполнится ровно год с того дня, как по высокой рекомендации герцога Филиппа Жак приехал изучать Великое Искусство под руководством барона Эдама. Объясняя по просьбе алхимика один отрывок из Демокрита, он забыл смысл какого-то греческого слова. Мао подсказала. С этого дня, быть может, зародилась страсть юноши. Барон согласился приобщить нового ученика к знанию. Он давал юноше уроки высшей хризопеи, сообщил открытые Османесом Мидянином принципы превращения простых металлов в нетленное золото, научил толкованию символов природы.

Мао тоже посвящала Жака в тайны науки.

Она старалась жить подальше от своей матери, сумрачной и молчаливой гречанки. Эдам столкнулся с этой женщиной во время зверского разгрома покоренного города и тут же пережил сладкий миг утоления бушующей страсти. Впоследствии он смыл с нее бесчестие обручальным кольцом, но и после того ни разу не слыхал от супруги ни одного нежного слова. Так увядали они, несчастные мученики вынужденного союза: она не могла забыть позорного клейма и примириться с трагическим концом своей сердечной жизни; для него не была тайной ненависть, кипевшая в душе византийской княжны, и он глубоко страдал от этого, потому что сам любил ее всем сердцем; непримиримость супруги только возвышала в глазах Эдама ее сурово-обаятельный образ.

Она воспитывала Мао без материнской ласки, видя в дочери как бы символ своего порабощения, плод насилия, совершенного после битвы.

С малых лет ребенок искал убежища за пределами недружелюбной материнской власти. В развитии девочки женские чувства играли ничтожную роль; гораздо большее влияние на нее имели знания, приобретенные в лаборатории алхимика; она привыкла к острым ощущениям, пробуя на вкус разные эликсиры, закаливая душистые растения, проводя долгие часы за созерцанием астрологических небес.

И она открыла в себе способность к сопротивлению и боевые силы, душу, склонную к смелым предприятиям и способную в других пробуждать героические стремления. Ее давил избыток воспоминаний, порывов, широких планов; хотелось все разом поведать миру, перелить в другие существа. Тогда, казалось, ее собственное тело станет свободнее, легче, просторнее и сможет вместить остаток необъятной души. Такие мысли бродили в ее детской головке в старой лаборатории отца.

На пюпитрах с резными ножками, изображающими молящихся женщин, разбросаны в беспорядке свитки пергаментов, в которых излагаются законы хризопеи, символическая фигура змея Уробороса, кусающего свой собственный хвост — она обозначает единство основных начал, — правила таинственных обрядов, прикрытые халдейскими письменами. Замирая от страха, Мао повторяла заклинания Гермесу Трисмегисту, пока элементы соединялись в прозрачных ретортах. Наконец, из-за оков грубой материи, как пот, начинали высту-

пать капли солнечной эссенции, чистого золота, готовые каждую минуту унестись воздушной дымкой. Золото бурлило, переливалось через край, буйно кипело за стенками стакана. В этот миг все лучи влетали в окно, приветствуя рождение нового света, все огни кидались из очагов и светильников в объятия новому огню. Святилище озарялось золотым сиянием; и слышалось, как извивающиеся гидры, нарисованные в волшебных книгах, радостно шуршат блестящими чешуйками. Блаженная улыбка распускалась на устах барона, в дремучей заросли его густой бороды; он бормотал туманные заклинания, древние торжествующие гимны. И, дожидаясь пока золото остынет, вспоминал длинный ряд доблестных сражений, рассказывал про удары мечей в длинные щиты, про поединки храбрых витязей в земле греческой; то были единственные часы в жизни барона, когда у него развязывался язык.

Впоследствии неудача в опытах оказала дурное влияние на характер алхимика. Он стал внимательнее прислушиваться к безотрадным речам византийки. По ее примеру он нетерпеливо ждал конца своего слишком затянувшегося земного пути. И ему не нравились шалости Мао.

Лишившись сени, под которой она привыкла находить приют, юная красавица перенесла свою любовь на ученика. Жак представлялся ей символом мужского начала, оживляющего природу. Он был в ее глазах источником человеческой жизни; он орошал ее своею любовью и опахивал своими заботами, как землю, когда хотят ее сделать плодородной.

В течение месяцев, проведенных за чтением александрийских манускриптов, какая-то струя забила в их нервах, разливалась с возрастающей силой, овладела ими настолько, что явилась постоянная потребность слышать друг друга и соприкасаться. Несомненно, они испытали воздействие небесных тел, занимаясь вдвоем измерениями в ясные ночи. Сила притяжения далеких миров вовлекла их души в звездный поток, унесла в безграничные пространства, где ярче цветет красота... Тела оставались прикованными к земле, а дух плавал по божественным волнам среди бесконечного разнообразия вселенной.

Или, может быть, благодаря продолжительной, проникновенной близости с металлами, кипевшими в пробирках, каждый из них приобрел свойства какого-нибудь металла. И эти свойства притягивали их одного к другому по таинственным законам естественного сродства. Долго Мао играла Жаком, забавляясь его неопытностью в области магии. Она заставляла инструменты не слушаться его рук; она меняла цвет плавящихся металлов, чтобы Жак сбивался, работая над превращениями. Часто она усыпляла Жака, чтобы заставить его взобраться на самую верхушку брюггской колокольни. И прежде, чем разбудить, возвращалась к своему отцу. Жак прибегал рассказать, в какой ужас он пришел, увидев, что его тело очутилось так высоко над деревьями. Или же Мао замыкала его в воображаемый круг, из которого никакими силами он не мог выбраться. И приходила в восторг, когда в ярости он со всего размаха ударял кинжалом в невидимые стены заколдованного круга.

Так по-детски забавлялась над ним дева, и по-детски скоро его полюбила.

Но ласки Жака пробудили в ее уме тысячу новых запросов. Ею овладело убеждение, что в нем таится Неведомый. Сколько нового, необычайного мо-

жет явить мужское начало! Несомненно, обнаружатся явления, недоступные ее прежним, девическим познаниям. Планеты силы — Бел, Меродах, Небо́ — откроют для нее свои таинственные петли. Она сможет вызывать исчадия ужаса и ночи, совершая заклинания железом и оловом.

Однажды вечером, когда Син многоликая струила тихое лунное сияние на ложе из лилий, в пламенных объятиях Жака Мао отомкнула свои ослепительные формы.

Последовала неистовая вспышка отцовского гнева. Женские небесные тела не отзывались на заклинания той, которую осквернило мужское. Только сильфы и ундины по-прежнему сохраняли покорность ее предрассветной песне.

В это время Жак скитался в походе, добывая свое наследство. Наконец, духи поведали Мао, что он восторжествовал над мятежным вассалом. И они вновь соединились.

IV

Прижавшись к вершине холма, заросшего кустарником и испещренного глубокими рытвинами, замок Горп смотрел лицом на восток.

Когда служанки отдернули занавески, чтобы лучи света разбудили графиню, Мао увидела, что в стрельчатое окно подымается солнце, окутанное утренним туманом.

На дворе выли борзые собаки, недовольные запозданием своей госпожи; серебряные колокольчики звякали на нетерпеливых лапках кречетов.

И Мао возликовала сердцем при виде красивых пажей, жаждущих предупредить все ее желания.

Пока ей расчесывали волосы, она окидывала взглядом окружающую местность.

Над зелеными вершинами леса, покрывавшего долину, на башне аббатства вздымалась к небу мачта, и на ней развевалось знамя, окрашенное багрянцем и лазурью — в цвета сюзерена.

С сокрушением она подумала о десятине, которую наложили монахи на тучные стада и домашнюю птицу. Они брали, сверх того, двух снаряженных лошадей на святого Иоанна и дюжину алтарных покровов к Рождеству. А во время войны требовали четырнадцать копьеносцев и сотню стрелков из лука под предводительством самого господина де Горпа или его наследника. Тяжелая повинность!

Внизу лежала деревня, пятьсот хижин, крытых соломой, а посредине зияла площадь белой дырой. Вдали обрисовывались в уменьшенном виде колодезь и виселицы, на которых качалось по ветру несколько гниющих трупов непокорных поселян.

Стояла тишина под золотистым осенним небом; только изредка нарушали молчание дальние возгласы дровосеков да шуршание листьев подрубленного бука.

Жак пел, прося ее поскорее кончать одеваться.

Прикрепив золотым кольцом вуаль к своей прическе, Мао спустилась по лестнице, сложенной из каменных плит, устланных фиолетовыми и желтыми полосами, которые падали сквозь цветные стекла.

Завидев ее, слуги приставили ко рту свои трубы. Жак подсадил ее на седло; и кавалькада поскакала вниз по извилистой дороге под веселый лай собак.

Им кланялись пастухи, сторожившие серые стада. Кланялись дровосеки, останавливая на лету занесенные топоры. Кланялся путник, согнувшийся под ношей.

Мао и Жак мало разговаривали. Им достаточно было взглянуть друг на друга, чтобы прочесть непрестанное желание взаимно проникнуться, слить воедино свои души. Граф старался понять причину загадочных взглядов, беспокоивших его нерешительную, тревожную душу. Обманутая в своих надеждах, Мао обдумывала упреки, которыми ей хотелось осыпать супруга за то, что он

скрывает от нее тайны Силы, заключенной под его мужской оболочкой. И они ехали через леса и поляны, заглушая физической усталостью неотвязные думы.

Между тем, Эдам не спешил утолить свой гнев. Одна старая служанка, с давних пор привязанная к Мао, убежала из Брюгге, явилась к своей госпоже и поведала ей тайные намерения отца. Он отказался от мысли преследовать графа де Горпа с помощью сверхъестественных сил. Во имя рыцарских традиций он будет сражаться равным оружием. Он уже созывает своих феодалов. Одиннадцать знамен двинутся вслед за его знаменем в начале будущего месяца.

Против дочери у него нет ни малейшей злобы. Лишь сострадание омрачает его речи: он не ожидал от нее такой слабости, не думал, что она способна отдаться во власть какого-то молокососа. Вот с чем он не может примириться. Труды всей его жизни, тайны высшего творчества, в которые он так ревностно посвящал Мао, не в силах оказались удержать ее в сфере возвышенных наслаждений. Как самая обыкновенная девчонка, она поддалась на соблазнительные речи пустопорожнего человека, посредственного ученика, постоянно отрывавшегося от работы из-за низменных житейских интересов.

Во время разговора старая наперсница шамкала губами на лице, вылощенном, как полированный букс. Ей налили вина из фиала и подали лакомства, от которых восстанавливаются силы после долгого пути.

— Видит Бог, не миновать боя... — воскликнул раздраженно граф. — Аббат нам доставит кое-какую поддержку от герцога Людовика. Мы поднимем знамя против бургундцев и фландров от имени его высочества Орлеанского и короля. Я не оставлю вас без защиты, госпожа.

Он вышел.

Мао опечалилась. Услышав о скорби своего отца, она поняла, как много потеряла от своего увлечения. Оказывается, великая песня любви не принесла ничего, кроме унижения и позора.

Графиня поделилась с Торинелль своими грустными размышлениями. Торинелль была несколько посвящена в тайны алхимии: она прислуживала Эдаму и его дочери во время таинств Великого Творчества и знала, что, если не соблюдать строжайших предосторожностей, может разразиться страшная катастрофа. Она напомнила графине, что в скором времени ей предстоит, наверное, стать матерью. При таком положении число совершающих таинство остается неопределенным, а раз нарушена гармония равновесия, обряд не может быть исполнен. Когда она освободится от бремени и пройдет долгий период очищения, лишь тогда чары вновь приобретут свою всемогущую силу.

Мао пришлось задуматься. Будущий ребенок уже теперь лишал ее возможности свободно располагать собой. Возобновляется тяжелое иго детства, приходится подчинять свои действия воле сына подобно тому, как в прежнее время она подчинялась своенравным причудам матери. Эта беременность отлучает ее навеки от благодатного искусства Эдама, под сенью которого она находила такое надежное пристанище, возрождалась душою.

Но зато помещичья жизнь доставляла ей чудесные развлечения.

В Брюгге она сидела, как в тюрьме, в усадьбе Эдама, покидала лабора-

рию только в часы церковных служб. А теперь, в осенние месяцы, в течение нескольких недель она носилась на коне по лугам своего поместья Враген; навещала продолговатые лужайки, неисследованные пещеры, птичий двор, где на соколов были надеты колечки с ее девизом «Эстр». Но сейчас конец кавалькадам. Все заполнено боевыми звуками, все заняты приготовлениями к войне.

С утра до поздней ночи на дворе пажи чистят сталь доспехов; испытывают, крепки ли копья, кидая их в стены.

Жак разъезжает с Мао по соседям, чтобы заручиться поддержкой союзников. Лошади без конца трусят рысью от замка к замку по дороге, размытой осенними дождями.

Так она познакомилась с сиром де Корбегемом, который участвовал в арагонском походе и привез в качестве добычи роскошную мавританскую посуду. Он наливал графине свои медовые вина в бокалы из позолоченного серебра. В главной зале замка стояла хрустальная часовня, и в ней восседала на троне покойная супруга сира, набальзамированная врачом-евреем. Говорят, она была необыкновенной красоты; но теперь сидела иссохшая, черная фигура, похожая на старую сарацинку. На увядшей коже тускло блестели браслеты, слишком просторные для ее худых, безжизненных рук.

Чтобы залить свое неутешное горе, сир выпивал неумеренное количество сикеры и иберийских вин; и, когда хмель одолевал его, он дико гоготал, разевая окровавленные губы и обнажая черные зубы, и рвал на животе шнурки своего красного плаща. Как ни противны были эти манеры, Мао смотрела на сира с состраданием, понимая, что горе довело его до такого жалкого образа жизни. Вместе с тем, Корбегем славился своим мужеством. Графиня держалась вежливо и ласково; надо было расположить его к себе, чтобы он предоставил все свои силы для предстоящей кампании.

Посетили графа де Марейля, который раньше жил при дворе. Он привез оттуда эксцентричный костюм — обтянутые штаны, фуфайку, на которой жемчугом были вышиты любовные песенки, длинные башмаки с загнутыми носками. Он напевал маленьким, тягучим голоском и сам себе аккомпанировал на гитерне. С восторгом пространно рассказывал, какие блестящие празднества были однажды устроены по случаю приема королевы Изабеллы.

— Это было уже семь лет тому назад. Восхитительно одетые ангелы сошли с мостков рядом с моим местом; они возложили венок на голову королевы и пели так мелодично:

Цветами белыми главу твою венчая,
Тебе Париж, царица молодая,
Несет привет всего родного края…
Мы ж встретимся с тобой еще в долинах рая.

Марейль подымал вверх тонкие руки, унизанные множеством колец, и снова ронял пальцы на струны инструмента; или же расчесывал указательным пальцем длинные пряди светлых волос, в которых уже серебрилась седина —

ему шел пятый десяток.

Жак суровым тоном давал ему наставления. Будет очень печально, если его небрежность погубит все дело. На него возлагают большие надежды из-за отряда генуэзских стрелков из лука, которых он уже пробовал водить против англичан и гентских воинов.

Марейль приподымался на носках своих длинных башмаков и шутовски восклицал:

— Клянусь горою святого Дениса!

Вечером вышла его жена, толстая немка, приехавшая во Францию во время королевской свадьбы и до сих пор еще не научившаяся говорить по-французски. Она объяснялась знаками и все время смеялась.

Когда ужин подходил уже к концу, явились городские депутаты воздать почести. Лишь только их ввели телохранители, самый старший бросился на колени перед Жаком и все разом они закричали:

— Мы просим правосудия, государь! Правосудия!

Марейль хотел их выпроводить, но депутаты упорно продолжали лежать на полу, путаясь в полах своих пышных плащей. И самый старый поднял над головой свиток пергамента с городскими печатями.

—Убирайтесь вон, мужики! Вы не смеете обращаться к господину без его соизволения.

Маленький дворянчик весь налился кровью и яростно топал ногами. Он указывал им пальцем на дверь. А взглядом приказывал сбежавшимся слугам вывести их силой. Жак отвернулся. Госпожа де Марейль, ничего не понимая, пыталась успокоить разгневанного мужа кротостью своей блаженной улыбки. Мао запретила производить насилие над людьми, которые пришли в качестве делегатов: они должны пользоваться такой же неприкосновенностью, как герольды.

Между тем, депутат не унимался. Жалобы сыпались одна за другой. Пажи, введенные ночью в город, вытащили из постелей молодых девушек и отпустили их на третий день обесчещенными. После этого обиженные семейства выселились на королевский домен, увлекши за собой более тысячи других горожан. Хотя подобный шаг освобождает их ото всех повинностей, сборщик податей потребовал, чтобы город заплатил за беглых. И староста, вопреки старинным обычаям, захватил суммы, предназначенные на восстановление укреплений, разрушенных во время последней войны. И теперь город остался без защиты против английских мужей и бургундских разбойничьих шаек. Уже какие-то бродяги, забравшись утром на базарную площадь, убили несколько купцов и угнали скот. Жак был возмущен этими разоблачениями. Он обещал разобрать дело и, отпустив просителей, стал распекать своего вассала за то, что он разоряет местность, вверенную его попечению. Разве можно до такой степени позорить честь благородного сословия из какой-то смешной жадности, ради того, чтобы наряжаться, как беспутная девка?

Мао с гордостью смотрела, как униженно склоняется седеющая голова вымогателя перед молодым задором ее супруга. Графиня присоединилась к упрекам; собственной властью она предписала разыскать в замке похищенные

суммы.

Монах-казначей принес ключи; Жак и Марейль ушли за ним.

Мао одиноко сидела под почетным балдахином и увидела, что гости-приятели хозяина мечут на нее враждебные взгляды. Нисколько не смутившись, она врезалась глазами в лица тех, кто держал себя всего наглее. Усилием воли графиня подавила в себе волнение, недостойное ее сана, но в душе замыслила месть.

Она позвала монаха, отца Эльвена, занимавшего у де Горпов должность хранителя печатей; кармелит написал приказ. И Мао застыла в тихом величии, опираясь на подушки кресла, устремив взгляд в вышитые узоры балдахина.

На другой день длинное шествие вышло из замка. Жак взялся до заката солнца учинить суд и расправу на главной площади города. На выбоинах дороги спотыкалась тележка с виселицами, за нею шагал крепкий старик, ведя под уздцы мула.

V

В мутном воздухе сверкает праздничное веселье и пестреют яркие краски плащей.

Дома с острыми черепичными крышами протягивают красные полуоткрытые навесы над лотками ювелиров.

При отливах толпы перед глазами Мао открываются улицы, знамена; а в глубине, на площади видно, как играет солнце на широких клинках рогатин и медных скрепах арбалетов. Видя, что все приготовлено для осуществления задуманной мести, она успокаивается и выпрямляет стан.

Староста заканчивает приветственное слово: он умоляет графа не карать слишком строго ослушников, просит праведного суда.

— Мой суд будет праведнее, чем вы думаете, господин староста, — отвечает Жак.

Этот двусмысленный ответ сильно смутил людей Марейля. Они невольно повернули глаза к стенам замка и его башням, которые бледным пятном обрисовывались на темно-сером фоне тяжелых надвигающихся туч. Блеск золотого шитья и оружия внезапно померк. Небо окрасилось в лиловый тон и сдвинулось книзу, свет перемешался с тенью. Погасли раззолоченные ризы и стихари. И только крест по-прежнему мягко сиял с высоты церковного купола.

Мао приходит в восторг от гордого сознания, что она госпожа, она владычица в этом городе, над этими людьми. Когда-то она вдохнула любовное зелье в уста Жака, и вот теперь дошла до вершины свободы и власти. Остановившись подле великолепных эшафотов, воздвигнутых покорными руками крепостных людей, она бросает поводья пажу Оризелю; Марейль, подбежав к стремени, помогает ей сойти с седла. Величавой походкой она подымается по ступеням собора, под торжественные звуки органа, напоенные небесной любовью.

Позади певчих разевает свою пасть настежь раскрытая дверь.

В глубине, под сводами, сияют в трикириях огоньки свечей, словно венцом окружающие алтарь. Шествие выстроилось на паперти, баронские токи, украшенные зубцами, перемежаются с белыми высокими колпаками дам, сапоги латников скрипят на каменных плитах.

Словно государыня, всходит Мао, опираясь на руку супруга, свита расступается, и она садится посредине. С высоты своего трона графиня царит над площадью, толпой и одетыми в красное холопами богатырского сложения, сидящими у подножья виселиц, вокруг эшафота.

Рыцари Марейля обеспокоились, увидев, что чужие слуги держат их лошадей.

Напрасно сир, подойдя к де Горпам, пытался выведать их намерения:

— Против кого выдвинута эта армия мужиков? С какой стати для того, чтобы повесить несколько бродяг и какого-нибудь фальшивомонетчика, приготовлена плаха, орудие казни благородных людей?

—Благородные люди совершили беззаконие и должны понести кару, — промолвил отец Эльвен.

И никто ему не возразил.

Жак теребил бахрому панциря, а Мао холодным взором оглядывала непокорных рыцарей.

Марейль длинной шелковой перчаткой вытер пот, блестевший у него на висках, и проговорил:

— Граф, это предательство. Нас на смерть!

И, понизив голос, чтобы не испугать рыцарей, которые с замиранием сердца следили за движением его губ, он добавил:

— Убийство хозяина, у которого вы в гостях, ляжет проклятием на весь род, это неизгладимый грех. Господь Бог накажет ваших первенцев.

— Успокойтесь, — отвечала Мао, — речь вовсе не идет о вашей жизни. Кто не совершил преступления, тот не будет наказан. Но никто никогда не слышал, чтобы вассал мог ограждаться правом гостеприимства против судебной власти сюзерена.

Прямо перед глазами подымались стены дозорной башни, убранные щитами, окрашенными в геральдические цвета — зеленый, красный, черный. Справа каменный Христос испускал дух на кресте у паперти монастыря.

Первый городской депутат вручил герольду текст прошения. Эльвен взял свиток и прочитал формулу обвинения против одного пажа, который умертвил цехового старшину за попытку удержать его в то время, когда он учинял в городе безобразный погром.

Паж вышел из группы ослушников, как бы для того, чтобы объясниться. И вдруг бросился бежать к голгофе. За ним кинулись стрелки; им мешали бежать тяжелые панцири; паж пронзил кинжалом одного воина, который совсем было его догнал, и, припав к подножию креста, возопил отчаянным голосом:

— Убежище! Убежище!

Сначала монахи его оттолкнули, но епископ схватил посох, который несли за ним, и прикрыл беглеца. Позади воины и народ заволновались.

Мао приказала не обращать внимания. Но Эльвен пояснил, что не подобает попирать церковные привилегии. И, отозвав стражников, де Горп объявил, что преклоняется перед ограждающей силой епископской руки.

Между тем, солдаты принесли рукавицу умирающего и кинжал пажа и бросили перед трибуналом в знак того, что они требуют мести. Народ ревел. Давно было известно, что епископ держит руку Марейля, и что они вместе обделывают делишки. Один ткач, прорвавшись сквозь линию воинов, рассказал, что его сыну отрезали руки и ноги за то, что он поймал косулю в епископском охотничьем участке. Стоя посреди площади, ткач то кричал, то плакал; сеньор сидел насупившись, а епископ улыбался. Граф посоветовал ткачу обратиться к священникам — в насмешку, чувствуя их враждебное к себе отношение. Прелат, увенчанный митрой, в фиолетовом облачении, с золотым посохом в руках, бесстрастно сидел у дверей монастыря.

Застыла в смутном молчании площадь, разукрашенная роскошными коврами и геральдическими щитами. Мао, чувствуя, что на ее стороне глас наро-

да, повторила настойчивее свои требования; адская злоба клокотала в ее душе. Она утверждала, что пажа схватили, не доходя монастырского крыльца, а правом убежища пользуется только часовня.

Снова начался спор. Граф выразил желание познакомиться с хартиями. Один из дьяконов ушел за ними.

Кончилось тем, что стражники забрали ткача, так как он приставил обнаженный кортик к груди епископа.

Мао нисколько не убедили слова Эльвена. Ей казалось, что от казни пажа зависит ее собственная жизнь, что постоянно у нее перед глазами будет стоять вчерашняя оскорбительная сцена, пока смерть не набросит пелены на мучительное видение.

Возвратился дьякон с хартиями. Они подтвердили притязания епископа.

Графиня утихла и безмолвно рвала вышивку своей накидки, чтобы заглушить душевное волнение.

Марейль произнес речь в защиту обвиняемых .

Толпа рычала, угрожая прорвать линию стрелков, и граф поспешил произнести приговор.

Тех, кто не принадлежал к рыцарскому сословию, вздернули на виселице. Эльвен диктовал писцу приговор. В один миг раздевали осужденного одетые в красное холопы, наскоро бормотал он слова исповеди перед францисканцем, выступившим по назначению епископа, и тут же палач, у которого на платье были вышита цифра девять на фоне геральдических щитов Горпа и Врагена, обматывал ему шею намыленной веревкой. Вся операция отнимала немного времени. Под ропот голосов, молящих о помиловании, осужденного взводили на лестницу… и тело его уже качается в мутном воздухе.

Зрелище казни укротило ярость Мао. Упивалась ее чутко насторожившаяся душа при виде того, как страшная гримаса искажает черты позеленевшего лица, и от какого-то бешеного толчка все члены то судорожно скручиваются, то снова выпрямляются. Ей казалось, что повешенные бьются под ударами какой-то дьявольской плети. И слухом она даже различала скрипение клыков и лай, вырывающийся из пастей нечистых духов.

На шелковом поле развевающихся знамен извивались наследственные единороги рода де Горпов.

Среди гробового молчания звякнула голова, ударившись о землю. Хлынули красные струи и растеклись в густую лужицу, протянувши во все стороны длинные нити. И снова поднялся к небу обагренный меч палача.

О, эта кровь, этот бурлящий поток неприятельской крови! То скачет он волнами, как стадо красных крыс, то скользит, как ползучий уж, между каменными плитами. А багровая голова, висящая на руке холопа, эта страшная голова плачет сведенными глазами, рыдает губами, искаженными мукой.

Растерянными аккордами звонит городской набат, звонят колокола базилик.

Дымится меч после жатвы, а капли все еще бегут; они падают красным дождем на серые плиты, плоские, как равнина, где вся жизнь сметена ураганом; в паническом ужасе они льются из человеческих шей, срезанных ровно,

точно ножом искусного стольника.

Если бы не высокий сан, Мао подобрала бы эту кровь и растерла бы ее своими мстительными пальцами. Графине чудилось, что кровь излучает дивное пурпурное сияние, в волнах которого плавают монастырь, распятие, дьяконы, и епископ, и башни собора, и толпа.

Как молния, сверкает в воздухе меч, и еще одна голова звонко ударяется о землю. Кровавый поток разливается до подножья виселиц, омывает прозрачные тени повешенных.

При падении каждой новой головы ткач громогласно выражает одобрение, и вся масса вторит ему: «Светлый праздник доброму графу».

И долго так продолжалось. Мао купала свой взор в море пурпуровых лучей, заливавших все кругом, и глаза ее горели восторгом. По ее приказу уничтожаются человеческие жизни. Разрушаются человеческие формы мирового ритма, обрывается ряд деяний, которые должны были совершиться под этой оболочкой. Значит, одним напряжением воли она разрывает естественное сцепление причин и следствий, преобразовывает лицо мира. Она, Мао, становится высшим воплощением Астральных Сил, самым совершенным, торжествующе-сознательным. Не покинули ее Силы, несмотря на ее грешную любовь.

Оглушительно ревут рога-олифаны.

Теперь вешают разную мелкоту: карманных воришек, разбойников, святотатцев, богохульников. И под гроздьями тел гнутся виселицы, как зрелые виноградные лозы перед уборкой.

Епископ потребовал петли для ткача за то, что его кощунственная рука подняла нож на князя церкви. Горп нашел это требование справедливым и приказал привести его в исполнение.

Затем граф и графиня уехали верхом в свой замок.

VI

Там спешно доканчивали приготовления к обороне, укрепляли башни. Широкие стены в местах, требовавших ремонта, покрывали штукатуркой. На валах воздвигали бойницы для прикрытия стрелков из лука, подымали б корзинках тяжелые белые камни. Бесконечной лентой тянулись телеги под острыми зубьями опускной решетки, стучали по настилам подъемного моста. Подъезжали по всем дорогам. В одних везли звонкие доспехи, в других, прикрытых кожами, — порох, упакованный в железные сундуки.

Внутренние дворы запрудились палатками для воинов. Каждый вечер подходили новые партии к подземным ходам. Со вновь прибывших первым делом снимали мерку, затем им выдавали медные панцири с графскими гербами. Днем они для развлечения чистили шлемы или пришивали новые ремни к своим щитам; по ночам — ели, играли, дрались. Человеческая кровь орошала птичьи кости и черепки разбитых бутылок.

Мао прядет с Торинелль и прислужницами, запершись в башне. Жужжание веретен сливается с громким гулом, доходящим со двора. Перебирая тонкими ногтями струны гудка, Оризель тянет жалобную песню, — как король сарацинский влюбился в поганую змею.

Болтаются полужелтые, полуголубые ноги Жеана, тихонько прикорнувшего позади барышень; выгибается полуголубой, полужелтый шелковый нагрудник. Преклонив свою голову, окруженную ореолом золотых кудрей, и скрестив руки, он притворяется спящим. А если шевелится, так только для озорства, чтобы связать девушкам косы шнурками своей куртки.

Мао мило грозит ему пальцем из-за своей прялки, сдерживая смех, боясь обратить внимание подруг: нужно, чтобы они не заметили и, вставая, потянули за собою пажа. Жалко упустить такое забавное зрелище.

Огонь бросает розовые отблески в глубину камина, украшенного лепными группами; там изображены охотники, скачущие на конях. Через приоткрытые окна с цветными стеклами видны войска, насыпи, равнина.

Падают под углом солнечные лучи в узкое отверстие между двумя башнями, прикрывающими с обоих флангов главную опускную решетку. Ложатся яркие блики на стене главной башни. И греют на солнце шотландцы свои босые ноги и озябшие тела, закутанные в пестрые клетчатые платки. Некоторые из них смазывают салом стальные клинки своих широких палашей, другие —лощат звериные шкуры, прикрепленные к походным мешкам, и посмеиваются над галлами, которые играют на орехи, встряхивая шлемом кость. Кругом толпится огромное множество людей всевозможных племен — их занесло сюда во времена английских войн. Многие спят, опираясь щекою на щиты с фамильными гербами и мудрыми девизами, испещренными царапинами от мечей и копий. Эльвен говорит проповедь.

За чертою освещенного уголка на дворе совершенно пустынно. В глубине затененного пространства виднеются ряды новеньких шпор и конских дос-

пехов. Выше, прямо под солнцем, гуляют худые и черные тени часовых и, как звезды, сверкают медные скрепы их арбалетов. Чтобы взглянуть в даль, они останавливаются и прикрывают сверху глаза ладонями.

Обвивая холм, подымаются к тучам поля: там нет ни одного деревца, все голо, все пасмурно. Узенькими и бесконечно длинными белыми лентами вьются дороги. Графиня уныло лелеет в душе желание помчаться туда, навстречу коннице своего отца. Думают, что он уже близко и решил дать сражение до первого снега. Мао рисует себе такую картину: побежденная, она стоит на коленях перед Эдамом и, целуя попону его коня, умоляет: «Простите, отец, если я в чем согрешила». А Жака, ее милого, нежного супруга, быть может, поведут на смерть. Если бы ей удалось предупредить битву, отец нашел бы очистительные средства, он смыл бы бесчестие священными парами киннамома. Не пришлось бы испытать позорного поражения. Чем больше Мао заглядывала вперед, тем труднее было вылить из души воспоминание о магической власти, которая некогда в ней создавалась одним усилием воли, а теперь утрачена. Вернуться к отцу — значит вернуться к высшему блаженству волшебных заклинаний, к песням золота, кипящего в прозрачных сосудах, к опьяняющим парам ароматных эликсиров, к чарующим ласкам звездных лучей. Если отец не простит, даже победа оружия не вернет Мао ее царственного могущества. Такое пророчество слышалось ей из уст святых евангелистов, нарисованных на выпуклой крышке сундука: св. Марка, св. Иоанна, св. Луки, св. Матвея, с золотым сиянием вокруг головы, в легких одеждах розового, глазурного, шафранового, изумрудного цвета, выступающих на зеленом фоне. Но что за предательская мысль — покинуть на произвол судьбы Жака де Горпа! Ради нее ведь он поставил на карту свое имя, свое состояние, свои связи, свою жизнь. И, чтобы избавить свою колеблющуюся душу от этих нечистых помыслов, графиня срывается с места и приказывает отправляться на прогулку.

Мао едет. Ее белый иноходец грациозно обходит препятствия, загораживающие путь, а лошадь Леноры с безукоризненной точностью повторяет все движения к великому удовольствию барышни, и барышня заливается смехом, обнажая свои блестящие зубы.

Шелковые юбки шуршат, задевая за сырые стены сводов; в амбразуре ворот зачернели вершины лесов.

Ленора продолжает смеяться навстречу тяжелым ласкам холодного ветра, враждебно дующего в лицо всадникам. И этот смех пронизывает насквозь, временами разгорается, временами разражается взрывами, то заглушается воздушным вихрем, то покрывает ропот бушующей стихии.

Мао замедляет аллюр, достигнув первых хижин местечка; Оризель и Жеан поскакали вперед и затрубили в рожки для забавы.

В окнах показались смешные мужицкие лица; простаки снимали шапки с голов. По бокам дороги стояли дома с круглыми стеклами и низкими дверьми со вбитыми накрест гвоздями.

Сбежались дети. Старики просили милостыню. Оризель пустил своего коня в стадо свиней, возвращавшихся с поля. Это было восхитительное зрелище! Неуклюжие животные разбегались в паническом страхе, а свинопас рас-

терянно метался то вправо, то влево, щелкая кнутом и чертыхаясь.

Ошеломленные свиньи отчаянно хрюкали. Они устремились к огородам, перепрыгивали через изгороди и плетни, опрокидывали колышки, приготовленные для хмеля, топтали овощи. Оризель и всадницы повернули лошадей в самую гущу, где всего плотнее скучились свиные рыла и спины. Они притискивали свиней к стенам домов и толкали в грязную речку. Жеан трубил победный охотничий сигнал «аллали». Графиня очень развеселилась: у нее сразу вылетели из головы все мрачные мысли о предстоящем поражении армии, о том, что ее, может быть, заберут в плен. Она пришпорила своего иноходца — и со всей силы ударяла хлыстиком свиней, катившихся в грязь по откосу реки.

Пастух уморился от преследования, он сжал обеими руками свою беспутную голову и сел на камень. Оставшись без пастыря, стадо всецело отдалось во власть панического страха. Некоторые свиньи, плотно прижатые к стене одного дома, начали карабкаться вверх, чтобы взобраться на крышу, за ними полезли другие. И под бешеным напором стена заметно покачнулась, к величайшему восторгу барышень. Ленора не могла даже держаться на лошади и соскользнула с седла. Одной рукою она подбирала платье, а другою хлестала свиней, подгоняя их на приступ. Вскоре показалось лицо старой женщины, столь же белое, как ее волосы. Она крестилась; она умоляла.

Оризель крикнул, чтобы она спасалась, если ей жизнь дорога. Хижина, наверное, слетит: ему известно, что Сатана вогнал целый легион бесов в шкуру этих животных.

Женщина вышла. Дом рухнул. Перепрыгнув через груду сухой земли и соломы, стадо, как волнистая конница, неслось вскачь по садам, по огородам.

Старуха горько плакала на развалинах, призывая святого Мартина, который охраняет против беса Легиона. Желая порисоваться своей щедростью, Жеан кинул ей кошелек, где было десять су, восемь серебряных да один золотой денье.

Затем кавалькада двинулась вдоль берега по тому направлению, откуда доносились протяжные удары кузнечного молота.

Подъехали к пещере, где люди колоссального роста колотили молотками секиры. Несколько готовых висело на стене. Секиры были толстые, с двумя лезвиями, с изображением единорога на оправе: их продажа составляла главную статью в доходах де Горпа. Пот покрывал выпуклые мускулы великанов и их ветвистые жилы. Узнав графиню, они стали снова выбивать снопы искр из наковальни.

Мао пожелала им успеха и обещала прислать бочку сикеры.

И двинулась дальше.

Спутники последовали за ней. В дороге Мао изображала, как неприятно пахнут мужицкие духи, и звенел неумолкаемый смех все время, пока всадники не доехали до замка.

Услышав призывные звуки рожка, Жак вышел им навстречу. Его сопровождал аббат монастыря святого Элоа. Оба подошли к графине.

Аббат поцеловал ей руку и сказал:

— Очевидно, госпожа, король и его высочество герцог Орлеанский пленились вашими прекрасными глазами: они оба очень милостиво приняли нашу просьбу.

Мао поклонилась, хотя и не совсем поняла смысл его слов. Жак сейчас же начал трубить про свои успехи. При посредничестве аббата он заручился для предстоящей войны тайной поддержкой герцога, деньгами из королевской казны и даже пушками.

Аббат улыбнулся.

— Бьюсь об заклад, при таких приготовлениях, при таком полчище храбрых солдат у вашего супруга хватит сил для того, чтобы удержать за собой свое главное сокровище — вашу красоту.

Аббат говорил комплименты с какой-то умильной важностью.

Отвечая ему, Мао не без любопытства смотрела на это воинственное лицо с обнаженным лбом, на котором от волос остался только узенький венчик, разрешаемый церковными канонами.

Под белым одеянием выступал твердый остов металлического панциря; бряцала шпага, ударяясь о шпоры; и только широкий черный плащ, ниспадавший с его плеч до колен лошади, обличал духовное звание сановитого всадника.

Прошли через толпу шотландцев, плясавших вокруг костров. Стонали волынки.

Аббат объяснил, что, согласившись поставить Врагенское поместье в зависимость — чисто формальную — от Людовика Орлеанского, Жак и Мао дали ему повод поддержать брюггских мятежников в борьбе против их герцога и через посредство своих агентов вступить в сношения с главарями восстания. Это491 собьет спесь с Бургундии. Парижское население не должно знать, что граф будет вести войну с помощью короля.

Вечером отправились курьеры к вассалам де Горна и монастыря святого Элоа с приглашением на пир для окончательного закрепления союза.

К Жаку постоянно являлись рыцари, изгнанные из разных отдаленных областей. Сеньор принимал их, сидя на троне под навесом очага. Рыцари предлагали к его услугам свои крепкие мышцы и верное сердце. Жак подводил гостя к черте очага и сжимал обеими руками его левую руку. И рыцарь, подняв правую руку к образу Христа, произносил присягу: «Я отдаю вам свою жизнь, свою смерть и все, что от меня потребуете» .

Сениор посвящал в звание нового вассала, и Мао наполняла вином кубок из позолоченного серебра.

Однажды утром дозорный сообщил, что приближается несколько пеших отрядов. Из замка испуганно выбежали на вал, чтобы разузнать, в чем дело. Наступало целое полчище; с невероятной быстротой оно двигалось в молочном тумане, колыхавшемся волнами над землей. Всадники, ехавшие рысью среди пехотинцев, не могли их обогнать. Как иглы ежа, торчали над головами острые рогатины. Толпа заполнила долину и начала взбираться на холм. Когда воины подошли ближе, стали заметны белые шарфы у них на груди. Тревога сменилась шумной радостью: по этому знаку признали орлеанских союз-

ников .

Слуги откупорили бочки и расставили столы вдоль крепостных стен.

Орлеанцы вошли в крепость. Маленькие, черненькие, они говорили все разом, без передышки, звонкими голосами. Они рассказывали про чудесные страны, которые им пришлось посетить во время походов, про сражения с турками, про неслыханные подвиги. И говор их заглушал все другие голоса.

Позже подошли новые отряды, и Жак предложил прибывшим разместиться в деревне. Но шотландцы ушли вниз за гасконцами, желая дослушать их удивительные приключения. И замок почти опустел. Остались одни только галлы, неутомимые игроки. Жак был очень доволен: воины раздобудут себе пропитание у крестьян, и казна сеньора избавится от излишних расходов.

Наконец Марейль привел генуэзских стрелков из лука и сто двадцать копейщиков. Надменные итальянцы, одетые в алые куртки, вели себя с наглостью наемников, избалованных хорошей платой. Они потребовали особой пищи. Нисколько не стесняясь, они немедленно выгнали галлов, расположившихся в манежах, и выбросили под дождь их пожитки. Дело чуть не дошло до кровопролития, но генуэзцы пригвоздили стрелами к стене плащи самых строптивых и захлопнули презрительно перед ними двери.

Галлы увидели, что им не под силу тягаться с итальянцами, и тоже ушли в деревню. Всю ночь были видны с валов разложенные ими вдоль ферм большие костры.

Марейль увивался перед графиней. Сидя у ее ног между Оризелем и Жеаном, среди девушек, занимавшихся рукоделием, он старательно выводил девиз «Эстр» на переплете своего часослова.

Мао ласково следила за ловкими движениями его выразительных пальцев, — когда он раскрашивал буквы на толстом пергаменте.

Девушки расшивали кольчуги блестящими узорами. Из пестрого букета высоких чепцов и лиловых платьев, словно хрустальные колокольчики, звенели их болтливые язычки.

Между тем Жак, урывая свободные минутки, увлекал свою графиню на террасу башни. Там под ласковым дыханием свежего воздуха он порывисто прижимал Мао к своей груди и безмолвно осыпал градом поцелуев ее очи, ясные, как весеннее утро. И, вместе с тем, попрекал ее, зачем она таит про себя радость предстоящего материнства. Разве же она не испытывает гордости от сознания, что их род увековечится в грядущих поколениях, что перейдут к потомству незапятнанные зубцы их фамильной короны, доблесть и мужество, живущие в их душах, соединенных самим Провидением?

Она оправдывалась, ссылаясь на свою стыдливость. Но в глубине души была огорчена тем, что обнаружилась ее позорная беременность. До сих пор она питала тайную надежду на погибель горького плода, уже отягощавшего ее чрево: ей не хотелось производить на свет ублюдочное существо, зачатое от гордых стремлений ее смелого духа и трусливой души ее возлюбленного.

На доверчивые ласки Жака Мао отвечала притворной нежностью. Жгучими поцелуями она старалась отделаться от тревожных вопросов. Сосредоточив во властном взгляде все силы, рассеянные в ее существе, она вселила ему

уверенность, что ответные порывы равносильны безмолвному согласию.

От нежности ее разгоралось страстное вожделение в душе графа; беспрестанно он требовал от своей супруги утоления. Его терзало смутное предчувствие смерти. И, как мягкий, слабовольный ребенок, одаренный добрыми чувствами, Мао никогда не отказывалась отвечать на его влечение. Из сострадания она заключала в его объятия упоительно-палящую сладость своего юного тела.

В порыве нежности она старалась вырвать из души мужа мрачные предчувствия смерти. Она просила его помочь ей приготовить чудесный напиток: ей хотелось, вспомнив старое искусство, прочитать будущее. Но травы засохли, воды помутились, тигли растрескались. После такой неудачи пришлось отказаться от дальнейших попыток.

Мао стала еще покорнее исполнять желания Жака, хотя боязнь неравным союзом нарушить законы Сил отравляла ей все удовольствие.

Случилось как-то ночью, что измученная страшными видениями графиня покинула брачное ложе, на котором покоился ее супруг, и вышла на галерею освежить лицо чистым воздухом. Сияла божественная Син, окруженная мерцанием осколков мира, рассеянных по небесному своду; и тихое ее сияние облегчило болящую душу. Видно, Небесному Телу было угодно унести своими лучами печали чародейки: прохладительной лаской разливалось сияние по ее щекам. Она крепко прижалась лицом к бойнице; светлый поцелуй наполнил ее сердце безмятежной радостью, и гармоническое целое всех ее членов затрепетало мелодичною дрожью. И долго она не могла вырваться из пронизывающих объятий Небесного Тела.

Придя в себя, Мао почувствовала, что высшая воля приказывает ей идти к какой-то таинственной цели, где ждет ее неизведанное блаженство. Она отошла от высокой расщелины бойницы в надежде найти какие-нибудь руководящие указания. В переливах лунного света синела занавеска в дверях комнатки, где спал Оризель.

Мао осторожно приподняла ткань. Перед камином с пылающими дровами спали Оризель и Ленора, слившись розовыми губами.

Паж обвил руки любовницы вокруг своей головы и так сильно притянул ее к себе, что совершенно обнажились все формы девушки, гибкие и почти детские; ее тело еле-еле было покрыто пушком, и только вокруг глянцевитого личика рассыпалась пышная грива золотых волос. От узких опаловых бедер шла изгибом сухая линия, заканчиваясь острым углом у пальцев ног. На верхушках маленьких грудей упруго стояли красные овальные бугорки, от которых осталось сладкое воспоминание во влажной улыбке Оризеля, свернувшегося под шелковым плащом.

Кругом были раскиданы их одежды. Повсюду сверкали обрывки сломанных застежек, и с такою бешеной силой захлестнула любовников ритмическая волна звездных сочетаний, что изогнулись в эллипсис их тела, подобно орбите движения комет. Ах! законы гармонии, управляющие движением миров, царят и над душами людей, над их симпатиями и антипатиями, и ничего не может здесь изменить жалкий человеческий разум.

Что-то нежно-обаятельное исходило от юной четы, и зажглось восторженное вдохновение в сердце Мао.

Она охмелела в ароматном чаду новых ощущений. Окутанная благодатным сиянием божественной Син, она вернулась к меховым покровам супружеского ложа. Жак давно уже звал жену, изнывая от внезапного прилива страсти... Они сладострастно вцеплялись друг в друга ногтями, остро впивались зубами, и бились в дикой схватке их пылающие страстью тела, их исступленные души. Истомившись от безумного наслаждения, оба тела, сплетенные воедино, задушенные объятиями, падали в совершенном изнеможении. После некоторой передышки начиналась новая схватка и сжигала обоих еще беспощаднее. Так проходили дни и ночи до того часа, когда затрубил сигнальный рожок на дозорной башне, возвещая прибытие союзных баронов.

Жак и Мао ехали верхом навстречу гостам, и вдруг на дорогу выскочили из кустов два человека; оказалось — кузнецы. Изодранные кожи, висевшие у них на плечах, плохо прикрывали груди, заросшие мохнатыми волосами, у каждого было два топора за поясом и железная рогатина в руке.

Солдаты разграбили запасы в амбарах. Жены и дочери прячутся в лесах от насильственных посягательств на их честь. Туда же сами крестьяне угнали свои стада после того, как солдаты вздумали для развлечения расстреливать из лука скот. Обозлившись за такой враждебный прием, разбойники повсюду гоняются за крепостными; и, если кого-нибудь изловят, вырезают ноздри, обрезают уши, кисти рук.

В подтверждение рассказа своего товарища второй кузнец кликнул по направлению к высокому лесу. И появилось несколько человек с окровавленными тряпками на головах и на руках. Кузнец снял повязки; тряпки окостенели от запекшейся крови и хрустели во время разматывания; Мао увидела отвратительные лица, по которым струились красные потоки, жалкие обрубки рук, слипшиеся волосы.

Графиня послала несчастных в замок.

Потом, понизив голос, старики сообщили, что деревня может доставлять продовольствие войскам не больше, как еще шесть дней. А иначе армия истребит весь годовой запас. И закончили они слезными жалобами на свое разорение.

Граф объявил, что он до пасхи освобождает деревню ото всех повинностей. Самые нуждающиеся получат пособие. И, наконец, послезавтра войска будут выведены.

На площадке перед распятием, по Парижской дороге выстроился целый ряд величаво вытянувшихся баронов, и блестели их панцири, расшитые геральдическими знаками. Жак перецеловал всех поочередно, не сходя с коня. Мао узнала всех баронов, хотя и никогда их не видела. Каждый герб указывал титулы, напоминал славную историю рода и выдающиеся эпизоды из боевой и придворной жизни. Суровые складки головных уборов, нависших над мужественными лицами, сглаживали разницу возрастов. Герои застыли в безмолвном, строгом величии.

Желая предотвратить всякие местнические споры, отец Эльвен указал па-

жам, какое место в шествии должна занять свита каждого барона. Кое-кто из более обидчивых заявлял претензии; тем не менее, кавалькада двинулась в путь в образцовом порядке, с де Горпом во главе, и шуршали шелковые попоны, от которых тянулась длинная бахрома до самых копыт меринов. Впереди ехали герольды. Резкий ветер шумно вздувал знамена, и причудливо извивались символические изображения пресмыкающихся животных.

При выходе из леса натолкнулись на целую армию. Бледный ноябрьский день угасал, погружаясь в розовые, бескровные сумерки; глубокие колонны конницы производили впечатление цельной стальной скалы, от которой к светлому небу протянулась бесчисленными полосами острая щетина копий. На левом фланге поместился отряд генуэзских стрелков, напоминавший огромного легендарного зверя тараску с бронзовым гребешком на голове. Две тысячи гасконцев герцога Людовика колыхались волнами на грудеобразной поверхности земли до самых стен замка, словно правильная посадка хмеля. Тут же стояли девятьсот шотландцев — прямые, темные силуэты человеческих фигур под острыми шишаками, украшенными орлиными перьями. Бледные умирающие отблески вечернего солнца играли на лощеной коже их толстых обнаженных ног.

Одна сотня галлов шла впереди шествия, другая составляла арьергард.

Ревели трубы. Грозно бряцало оружие. Острые концы копий, рогатин, секир опоясали все видимое пространство вплоть до лимонно-желтых туч на горизонте.

Гордо трепетало сердце Мао при виде этого огромного немого сборища живых людей, при мысли, что ее тело — тот прекрасный плод, ради которого все они готовы идти на смерть. Восторженные клики сопровождали ее, когда она объезжала войска. Звенели в унисон копытами ее кобылица и ехавшие сзади скакуны; бряцание цепочек у наручников сливалось в мерный, непрерывный шум проливного дождя.

Так она объезжала ряды под кровом ясного неба; на плечах у нее развевался великолепный широкий плащ, и голова кружилась от восторга.

Толпа хлынула во дворы замка, где носился кухонный чад, вылетавший из отдушин.

Дворяне соскочили с седла; колыхались крупы лошадей, беспорядочно загромоздивших все дворы.

Рыцари вошли в огромный зал, настолько высокий, что нельзя было разобрать изречений, написанных на потолке.

Вдоль стен, убранных длинными роскошными коврами, блестели белоснежные скатерти, и кубки приветливо манили гостей, предлагая им осушить полную чашу.

Вышел детский хор с ветками омелы в руках, и вслед за ним вереница поющих девушек.

К подножию распятого Христа, к зубцам корон, к кольцам на лампах дьякон привесил зеленые листья — символ благоденствия.

Граф де Горп восседает на дубовом троне, рядом с ним — безмолвная Мао в длинной мантии из расшитой парчи, и оба подставляют гостям кончики

пальцев для поцелуев.

По обе руки от хозяев сидят восемь главных вассалов, опираясь рукою на эфесы обнаженных шпаг.

Телохранители копьями грубо осадили толпу к святым, которые с оружием в руках поражали разных чудищ на стенных коврах. Толпа отступала медленно, устремив взгляды на сверкающую посуду. Заиграли музыкальные инструменты под нежными пальцами менестрелей, и поплыли мелодичные волны с певучих струн гудков и гитерн.

Сеньоры разместились за столами. У них на пальцах ярко вспыхивали драгоценные камни, оправленные в кольца, и, брызнув параболическим лучом, тут же потухали. На руках болтались длинные раструбленные перчатки, откинутые назад. Злободневные политические вопросы сейчас же завладели разговором.

Бароны описывают состояние своих феодов, осады, которые им пришлось выдержать, рыцарские подвиги, высказывают догадки относительно предстоящих войн, по поводу таинственных замыслов английского короля.

От споров разгораются лица. Рука епископа, облаченного в фиолетовую рясу, подымается над головами крикливых гостей и плечами, сдвинувшимися вокруг кувшинов и пирожных. В золотых обручах, надетых на волосы, переливаются огни восковых свечей, зажженных пажами. Подымаются жалобы.

— Как приятно, что Краон нарушил свой служебный долг.

— Ричард наложил подать на Господни земли. Может ли быть большее надругательство над святыней?

На минуту выплыл вперед голый череп доминиканца и черное крыло его плаща, но сейчас же то и другое потонуло в общей сумятице.

Крепостные робко жались к стенным коврам, держа в руках куски мяса, и не смели пошевельнуться. Они страшно перепугались при виде внезапного возбуждения своих господ и старались не слишком громко чавкать губами. Девушки и жены одна за другой приподнимали портьеры и незаметно исчезали.

Теперь уж никто не прикасался к еде; павлины лежали на блюдах, распустив свои пышные глазастые хвосты, но стольник напрасно ждал приказания нарезать птицу.

Вдруг в укромном уголке стола возвысился чей-то властный, внушительный голос, и долго звучали сказанные слова в ушах тех, кто их слышал. Многие из гостей старались уловить звуки этого голоса. Мао силилась рассмотреть, кто говорит. От грозных раскатов этой речи содрогались груди у присмиревших слушателей. Прошла минута, и на середину зала, раздвигая руками столпившихся гостей, вышел епископ из Марейля. Глаза его горели, сверкали белые зубы. И графиня, наконец, услышала его слова.

Епископ говорил по-латыни. Речь развивалась правильными, внушительными периодами. Он предвещал грозную кару человечеству, погрязшему во грехах, в гнусном разврате, в нечестивой жизни. Давно уже гнев Небесный висит над миром. Но ни победы Баязета, ни позорный разгром Венгрии, ни гибель множества сеньоров не заставили одуматься. Сатана вселил безумие в че-

ловеческия души. Теперь Бог настолько отвернулся от людей, что даже не посылает им наказания. И надругательство над законом дошло до высших пределов: светские владыки потеряли рассудок, папский сан носят одновременно два еретика, их приверженцы дерутся между собою с оружием в руках, каждый из пап отлучает от церкви соперника и предписывает одуревшей пастве отказываться от повиновения. Постановления государственной власти таковы, что приходится их отменять в редкие моменты просветления императора Венцеслава, который предается беспробудному пьянству, и короля Карла, свихнувшегося с ума от неслыханных оргий.

Последние слова привели в негодование баронов. Карл известен был своей добротой и кротким нравом. Выше, чем кто-либо другой, он держал знамя христианской монархии. Генуэзцы, желая избавиться от Висконти, не могли придумать лучшего средства, как отдаться под власть королевской короны.

Дворяне шумно повскакали с мест. Посыпалась брань, с проклятиями произносились имена Клиссона, Монтегю. Опрокидывали кубки, заливая скатерть красными лужами. Граф безуспешно призывал к порядку.

Пажи принесли кувшины для умывания рук; это занятие прервало прения.

Потускневшие огни восковых свечей слабо озаряли растущие тени, темные контуры одежд и оружия.

В одном из углов Оризель и Жеан бросали кость на развернутом плаще. Ленора выкрикивала число очков. Ее пронзительный голосок сливался с хлопаньем башмачка.

Задумчивые борзые, развалившиеся перед розовым пламенем очага, перестали вздрагивать при падении головешек. По временам вспышки огня освещали гербы.

С наступлением ночи крепостные разошлись по своим наделам.

Сеньоры и монахи столпились под лучами средней лампы, чтобы лучше разглядеть упрямое, непреклонное лицо епископа.

На другой день Жак де Горп одел свой лучший доспех, на котором очень искусно были выгравированы подвиги героя Геракла. Поцеловал свою даму, подошел под благословение к аббату монастыря Святого Элоа и спустился в равнину.

Взойдя на самый высокий балкон башни, Мао долго следила взглядом, как вольная армия двигается по направлению к Фландрии.

На ветру развивалось знамя аббатства; вздувались единороги Жака. Некоторое время армия ползла по обнаженной площади полей, сверкая острой щетиной пик, копий и рогатин.

Вокруг тележек с порохом шли генуэзцы, по четыре человека в ряд, распевая песни, по обычаю своей страны.

Скоро они расплылись в общей массе, и погасли яркие краски их курток.

Армия сжалась, как будто потеряла свою толщину. Дойдя до крайней черты равнины, она скрылась в бесформенном хаосе серых туч.

VII

В кругу, начерченном магическим мечом на серебристом слое пороховой мякоти, застыв в священном экстазе, стоит высокая фигура Мао и кажется еще выше, чем всегда, под белыми складками длинного балахона.

Ее уста возглашают блаженные имена семи Элоимов. Ловким движением клинка она рисует их символы под пентаграммами, нижние концы которых выведены наружу для защиты от враждебных сил.

Чародейка напрягает свою мысль, плывет вверх по реке времен, подымаясь от плоской обыденщины к высшей мудрости избранных народов, познавших внутренний смысл вещей. От ее заклинаний смыкаются принципы гармонии, рождающие дрожащие потоки, в которых плавают небесные сферы. На самой черте круга она рисует острием шпаги мужскую голову, окруженную сиянием; в то же время губы ее шепчут священные имена солнца. Символическая фигура орла, увенчанного лаврами, вверяет исход чар милосердию Бела. Затем изображает заклинательница львиную голову для того, чтобы отвратить от дерзкого таинства смертоносный гнев Меродаха; голубку — чтобы осчастливила ее Баальтис своими обильными щедротами; Меркуриев жезл — с целью обрести дар красноречия, которым наделяет заклинателей Небó; серп и козлиный череп — в угоду прорицательной силе Сатурна.

Так священнодействует чародейка, стараясь привлечь все элементы бытия, все силы миров — и все во имя одного страстного желания, жажды познать Будущее.

Сорок дней Мао питалась исключительно цветочными тычинками, корнями молодых растений и молоком в первый раз родивших коз. Сорок ночей, от восхода луны до заката, она совершала семь обрядов очищения. Она разукрасила атрибут святилища по всем правилам ритуала. Нарвала в сумерки полыни для гирлянд. Ходила голой в подземелье, в котором Торинелль искусственными средствами поддерживала вечное цветение, собирать растения для жертвоприношений. Ибо она горела нетерпением и не хотела верить мрачным пророчествам старой служительницы.

Она все еще не допускает мысли, чтобы Элоимы отказались содействовать ее желаниям, отказались поддержать ее былую власть над сильфами, ундинами, гномами и саламандрами.

И в то же время страх сжимает ее сердце. Может быть, ребенок, тот зародыш, который таится в ее чреве, достиг уже такой ступени развития, что вошел в разряд одушевленных созданий. Если так, то на одно таинство окажется два жреца, нарушится гармония чисел и опыт закончится ужасающей катастрофой.

Еще подождать? Но уже так долго ее болезненная душа томится в изгнании среди людей, лишившись общения с опьяняющими токами небесных светил. Из их зеленоватой пучины шумно развертываются судьбы народов. Так давно Жак ушел со своим войском на брань, и до сих пор еще не прислал ни

одной утешительной вести. Где-то теперь покоится его мужественная голова, его тяжелые рыжеватые кудри и тело, пылающее любовью?

Куда умчались блаженные дни страстных наслаждений? Лучше уж рискнуть мщением небесных сил; только бы знать.

Остается начертить один, последний знак на серебристом пепле; его таинственные зернышки то загораются, словно крошечные светляки, то гаснут, когда через них проходит тень. Остается начертить эмблему Син, лунного начала, которое управляет судьбами женщин и тайнами ворожбы, которое всегда хранило чародейку и еще недавно рассеяло ее тоску, опьянив ее любовной страстью.

Мао колеблется. Если начертить этот знак, никакая сила в мире не сможет разорвать волшебную цепь чудес, остановить неудержимый напор вызванных духов.

Жрица вслушивается. Ее сердце бьет тревогу в маленькой комнате, которая расположена в круглой башенке и сообщается с внешним миром потайными отверстиями. В медной поверхности ваз и треножника отражается ее красота, и волнистые складки серебряного шитья на плаще, и величавая тиара шафранового цвета, на которой изображена сверкающими еврейскими буквами славная монограмма Гавриила.

Душа смущается при мысли о возможных последствиях кощунственной попытки. Мао представляет себе страшную картину: ее тело уносится вихрем, рассыпается, распадается на мельчайшие частицы, бесчувственные и уродливые, и эти частицы капризная судьба посеет в органы размножения растений или животных. Но сейчас же ей делается стыдно за собственную трусость. Человек с великой душой должен ни перед чем не отступать. В том-то и заключается сила мага, чтобы смело плыть к своей цели через пучину всевозможных опасностей.

Эта мысль устраняет все сомнения, и трепещет душа от честолюбивых мечтаний. Быть может, за свой подвиг она будет возведена в высший сан — великой чародейки. И тогда она сможет победоносно предписывать свою волю стихиям, распоряжаться судьбами народов, царить над жизнью и смертью.

И вот, не чувствуя движения собственной руки, она рисует мечом седьмой образ, посвященный Син: чашу, наполненную грядущими событиями, и полумесяц — символ неизъяснимых тайн.

Все члены ее мужественного тела покрываются медленным, холодным потом, словно только что она довела до конца какое-то тяжкое усилие.

Но все атрибуты святилища остаются на своем месте. По-прежнему играет свет в селенитах и жемчужинах, украшающих ожерелье. По стенам гирлянды желтых лютиков цветут на фоне шелковистых обоев, и комната похожа на коробку, отделанную изнутри шафраном и серебром. Тройная лампа горит на железной подставке девятью фитилями, и при ней два стеклянных шара: в правом сияют семь торжествующих гениев, озаренные внутренним светом, в левом — переливаются все цвета радуги, бросая нежные отблески на леопардовые шкуры, прибитые к полу.

Эти благоприятные признаки успокаивают Мао; она падает ниц и произ-

носит заклинание по-еврейски: «Син именитая, Геката, царящая на перекрестках, Феба охотница, Селена! Вспомни, владычица! Я принесла к твоим стопам мое тело, созревшее для любви; я обрезала себе волосы каждый раз, как ты начинала убывать, чтобы расти вместе с тобою; я прятала срезанные локоны под рога своего высокого чепца, чтобы мое лицо уподобилось твоему; мое горячее дыхание беспрерывно разогревает серебряный клинок, в котором таится твой сияющий лик. Я пила воду из цистерн, отражающих в ясные ночи твой образ; и ты дарила мне свои чистые лобзания, ты, Феба, которая гоняешься за быстрыми звездами на широких равнинах небесного свода, Син именитая, таинственная Геката».

Исступленно припадает чародейка устами к мечу, к двурогому медному эфесу. И ей действительно кажется, что какой-то могучий ток успокаивает душу. Нежное волнение убаюкивает сердце, грудь, возбужденная мольбою, дышит ровнее; дым благовонных курений клубится к желтым сводам серыми и синеватыми кольцами.

Мао все лежит, распростершись на полу, и ждет, чтобы какой-нибудь решительный знак дал ей уверенность в благоприятном исходе таинства.

В скором времени аромат амбры, подмешанной к пламени алтаря, начинает явственно выступать среди острых паров камфоры и алоэ, зловредных составных частей лунной материи.

Наконец, изысканный аромат белого сандала заглушает все другие запахи, струящиеся с кадильниц. Эти пары сливаются с гибкими колечками амбры и окутывают обои, торжествующих гениев у лампы и дымящиеся треножники.

Вокруг ваз тяжело клубятся нечистые испарения, побежденные Мао; теперь она уже знает, что Силы не откажут ей в своем покровительстве.

То гордо распускается, то замирает ее душа в густых клубах, окутавших ее талию, ее бедра и трепещущую грудь. Бесчисленные волны ласкают кожу, забираются в складки шеи, в веретенообразную чащу пальцев, скользят по гладкой поверхности висков, по глазным впадинам. Смыкаются ресницы под нежным прикосновением.

Дивные ароматы насквозь пронизывают чародейку, проникают внутрь ее тела то самого мозга костей.

Мир действительности подергивается туманом. Упоенная счастьем, вся дрожа от восторга, Мао млеет в объятиях лунных элементов.

Внезапное сотрясение прерывает блаженное забытье. Словно зверь какой то вскочил в жрицу: какая-то независимая сила, чуждая ее телу, вдруг ожила в ее чреве.

Мао тревожно подымается, она хочет выяснить, что за новая воля раздвигает ее утробу, что это за скрытое существо. Ведь ни один дух не мог переступить черту заколдованного круга, концы пентаграмм и ограду благовонных паров.

Неужели же ее ребенок дошел до такой ступени развития? Неужели же нарушена гармония чисел? Значит, она...

Мао мужественно подавляет тревожные предположения. Толчок не повто-

рился, и она спешит закончить обряды: надо наконец узнать судьбу Жака и будущность рода. Пары одолевают ее. Став на печать Соломонову, звезду с шестью острыми концами, Мао вытягивает руки так, что в соединении с головою образуется треугольник всемирного равновесия. Раздвинутые пальцы блестят на обеих руках, как острые концы двойной пентаграммы. И она говорит шепотом:

— Матерь небесная Зогара, Изида, окутанная покрывалом, ты, которую чтили жрецы фивянские, плодоносящая Элевзида, Урания, открывавшая тайны чисел афинским мудрецам, Мария, непорочно зачавшая и сокрушившая главу змее.

Молящие уста поминают преемственные формы, под которыми человечество чтило единую чистую творческую сущность мирового ритма. Затем, еще понизив голос, Мао шепчет заговоры из халдейских черных книг; их вещие звуки притягивают, отвлекают и возбуждают таинственное влияние небесных светил.

В глубине медных зеркал скоро должны сквозь облако паров проступить первые проблески откровения. Но пока не видно никаких перемен в дымных клубах, которые подымаются с курильниц и носятся в воздухе, пересекая разноцветные полосы, рассеянные по комнате светлыми шарами.

Напрасно Мао напряженно вглядывается неподвижными зрачками в бледную жемчужину, вставленную в центре зеркала. Кругом потрескивают фиолетовые искры, готовые осветить вещие иероглифы. Это единственный звук, нарушающий тишину в зале, затопленной серыми и синеватыми клубами дыма.

— Элоимы, Элоимы, несокрушимые владыки причин, пусть мой разум возвысится до вас, поднявшись выше всех вершин на свете. Семь дней я лежала распростершись после бессонных ночей; и желала я только одного. Я закрыла свои уши для внешних звуков; я закрыла свои глаза для внешних зрелищ; я отогнала от себя рой бурных воспоминаний, я удерживалась от всякого жеста, от всякого движения, от всякой человеческой мысли. Ни единой крупицы своих сил я не истратила на другие мысли или другие действия; все силы целиком отняла у внешнего мира. Рискуя жизнью, я натягивала свою волю, как тетиву лука, чтобы докинуть до вас мое единственное желание — знать. Элоимы, смилуйтесь надо мной. Отведите, чтоб утолить мою жажду, течение горных рек, в которых отражаются картины будущего. Вы, Элоимы, господа мира, ибо столкновением семи ваших сил создается равновесие вселенной и направляется движение небесных сфер. Семь раз я выкликала ваши священные имена вместе с именами семи планет, семи основных цветов, семи музыкальных тонов, семи смертных грехов, семи благоухающих добродетелей, семи благовонных мазей, семи трудов высшего звания.

Все существо трепещет от страшного и величественного напора волшебных заклинаний. Веки пылают; еле виднеются блестящие диски зеркал в густом облаке благовонных паров. Внутри что-то тяжело повисло, словно зрелый плод, готовый каждую минуту оторваться от тела.

Но вот в голубом дыме, как снег, посыпались золотые точки. Они слились

в параллельные линии. Нежно зазвенели хрустальные звуки отдаленной музыки, потом все росли и росли, как шум прилива на океане. Золотые линии сплелись в кубические здания, изогнулись в купола и соборы, очертили террасы, реки и сады. Люди в ярких одеждах торопливо шли по широким улицам, торговали на площадях, скакали верхом на полигонах. Военные колесницы проезжали под арками, убранными зеленой листвой, через белые стада пленников. Жрецы в лиловых тиарах, с бородами, окутанными в пурпурные ткани, подымались по огромным лестницам, украшенным сотнями статуй с коровьими головами.

Мао знала этих людей: то светлые пророки ее видений, древние маги идут открывать ей петли звездных путей.

При виде дивного зрелища сжалась душа чародейки, как в когтях какого-то зверя, и она испустила безумный вопль. Посыпались чернокнижные слова. Смелая душа метала снопы магнетических лучей через отверстия широко раскрытых глаз. Мао плыла по чудесным волнам, захваченная потоком звездного сияния, тайны которого запечатлелись в символике почивших мудрецов; она старалась вырваться из телесной оболочки, рассыпаться в прах, слиться с волнами. Между тем, перед ее глазами разрасталось священное шествие патриархов, увенчанных митрами. Они величаво всходили по широким ступеням по бокам восьми храмов кубической формы, стоявших один на другом. У первого храма, самого широкого, стены покрыты зеленой эмалью. Маги окурили ладаном дверь. Потом вошли во второй портик, построенный на крыше. Второй храм выкрашен киноварью. Наконец поднялись на верхнюю платформу, где помещалось последнее святилище, сложенное из золотых кирпичиков.

Вереница магов остановилась. Их сановные лица обернулись к Мао: маги заметили ее на огромнейшем расстоянии — таково было обратное действие вещего видения. Солнце востока окутывало ярким сиянием, старцы заслонили свои лица руками. Вдруг дым затуманил видение, оно рассыпалось золотой пылью и раздался оглушительный взрыв.

Лопнули шары на лампе. Пары камфоры и алоэ опрокинулись на огонь и окрасили пламя в зеленый цвет. Пентаграммы повернулись, чтобы пропустить духов мести. Хлынули потоки пламени. Молнии избороздили стены. Раздирающая боль прорезала внутренности чародейки, и ей показалось, что она умирает от истечения крови.

Очертив шпагой металлическое сияние вокруг своей головы, заклинательница успела выкликнуть магическую формулу:

— Будь со мною, меч Михаила и Саваоф — ради заслуг Элоимов, пусть бегут от твоей десницы духи тьмы и земные гады.

Кровавая масса покатилась между ног ее и забрызгала светлый балахон и магические символы волшебных кругов. Погибал ее род, плод ее любви, погибал искупительной жертвой за поругание святыни.

И вот из этой крови выросли красные отблески, среди которых раскинулись широкие равнины. Там рыцари мчались во весь опор и сшибались в ожесточенной схватке. Мао разглядела на знаменах единорогов де Горна и

секиры Эдама. Воин с длинной белой бородою, выходившей наружу из-под забрала, ударил прямо в голубой нашлемник Жака, и граф опрокинулся, погрузившись в хаотическую груду касок и щитов. Лампы погасли со свистом; и черный мрак поглотил видение.

VIII

На бледном горизонте показалось несколько всадников.

Часовые сначала увидели облако пыли, клубившееся на гладких полях, и какие-то расплывчатые металлические фигуры. По мере своего приближения фигуры все более расчленялись; обрисовывалась какая-то ноша и слитная груда, состоящая из лошади и человека, слитная груда, острая и натянутая, как стрела арбалета.

Графиня Мао горько плакала на женской половине, и нс могли заглушить ее скорби нежные песни прислужниц.

Графиня взошла на самую высокую башню.

И тогда в первом закованном всаднике она узнала Оризеля. А ноша оказалась голубым знаменем с белыми единорогами.

Графиня громко вскрикнула и бессильно упала на лиловые плащи своих спутниц, и стала белее белого воска пасхальных свечей.

А Ленора поочередно то смеялась, то плакала; и смеялись, и плакали ее голубые глаза, и блестели серебряные зубки сквозь золотистую сетку растрепанных кос.

Лазурное знамя оторвалось от мачты, водруженной на самой высокой башне.

Вихрь смерти подхватил знамя, вздул его и похоронил в таинственной чаще дремучего леса. Существовала такая легенда, что, когда угаснет род де Горпов, единороги должны вернуться к фее Вивиане, которая дала их в качестве волшебного талисмана Гуго Чешуерезу, прославившемуся в древние времена умерщвлением драконов.

Стоя на коленях, окованный железной корой, Оризель рассказывал подробности битвы, и в то же время Ленора смывала пот и кровь с его чела. Три ночи и три дня у переправы через Дэль бились щитом к щиту с таким жаром, что нельзя было смотреть без восхищения. Многие витязи отдали свою душу в руки архангела Михаила, покровителя храбрых. Барон Эдам со своей длинной седой бородою, которую он никогда не подстригал, согласно данному обету, все время устремлялся в самое жаркое место. И его бастарда обильно засевала осенние борозды головами и касками. Счастье, наконец, стало склоняться на сторону Жака, он продвинулся уже к концу поля, из-за которого шло сражение, как вдруг примчался фламандский эскадрон — и увы! доблестный граф убит, конница рассеяна, и теперь армия отступает в самом жалком виде, потеряв и пушки, и лошадей.

Мао слушает в полном изнеможении, с убитой душой. Она видит ясное полуденное солнце и крошечных воинов с торопливыми движениями, их жалкие фигурки барахтаются на темной поверхности безучастной земли. Белые березы, кот9рые гнутся под напором бешеного урагана, шум ветра, клики людей, бег тяжелых, беременных туч — все отзывается, как жалкий шепот, как призрачное волнение снов, в душе вдовы, охваченной волною скорби, погру-

женной в грезы о прекрасном покойнике.

Итак, ее злополучное, настойчивое желание вызывать духов вопреки правилам ритуала разрушило тот человеческий ритм, которого символом служило имя де Горпов; разрушило силу, которая жила веками и должна была поведать миру знание, полученное в наследство от гармонического ряда сменяющихся народов. Навсегда потерян Жак и ласки его страстных пальцев.

Только самые нежные и самые сладкие воспоминания всплывают из прошлого: вкус милых поцелуев на страстных губах; ощущение бурных объятий на теле. Вот и все, что он оставил в память о себе, если прибавить еще несколько красивых движений да смелый выгиб груди, украшенный гербами, да золотой отлив рыжих кудрей.

Так мало! Мао сама изумляется, и любовь почти проходит, горе утихает. Какой ничтожный супруг при ее великих планах! И все-таки вместе с ним умирает их молодость; с ним уходят навсегда пламенные порывы юности.

Слезы спокойнее разливаются по щекам графини.

От этой крови подымается вещая заря новой жизни: Мао будет теперь одна бороться с миром, с проклятыми влияниями враждебных звезд.

Взоры Мао переходят на равнину.

Там уже в беспорядочной свалке бегут ее стрелки из лука под натиском фламандской конницы.

Решится ли она выступить против собственного отца, выпустить в него снаряды из бомбард, стоящих на бастидах? Хватит ли у нее преступной смелости прибавить к поруганию святыни отцеубийство? Но ведь она поклялась на алтаре доблестно защищать свой род, плоть от плоти своей. Уже бегущие шотландцы растерянно трубят в рога и кричат, чтоб им опустили подъемные мосты. Генуэзцы показывают стоящим на валах свои пустые колчаны; раненые, отстав от строя, падают на землю.

Мао смотрит угрюмо, рассеянным взглядом, и не решается внять нашептываниям Оризеля и начальников, которые советуют оказать сопротивление. Но неужели же подчиниться родительской каре, добровольно склониться перед тяжким гневом отца? Марейль настаивает, умоляет. Для спасения жизни всех окружающих, во имя чести де Горпов, ради ее собственной свободы необходимо прикрыть бегущее войско огнем крепостных орудий. Он говорит с необыкновенным подъемом, размахивая мечом, который длиннее его самого; и тонкий голос, подымаясь до самых высоких нот, пронзительно звенит через скважины забрала.

Совершенно растерявшись, Мао неопределенно махнула рукою; Марейль сделал вид, что принимает ее жест за знак согласия. Он поднял высоко вверх свой широкий меч. Фламандская конница в пылу яростной атаки приблизилась к бастидам на расстояние пушечного выстрела и вдруг рассыпалась по земле; раздался оглушительный залп двадцати бомбард крупного калибра, пахнувших чудовищными белыми тучами, в которых потонула вся площадь, и наступающие, и побежденные.

Графиня закрыла глаза; ей показалось, что заряд взорвался внутри ее тела.

Когда она подняла веки, равнина чуть обрисовывалась под клубами дыма, восходящего к небу. Корбегем и бароны преследовали копиями немногих фламандцев, которые устояли на ногах среди груды лошадей и кучи человеческих трупов.

Обезумевшие жеребцы без всадников бежали к своим обычным пастбищам. А баски приканчивали кортиками умирающих сеньоров, чтобы поживиться их доспехами. И долго еще разрозненные вопли наполняли воздух мертвящим ужасом.

Поздним вечером на краю самых отдаленных холмов сверкнула железная пена, заколыхалась черная зыбь. Бургундская армия покрыла вершины. Высланные вперед разведчики копошились в деревне.

Сигнальные рожки призвали воинов де Горпа к отступлению, и они поспешно устремились к замку, сгибаясь под тяжестью добычи. Они несли на концах рогатин позеленевшие, окровавленные головы врагов, павших под их смелыми ударами.

Одна за другой проходили гуськом через узкий подземный ход эти багровые головы, опутанные слипшимися волосами. Шествие тянулось перед глазами Мао. Позади всех на конце пики, торчавшей в руках какого-то оборванца, колыхалась честная голова мага Эдама, ее отца, который до последней минуты остался верен своей клятве — биться равным оружием.

IX

Осада затянулась.

Пять раз отец Эльвен служил мессу Господню в присутствии гарнизона, запертого в осажденном замке, и жителей предместья, укрывшихся за крепостными стенами, но милость Божья не приходила.

Там, за неприступными палисадами укрепленного лагеря, горбами вздымались палатки на однообразном фоне белой земли, и яркие вспышки костров порой прорезали однообразный фон серого неба.

Пушистые столбы дыма стояли над селом де Горп, где расположился начальник отряда, посланного бургундским герцогом с целью отомстить за смерть Эдама. Стекла домов горели, как красные блестки, от огня, разведенного в очагах. По временам доносились звуки охотничьих рогов: бургундцы рыскали по лесам, чтобы чем-нибудь скрасить скучные дни осады. Каждый раз, как в резервуаре водяных часов вода убывала на одну четверть, громыхала фламандская пушка, выпуская снаряд в западную башню. Несколько камней, оторвавшись от стены, жалобно шлепались в ров. И снова до следующей четверти мертвая тишина воцарялась в воздухе, наполненном белыми хлопьями.

Иной раз тени солдат скользили от палатки к палатке или длинная вереница лошадей спускалась к водопою.

Унылый вид лагеря вполне гармонировал с траурным настроением вдовы. Целые дни графиня проводила в высоком зале главной башни, ожидая помощи от короля, обещанной аббатом монастыря св. Элоа. Два приступа удалось отразить благодаря крутым склонам холма, прежде чем бургундцы пробили первые бреши.

Теперь они приостановили бомбардировку. Жизнь как будто замерла в неприятельском лагере. Наверное, они готовят какой-нибудь сюрприз, если только суровая температура не охладила их боевой пыл.

Мао все сокрушалась о падении своего величия, ее душа погрузилась в мертвое оцепенение, а в сердце кипела злоба и заглушенные рыдания.

Молча пряли девушки, озаренные розовыми отблесками, падавшими из очага. Старая Торинелль, бормоча какие-то заклинания, трепала грубую шерсть, разбросанную вокруг подушечки.

Их внимание очень часто отвлекалось криками солдат. В войсках постоянно вспыхивали беспорядки, происходили столкновения между различными нациями, ссоры из-за игры, драки из-за добычи, снятой с трупов, или денег, присланных для выкупа пленных. Невыносимая заносчивость генуэзцев и хвастовство басков вызывали вечные свалки; шотландцы, первоначально относившиеся с наивным благоговением к ловкости первых и необыкновенным приключениям вторых, в конце концов стали издеваться над теми и другими.

Крестьяне, которым доставалось со всех сторон, оплакивали гибель своих посевов и грядущее разорение. Некоторые рыцари, стосковавшись от безделья, задумали покинуть замок, пробраться ночью через неприятельские ряды и

возвратиться в свои дома. На все увещания они отвечали: «Мы уже исполнили свой феодальный долг, пробыв под знаменами де Горпа обязательные сорок дней».

А вступить в сражение было невозможно. Надо было беречь порох, и потому стреляли только при наступлении неприятеля. Начальник артиллерии Флао приводил в восторг прислужниц и пажей своим безобразным горбом, для которого остроумный портной пришил желтый мешок к зеленой куртке.

Напевая какую-нибудь любовную песенку, он подходил к своей любимой бомбарде, которую прозвали святой Цецилией за то, что в ее раскатах будто бы звучали мелодичные тона. Он нацеливал орудие на землекопов; и всякий раз так метко, что люди ложились на месте под внезапным обвалом своих собственных сооружений.

В эти часы на валах было больше чепцов и юбок, чем шлемов и штанов; замечательно интересно было смотреть, как бургундцы кувыркаются в снег, как засыпаются их рвы и обваливаются окопы. И, если удачно пушенный снаряд попадал в середину фламандского отряда, опрокидывал ряд солдат, обращал в бегство вереницу людей, и они быстро рассеивались по белой скатерти, покрывавшей землю, радость доходила до исступления. Горбун вытягивал высоко вверх свой банник, давал дирижерский знак, и на валах подымалась безумная пляска, огромная толпа начинала бесноваться с дикими жестами и неистовыми воплями. Волна подымалась с валов на бастиды, с бастид на башенки, с башенок к самым верхним зубцам, потом снова перекидывалась вниз и заканчивалась во дворах огромнейшим хороводом, к которому постепенно примыкал весь гарнизон. Зажигали иллюминацию, бешеный хоровод вертелся вокруг огней; удары мечей о щиты, какие-то неслыханные песни и дьявольские возгласы сливались в ужасающий, оглушительный сумбур. Между волосатыми головами мужчин крутились женские чепчики в вихре газовых покрывал.

X

Однажды Корбегем, вглядываясь в равнину, заметил эскадроны, двигавшиеся густой массой за бургундскими палисадами. Потом увидели, что бегут фландрские пехотинцы со своими длинными копьями. Мао наблюдала это зрелище с высокой площадки главной башни и сильно испугалась под влиянием своих трусливых спутников.

Но Мак-Грегор, командир шотландского отряда, придумал остроумный план обороны и стал излагать его окружающим; величаво обрисовывался высокий стан шотландца и внушительная борода его, золотистая и нежная, как девичьи локоны.

— Ей-Богу, тан говорит, как настоящий пророк, — заметил Марейль.

В тот момент, когда обсуждались последние детали, грубо вломился в дверь генуэзец Чигала.

Вне себя от ярости, он начал кричать, что в этой стране люди — бессовестные колдуны и накликают проклятие на христиан. Ведь он-то, к сожалению, знает толк в чертовщине и прекрасно понимает, что, если на толпу находит такое безумие, это дело дьявола или его приспешников.

— Кроме того, посмотрите, как они вертятся, несчастные! Наклонившись с востока к западу! Это верный знак дьявольского наваждения.

И он произнес заклинания на латинском языке.

Пляшущие образовали один огромный круг: спины холопов с вышитыми гербами, панцири басков, алые куртки генуэзцев, пледы шотландцев, корсажи крестьянок медленно и шумно вперемешку пробегали у подножья башни.

Чародейке хотелось оборвать эту злосчастную ритмическую игру чарами Великого Искусства; но теперь у нее не было никакой веры в свои силы. Трагический конец последнего гадания, смерть Эдама, павшего жертвой отцеубийства, от руки ее наемников — все эти события ей казались зловещими предзнаменованиями и отбивали охоту от дальнейших опытов. Она не решалась, и сгорала от обиды душа, больно уязвленная тем, что обнаружилось ее бессилие. Мао беспомощно откинулась на спинку своего трона. И сердце билось от стыда, как волна морского прибоя.

Чигала исступленно кричал на своих генуэзцев, но солдаты делали вид, что не слышат его команды. В середине круга вертелся желтый горб смешного артиллериста. Шотландские волынщики играли заунывную песенку, в которой слышались плачущие голоса морей и лесов.

— Хильфы! Лилиали! — грезила Мао.

Когда-то она любила по утрам одиноко гоняться за оленями и цаплями; воздух был напоен влажным ароматом росы, в небе загорались свежие краски утренней зари, а в ушах звенели нежные хрустальные песни. Вспоминается, как сейчас. В тот день, когда ей исполнилось тринадцать лет и появились первые кровавые предвестия наступающей зрелости, сладкие голоса стали звучать настойчивее. Она ощущала их дыхание на своем лице, они прикасались

к ее устам, смеясь и порхая в дрожащей листве. Один голос, самый гармоничный, совсем обворожил ее. Однажды, в золотые сумерки, убегающий день сообщил ей имя, которое отдавалось затем весь вечер в величественных красках небесного свода, звенело в зареве пожара, охватившего ветви: «Лилиали! Лилиали!» Он обещал ей своды лесов, и органные трубы, сокрытые в ручьях, и ласки ветра, и нежную дружбу лесного козла. Повсюду преследовало ее это имя. Невидимое существо сидело на ветках, задевавших ее волосы, таилось в парке и в дивном оркестре соловьиного горла. Оно шумело в бешеных порывах урагана, задувающего пламя домашнего очага. Оно облекало свои мольбы в сладкий ветерок летнего утра. Оно предлагало в залог своей любви все сокровища воздуха. Оно готово было вознести Мао выше всех гор, умчать ее за пределы океанов — в поиски жемчужного царства. Оно делало ее воздушно-легкой, когда она рыскала по лесам в погоне за зверями. Оно окутывало все тело Мао, когда она рассекала ветер, пригнувшись к своей кобылице. И от всего она отказалась ради Жака.

— Лилиали! — прошептала Мао.

— Вот бургундцы двинулись, и фландрские купцы за ними. Глядите, глядите, как скоро они идут, несмотря на снег. А наши-то все еще пляшут!

Мак-Грегор колотил по столу своими здоровенными кулаками. Марейль чертил острием кинжала на оловянном листе план атаки.

Бледные очертания осаждающих все гуще покрывали равнину, как мокрые пятна начинающегося дождя. Развертывались боевые ряды. Конница подлетала галопом к подножью холма и ныряла в ров.

— Какой позор, какой урон для нашей чести! — простонал Марейль, слегка надув губы.

— Как бы то ни было, соберем всадников и налетим на этих негодяев, которые расплясались так некстати! — сказал Корбегем. — Может быть, лошадиные копыта покажутся им убедительнее.

Чигала прибавил:

— Дьявол боится отточенных клинков.

И они решили сойти вниз.

А внизу жалобно плакали, надрывались волынки. Совершенно так же стонала заунывная песня в те времена, когда в сердце Мао пробуждалось впервые нежное чувство к Жаку. Совершенно так же тогда стоны прерывались немыми, глубокими вздохами, словно душа собиралась с силами для новых страданий. Потом певучие ласки ветра раздували мелодичные меха. И они начинали шуметь, как шумит под сводами лесов, журчать, как органные трубы, сокрытые в ручьях. Потоки звуков то нежно скользили, как шелковистый мех ласкающихся животных, то пыхтели, как пламя семейного очага, то молили, как сладкий ветерок летнего утра.

— О, Лилиали!

Мао была тронута верной и робкой любовью сверхъестественного существа, легкого и воздушного, как складки развевающегося знамени; человек может одарить его бессмертием, принеся в жертву свое тело. Предание гласит, что сильфы, ундины, гномы и саламандры, чтобы стать бессмертными, должны

овладеть человеческой плотью, страдать, любить, жить.

Оставшись одна в круглом зале, Мао чуть не поддалась соблазну. Неслышно носились воздушные струйки, грея щеки ее и веки.

Но сейчас же устыдилась своей слабости и отогнала искушение.

А за окнами неприятель заполнил все пространство между лагерем и холмом. Со стороны леса, ив деревни, как стая муравьев, хлынула конница. Сейчас она обойдет подземные ходы и ударит в старые бреши, наскоро забитые щебнем.

А подданные де Горпа, охваченные безумием, отказываются защищать честь знамени и достояние своего сеньора. Как ужасно, что она не может нервами своего волевого аппарата остановить крепкие мускулы этих обезумевших тел. Если бы она еще была в состоянии раздавать властные приказы сильфам, нет сомнения, что Лилиали рассеял бы пьяный угар, одурманивший толпу.

Музыка переменила тему. Ноющая мелодия словно задохнулась в назойливых переходах от бессильных замираний к горьким вздохам. И вдруг вспыхнули буйные и смелые звуки. Из волынок забили пламенные струи, разбрасывая светлые брызги, слышалось хрустение костей, хохотали радостные глотки. Порывом ветра выбило цветное стекло, на котором изображен был святой Иоанн с евангелием в руках, над самым троном сеньора, прямо над головою Мао, беспомощно лежавшей в мягких подушках. Холод пронизал ее тело, ей казалось, что острые иглы впиваются в тело, и ледяной поток затопляет трон под бьющимися от ветра занавесками.

«Лилиали, Лилиали». Это было единственное слово, выходившее из глубины ее дрожащего, одержимого духом тела.

И вдруг толпа расцепилась. Мужчины побросали оружие. И кинулись на девушек; те подняли неистовый крик. Шотландцы погнались за крестьянками, генуэзцы — за барышнями. Окружили их с дикими воплями, вцепились когтями. Подскочили рыцари, начальники и пажи с занесенными мечами. Ударив дубинами по клинкам, солдаты выбили оружие у них из рук.

А женщины с раздирающим криком метались по дворам и стучались в стены трясущимися от страха руками. Одна из дверей поддалась. Они попали в замкнутый дворик, где под навесами хранились носилки. И ползком забрались под низ. Некоторые упали в обморок.

Мао видела, как генуэзский трубач Гримальди топором прорубил дверь. Шотландцы втолкнули его вовнутрь, и сами вломились через пробитое отверстие, и бросились на женщин, забившихся под балдахины носилок. Гримальди первым схватил одну из барышень и потащил ее, срывая с нее одежды. Вслед за ним и другие обрушились на стадо воющих самок, и женщины потонули в толпе мужчин с раскрасневшимися лицами, простирая к небу бледные руки.

Тотчас же поднялись вверх палаши и копья и скрестились между собой. Топоры звонко ударялись в металлические каски. Был момент, когда девушка, из-за которой шла борьба, очутилась на воздухе, совершенно обнаженная, только на поясе у нее болтались голубые лохмотья. Она перелетала из рук в руки, пока не попала в объятия одного галла, который прислонил к какой-то тумбе ее вощеные бедра и тут же утолил свою страсть.

Мао глядит и с ужасом прислушивается к неприятельским шагам, топот которых гулко отдается в ее груди. Она чувствует себя совершенно разбитой дивными грезами, рожденными ее воображением. Призрачные образы исчезли бесследно. Вместо того, стоит около нее взбешенный Чигала и горько жалуется на неудачу, а рядом с ним Мак-Грегор отирает на своем лице кровавый рубец, нанесенный кем-то из бесноватых.

— О, госпожа, — умоляет Оризель, — неужели же по милости мужиков должны погибнуть эти несчастные девушки, потерять и жизнь свою, и женскую честь?

В полумраке зимних сумерек мелькают блестящие фигуры рыцарей и шумно гудят возбужденные голоса. Они требуют выдачи задержанного жалования и уплаты вознаграждения за лошадей, павших в битвах. Некоторые заявляют, что на их феоды напали бургундцы, а у них не хватает средств на оборону.

Всякий в чем-нибудь обвиняет. Упрекают Мао за то, что семейное горе служило для нее благовидным предлогом не слушаться советов опытных военачальников; а ведь монашеская рука не годится для управления военными людьми; конечно, Эльвен не мог управиться с такой задачей. Женщина умеет владеть только лишь прялкой, и нечего ей хвататься за меч. К тому же еще графиня не может избавиться от небесного проклятия за убийство своего отца.

Марейль молчал, пока его беспокойные руки были заняты приведением в порядок разорванных пол; но под конец и он присоединился к общему хору, только теперь вспомнивши об унижении, которое когда-то пришлось ему пережить.

Он ставил Мао в вину казнь, совершенную над его рыцарями, кричал, что графиня, как вампир, жаждет человеческой крови. Сейчас, например, она позволяет разным оборванцам, вооруженным холопам избивать своих вассалов; отдает на поругание подлой челяди дворянских дочерей, порученных ее охране.

Мао, как немая, сидит в полном изнеможении, погрузившись в подушки и уставившись неподвижным взглядом на кровавую оргию, которая разыгрывается на дворе. Она надеется, что с окончанием этого сумрачного дня прекратится и страшный кошмар — кровожадные крики озверевших людей и кровавый отблеск мечей, рассекающий черные тени.

Но неумолимо звучит грубый голос Корбегема:

— Нечестивая женщина, это она околдовала нашего славного графа Жака, извела его своей развратной жизнью, обрекла его на смерть своими бесовскими чарами. Недаром рассказывали люди, как она по ночам заклинала луну, называя ее своим высшим божеством, как она приготовляла адские снадобья из крови поганых животных.

Злоба, копившаяся долгие годы, в продолжение целых веков вассальной зависимости, с тех пор, как их роды подчинились роду де Горпов, бурно пенилась, подымаясь со дна встревоженных душ. Рыцари не останавливались перед самыми тяжкими оскорблениями, вспоминали старые обиды, заглушенную когда-то ненависть, давно забытые счеты. Ни один не считал нужным сдерживаться. Скрепы доспехов звенели столь же громко, как их слова. Окован-

ные железом руки и спины грубо задевали чудовищ и архангелов, изображенных на обоях рядом, с зелеными лесами, святыми епископами и библейскими овцами ханаанских пастырей.

До какого падения довела она род де Горпов, господствующий над страной с того самого дня, как ее покорил кроткий король! Теперь замок будет брошен на произвол судьбы, фамильный герб разломают на куски, часовню осквернят, кости предков развеют по ветру. Что же не зовет она на помощь гениев и бесов, послушных ее воле?

И рыцари разразились беспощадным, стихийным хохотом, от которого задрожали стекла в окнах; а со двора доносился дикий рев взбунтовавшихся крестьян.

В виде шутки Чигала схватил знамя с белыми единорогами и протянул его графине, прося ее повести рыцарей на бой. Другой вручил ей шпагу Жака, третий — щит. Они говорили, что Мао будет очаровательна в бою, что она обязана стать во главе рыцарской дружины, так как своей ворожбою задушила у себя во чреве потомство де Горпов, срубила ствол, который должен был цвести вечно, по предсказанию св. Элоа.

В этот самый миг Мао заметила в вечернем тумане движущийся лес фламандских копий, уже добравшийся до половины холма. Значит, исполняются злобные желания этих завистливых людей ей на погибель, на радость клеветникам.

И тогда пробудилась в ней былая гордость, проснулась дремавшая воля. Нервы напряглись, Мао собрала силы, рассеянные в ее существе, стянула свою таинственную мощь. По ее безмолвному приказу рванулись ветры со всех концов небесного свода к духовному центру, к которому их увлекла сила волевого притяжения. Они заревели хором, как стадо послушных бегемотов, и ревом своим заглушили все остальные звуки. Бурным вихрем смело снег с валов, и закрутился чудовищный смерч во мраке наступающей ночи. Духи воздушной стихии сгибали березы и отрывали знамена. Белая, ослепительная вьюга окутала бургундскую конницу и фламандские батальоны, и неприятель вынужден был отказаться от своей попытки взять приступом крутые склоны холма, испещренного по всем направлениям черными рытвинами.

И Мао, захваченная прибоем волн, рожденных ее могучей душой, сошла с трона, выхватила знамя и шпагу из рук вассалов; и сбежала по ступеням лестницы, а за ней устремилась благородная дружина, беспрекословно подчиняясь ее смелой воле.

Семь раз чародейка в сопровождении всей свиты обежала вокруг главной башни, чтобы сообщить войску вращательную силу, от которой происходит способность притяжения. Когда они делали третий круг, генуэзцы отделились от толпы, справлявшей оргию, и присоединились к рыцарям. Через некоторое время другие последовали их примеру и прицепились по обоим флангам. Вскоре примкнула вся армия, и, когда открыли подземные ходы, во дворе остались только распластанные тела изнасилованных женщин да отупевшие мужики, с душами слишком материальными для того, чтобы подчиниться духовному воздействию.

Воины вышли. Они еле касались ногами земли, их увлекал вперед снежный смерч. Впереди, как крыло архангела, сверкал меч де Горпа, а над ним шумно мчались единороги. Во мраке ночи Мао неслась сквозь чащу низкого кустарника с распростертыми руками, как парящая птица, и хриплый голос ее выкликал таинственный девиз: «Эстр, Эстр». А солдаты и рыцари отвечали боевым лозунгом: «Горп и Враген». И не успели они настигнуть неприятеля, как эскадроны, расстроенные ураганом, потонули в черной пучине. А фламандцы, ослепленные вьюгой, при первом же ударе обратились в бегство, оглашая воздух совиными воплями.

XI

От созерцания бесцветной пустоты пробудился творческий дух в Мао. Как аккорды необъятных арф, как восторженный гимн торжествующих народов разливалось ее бесплотное, парящее в облаках тело. Все чувства были зачарованы дивным, неведомым ароматом. Ее слуха коснулась мировая гармония, и душа, вдруг ставшая беспредельной, оказалась способною вместить эти звуки. Мао казалась, что вся она мелодично колышется, как море.

В этот миг она постигла Причину, ибо сама была Причиной.

Но лишь только ее душа, утомленная сиянием высшего совершенства, спустилась с высот, сейчас же угасли воспоминания о Началах, которые только что она созерцала, Разум потерял бессмертие, и его границы стали снова слишком тесными для аккордов верховных Принципов.

И лежит Мао в святилище, посвященном Небó, покровителю высших знаний, измученная, вся в слезах, с разбитыми надеждами, сгорая от стыда за свою человеческую оболочку.

Священные смолы стиракса и муската по-прежнему курятся на алтарях с магическими печатями, но теперь их пары не возбуждают дерзновенных желаний. Благовонный дым бензойной смолы, затопивший зелено-розоватые обои и гирлянды маиорлана, не производит успокоительного действия на мучительно напряженные мускулы ее тела. Она мечтает освежить хоть руки и лицо прикосновением ожерелья из полых хрустальных бус, наполненных ртутью. И лежит в мрачном унынии между пучками вещих цветов, нарциссов и лилий.

В опустевшем воображении всплывают картины, увы, такие обманчивые! величественного зрелища, промелькнувшего перед глазами. Как расходящиеся круги, бороздящие гладкую поверхность воды вокруг водоворота, раскинулись в бесконечности пояса звездных парабол, по которым вращаются небесные светила. И где-то есть рождающая масса, которая, гремя и сверкая, бросает через неизмеримые пространства новые миры, оторвавшиеся от ее поверхности, и сейчас же их увлекает круговой поток какой-нибудь волны. И кружатся неисчислимые сферы, то подымаясь, то опускаясь, на звучных волнах эфира. Так крутятся песчинки на дюнах в часы бури.

В душе Мао прочно осело одно воспоминание: она убедилась в своей неспособности вынести ослепительный блеск вращающихся светил и гимны звездных колебаний.

Оглушенная и ослепленная, измученная обморочным состоянием, чародейка машинально разглядывала агат, вправленный в ее колечко. Белые пятнышки, расположенные по окружности, указывали, что камень произошел от вращения. Так и все в природе принимает округлую форму в знак своего звездного происхождения. Камни, растения и животные, порожденные землею, воплощают ее кругообразность в бесконечно разнообразных вариациях, начиная с совершенно круглой формы валунов, роз и морских ежей и кончая гораздо более причудливыми очертаниями прибрежных скал и горных кряжей.

Все тела рождаются от первичных волн, и те же волны непосредственно управляют судьбою небесных сфер. Мудрец, изучивший в совершенстве последовательную смену звездных периодов вплоть до настоящего момента, может овладеть знанием будущего, ибо волны, из которых рождается мир, вкладывают вечный ритм своих колебаний и в напластование земных слоев, и в рост семян, и в инстинкт животных, и в человеческую волю.

Есть в мире избранные души, одаренные могучей притягательной силой, они крутятся в жизни, как вихри на водах. Люди и тела устремляются к ним, притягиваются магической силой их красноречия, особого величия, запечатленного во всяком их жесте. Какая-то внутренняя сила непрестанно ускоряет жизненный темп этих людей, и непрерывно растет их духовная сущность. Их зовут мудрецами, завоевателями, философами, пророками. Настоящее для них имя — маги. Они обладают знанием. Они управляют стихийными вихрями низшего порядка: сильфами, ундинами, гномами, саламандрами. В их волевых центрах на мгновение скрещиваются, пересекаются параболы звездных путей, они обнимают причины и следствия явлений.

О, эта страшная наука! Она вскрывает жалкую суетность человеческих усилий, показывая те ничтожнейшие причины, от которых зависят великие битвы и гибель народов.

Мао лежит совершенно разбитая в середине магического круга; у нее кружится голова от представления беспредельной пустоты.

Уже последние клубы стиракса отделились от алтаря с благовонными курениями. Перекатываясь на потолке, волны дыма образовали небесный свод, покрытый густыми синими тучами. Огонь в лампе трещит в предсмертной агонии. Лепестки маиорлана и лилий сыплются один за другим на ковер из рысьей шкуры. Зеленые обои застилаются черной тенью, и гаснут во мраке их металлические отблески.

— Жить! Жить! — кричит безумное желание. — Быть чем-нибудь другим, только не человеческой формой, в которую замкнулся ритм эфирной волны на время земной жизни, на такой короткий срок!

Мао знает, что это невозможно, и не может примириться. Хоть бы после смерти ритм ее души сохранил свою цельность, сохранил образ небесной красоты! Но нет! Пучок безличных сил, связанных на краткий миг человеческой жизни, должен неминуемо рассыпаться, распасться на массу неодушевленных первичных атомов.

Жрица вспомнила, что ночь не должна застигнуть ее в святилище.

Она еле держится на ногах. Но выходит из круга и, опираясь то об алтарь, то о стенные обои, добирается до своего трона, стоящего перед зеркалами.

Она любила после заклинаний смотреть на свое лучистое лицо, на свой стан, облаченный в торжественную жреческую симарру. На этот раз она заметила в своих зрачках новые, более глубокие точки, отражающие лучезарный мир парящих небесных светил.

И тогда мир снизошел в ее душу. Очевидно, она поднялась ступенью выше по лестнице сокровенного знания. Нет сомнения, что так постепенно она будет восходить все выше и выше, и наконец душа ее сольется всецело с центра-

ми, рождающими мировую гармонию.

Мао стерла круг. Призывая духов воздушной стихии, задула лампу и отерла ее белыми пеленами. Четыре металла снова засияли. Показалась железная подставка, вокруг которой обвился змей Уроборос, а на ней печать Гермеса и двуглавый Андрогин, символ вечного Равновесия и плодотворного Двуединства. На серебряной лунке между подсвечниками, скрученными из трех металлов, сверкнуло знамение Соломона. Жрица вставила девять новых льняных фитилей и окропила их в честь духов огня.

Затем, стараясь воздерживаться ото всяких горделивых помыслов, быстро вложила в парчовый футляр жезл с двумя остриями, предназначенный для черчения магических кругов и эллипсов силы. Сняла с себя зеленые и серые симарры и сложила их в виде пятиконечных звезд, набожно прикладываясь к священному шитью.

Потом, произнося слова, полные глубокого смысла, слова, которые звуками своими зажигают свет, поспешно спрятала в кожаные подушечки семь магических печатей, висевших у нее на шее, для того, чтоб они не повредились от нечистых взоров человеческих. Ибо талисман солнца оскверняется от одного взгляда безобразных существ и безнравственных женщин; талисман Марса теряет силу в присутствии трусов; Меркурий не выносит приближения наемных священников; образ Венеры блекнет при появлении людей, склонных к противоестественной любви; Юпитер поражает молнией нечестивых; Сатурн приносит горе детям и девственницам; а Луна не терпит присутствия развратников и женщин, запачканных менструальной кровью.

Если бы чародейка не прятала талисманы от взоров людей, страшные бедствия неминуемо бы обрушились на головы ее окружающих. И, с другой стороны, магические печати в один миг потеряли бы свою чудодейственную силу.

Каждый талисман куплен ценою столь высокого напряжения творческих сил, целых месяцев поста и очищения, таких тяжких ночных трудов, страшных волнений, сопряженных с магическими таинствами. Некоторые из них она смогла обрести только после того, как стала вдовой и освободилась от семейной опеки. Потребовалась смерть возлюбленного супруга и отца, пришлось принести в жертву самые дорогие сердечные привязанности. О, Бел, Меродах, Небó!

И особенно нельзя допустить, чтобы толпа узнала о ее магической власти. Трусливое невежество черни может натворить страшные дела. С того дня, как полководцы высказали вслух свои подозрения, Мао стала вести более замкнутый образ жизни.

Между тем бургундская артиллерия ежедневно бомбардировала стены. За палисадами неприятельских укреплений непрерывно извергали огонь тяжелые бомбарды. Против каждой из башен замка выросла бастида. И все четыре носили святые имена четырех евангелистов.

Флао и его товарищи огнем крепостных орудий непрестанно наносили удары неприятельским сооружениям. Но противник упорно восстанавливал разрушенные укрепления и с каждым днем продвигался вперед на несколько саженей. Уже можно было различить глазом гербы на панцирях, когда началь-

ник герцогского стана обходил в сопровождении сеньоров передовые посты.

Зима кончалась. Снег сходил с дорог и окопов. Показались островки зеленеющей травки. Мягкий дождик выпадал не спеша с неба, покрытого легкими облачками. Сквозь тонкую сеть веток соседнего леса временами по целым утрам сияло лазурно-хрустальное небо. И на голубом фоне медленно плыли треугольные стаи диких гусей.

В замке зарезали и съели всех животных — сначала волов и баранов, потом коров, быков и лошадей. Затем перешли на копченое сало.

Крепостные постоянно приставали к отцу Эльвену с вопросом, каким образом их вознаградят за погибший скот. Он определял права каждого просителя; но некоторые требовали еще удовлетворения за истребленную движимость, за выжженные дома, за разграбленные хлебные запасы.

Крестьяне толпились у дверей в ожидании монаха, и, как только он появлялся на пороге, набрасывались на него со своими жалобами. Пришлось коекого повесить на зубцах крепостной стены.

Кроме Жеана, Оризеля и четырех барышень, Эльвен был теперь единственный человек, имевший доступ в верхние залы главной башни.

Для большей важности он высоко подымал свой череп, окаймленный венцом седых волос, согласно каноническим правилам. Его башмаки четко стучали по каменным плитам. На железной цепочке у него висела роговая чернильница и футляр с ключами от казнохранилища. Держа в руке пергаментный свиток, он широким жестом рассыпал благословение на склоненные головы слуг и солдат. С тех пор, как ему предоставлена была власть чинить суд и расправу, он окружил себя конвоем из галлов, тяжело вооруженных с ног до головы.

Мао радовалась, заслышав в тишине своих уединенных покоев шаги приближающегося шествия и бряцание рогатин, ударяющихся о пол за портьерами. Ей нравилось торжественное появление монаха.

Она указывала ему рукой на мягкое кресло. Внушительным басом он докладывал о расходах, о настроении войск, о причинах возмущений, о результатах тактических мер. В число своих разнообразных и прерогатив Эльвен включил допрос пленников, и потому приносил вести и слухи со всего света. Баязет умирает, у короля Карла вернулся рассудок. Город Марейля сдался по первому требованию и обильно снабжает неприятельский лагерь скотом и провиантом. Герцог Орлеанский одержал верх в королевском совете. Нет сомнений, что помощь не заставит себя долго ждать.

Монах олицетворял в глазах графини ее армию, ее вассалов, весь внешний мир. Сквозь его слова виднелись события прошлого; она постигала явления, которые Эльвен обошел молчанием, факты, на которых не остановилось его внимание. Собственным воображением она заполняла пробелы рассказа, и под' внешней оболочкой обыденных слов смыкалась железная цепь причин и следствий. Этот ревностный слуга представлялся Мао иероглифическим символом, с помощью которого она старалась восстановить последовательный ряд событий для того, чтобы по своему желанию управлять волею людей. Человеческая сторона земного цикла явлений давала возможность воссоздать пол-

ный цикл. По неуловимым оттенкам рассказа Мао угадывала непосредственную связь случившегося с расположением звезд, сыгравших решающую роль. Исходя из прошлого, она силилась познать грядущее.

Эльвену постоянно приходилось изумляться тому, что меры предосторожности, принятые по распоряжению госпожи, вдруг оказывались совершенно необходимыми. Так, накануне штурмов она предписывала привести в действие все оборонительные приспособления, утроить сторожевые посты, тщательнее забить бреши; и даже указывала священнику, на чьи души надлежит обратить особое внимание, и указывала как раз тех, кому было суждено погибнуть в ближайшем будущем.

Монах знал, как усердна графиня к молитве, к церковным службам, к вечерням и проповедям, ему случалось выслушивать от нее самую строгую исповедь, и он проникся великим уважением к ее личности. Не иначе, думалось ему, как по особой милости Господней, быть может, за какое-нибудь тайное паломничество получила она в дар двойное зрение.

С этих пор он постоянно укорял полководцев за их гнусные подозрения, их грубые упреки он называл подлостью. Виданное ли дело, чтобы такая достойная дама вынуждена была запереться в келью, прячась от своих собственных вассалов, которые должны бы стараться смягчить ее горькую вдовью участь? Что за вероломное нарушение рыцарской присяги!

Однажды, в воскресенье, Эльвен служил мессу во дворе в присутствии армии и крестьян.

Одни сидели на разостланных плащах, другие стояли, прислонившись к стенам; в тусклом воздухе сверкала мишурным блеском толпа людей, зажатых в металлические панцири, словно в какую-то странную скорлупу. Некоторые, погрузившись в воспоминания, преклонили лбы на крестообразные рукоятки кинжалов, и мысли их витали далеко. Молитвенная тишина располагала к самоуглублению, но по мрачному выражению лиц видно было, что эти люди не находят в своих думах ни отрады, ни утешительных надежд. Чувствовалось, что безысходная тоска грызет их среди этих построек из темного песчаника. Графиня глядела на толпу с высоты главной башни. Сердце ее сжалось от сострадания. Она прочла в их мужественных лицах страстное желание подняться над уровнем этой жалкой жизни. Под покровом грубой внешности таились сердца, горящие стремлением испытать радости более высокие, отдохнуть от разнузданных оргий и азартной игры. Тесная человеческая оболочка давит их в той же мере, как и ее, вся разница в том, что их темный, непросвещенный ум способен искать выхода только ощупью. Ей страстно захотелось приобщить их к миру высшего блаженства. Она мечтала сделать их участниками своих наслаждений, поднять господствующий ритм их тел до высоты своего собственного ритма. Какую бесконечную мощь она могла бы проявить, если бы удалось ей расширить свой дух, слив в единый порыв все мужские воли!

На этот раз Мао казалось, что ее желание действует на толпу. Одобрительным гулом слушатели приветствовали имена Жака де Горпа и Эдама, возглашенные проповедником. Эльвен напомнил про их славную смерть. «Ни один

рыцарь, — добавил он, — достойный своего звания, не может желать для себя иного конца». В заключение из красноречивых уст оратора брызнули лучи славы на голову жены и дочери погибших героев, которая так изумительно мудро руководит военными действиями.

Но тени почивших мало вдохновляли Мао. Она еще завешивала, приличия ради, лицо траурным покрывалом, но в сущности ей казалось, что они умерли давным-давно; новые впечатления ее окрепшего, постаревшего ума заслонили их образы. Теперь они представлялись ей формами, в которые воплотились ритмы, необходимые для развития ее чудодейственной души, воплотились исключительно для того, чтобы ее приобщить к таинственному знанию. Один был мудрейшим жрецом, он открыл ребенку, рожденному для великой цели, святилище Изиды. Другой, освободитель, довел деву до сознания ее истинного предназначения: Жак показал жалкое ничтожество, неполноту человеческой любви, показал, как много в этой любви пустословья, как мало способна она утолить великую жажду слияния с изначальной гармонией. Выполнив свое дело, движущие ритмы отделились от временных форм и снова унеслись в бесконечное плавание по параболическим путям эфира.

— Светлый праздник нашей госпоже! — воскликнули тысячи уст, и на лицах сразу загорелась отвага.

Армия взревела, потрясая оружием, заблистали обнаженные клинки под лучами внезапно выглянувшего, бледного солнца.

Чародейка вся встрепенулась от сознания, что к ней относится этот бурный взрыв восторженных чувств. Мощные взгляды, на нее устремленные, словно впивали ее силу. Она чувствовала, что толпа томится жаждою, вполне отвечающей ее грандиозным желаниям. Приветствуя поднятые мечи, она протянула вниз пентаграммы, образованные из раздвинутых пальцев, и в одном страшном усилии сосредоточила всю свою притягательную мощь. Какая-то волна пробежала от острых концов мечей к остриям ее ногтей и сковала ее с толпой в единую силу. Повелительница почувствовала, что у нее внутри растет освежающая пустота. Внутренняя дрожь наполняла душу неизъяснимой отрадой. Мао поймала себя на желании затеряться в вооруженной толпе, вместе со всеми кричать и махать руками.

Но сейчас же подавила это недостойное желание, заставила себя, не сдаваясь, удержать толпу в своих руках. Довольная этой победой, она приказала спутницам раскрыть сундук с золотом, запечатанный под стенными обоями. Ленора расцарапала свои нежные ручки о массивную железную обшивку; скользнули затворы; и золото полилось рекой.

Графиня не скупилась.

Долго звучали веселые песни и приветственные клики у подножия главной башни. Чарующая сила солнца опьяняла души.

Несколько недель Мао носилась со своим планом. Она обходила войска.

В жилищах воинов, обширных сводчатых помещениях, построенных в толще куртин, царил вечный мрак, несмотря на узкие бойницы, в которые глядело белое небо. Только на доспехах да на политуре щитов, развешанных по стенам, играли бледные отблески. На соломенных козлах были навалены ткани,

награбленные в различнейших странах и служившие постелью; отдельные места обозначались козьими мехами, ивовыми и тыквенными флягами, подвешенными сверху. При появлении графини солдаты прерывали свои беседы, бросали чаши, покидали пылающие поленья ради ее слов. Великодушной кротостью госпожа умела внушить к себе доверие. Постоянное присутствие Эльвена и вооруженных галлов сдерживало солдат в границах почтительного внимания. Мао расспрашивала воинов про их отчизну. Они не могли остановиться, начав расписывать свою родную страну. С особенным пылом генуэзцы выхваляли изумрудные воды своего залива, в которых купаются мраморные стены дворцов и цветы, никогда не увядающие в их садах. Чигала описывал фрески, украшающие его родной дом. Там живет еще его дед, ему подчинены восемнадцать червленых галер, где на веслах сидят невольники из варварских стран; всякую весну галеры отплывают в Левант; и всякую осень возвращаются, нагруженные дивными тканями, пряностями, благовонными мазями и целебными травами. Он сам, в качестве младшего сына в семье, повел своих дружинников во Францию на королевскую службу. Когда война кончится, они вместе вернутся домой, будут наслаждаться южным солнцем и плавать по морям; ибо военное их образование можно считать законченным. В его распоряжении будут невольники и галеры, снаряженные на деньги, полученные в виде выкупа за пленных. Он дал себе слово вывезти богатства из своих похождений.

Мао дала ему ростки гаомы, растения, которое отдаляет смерть и охраняет во время бури. Еще будучи девственницей, она собирала эти ростки при восходе луны в уголке сада, который каждое утро поливали молоком.

Баски желали боя. Их бедная страна давала слишком скудное пропитание. В случае победы они будут есть чудное мясо, такие супы, каких еще никогда не пробовали, притом на серебряных и золотых блюдах. Бетизакт и другие вожди возьмут для себя дарохранительницы, забранные в разграбленных церквях. Они с удивлением смотрели на чеканку лат. Их мешки были нагружены блюдами, кувшинами и вилками. Употребление вилок им раньше не было знакомо, и они изумлялись, как другие ловко управляются с этим орудием. Графиня обещала по окончании осады подарить им бургундскую посуду.

Товарищи Флао не желали ничего, кроме женщин и вина. Им отвели помещение поближе к служанкам и по ночам тайно проносили наполненные флаконы.

Молчаливые шотландцы и галлы совсем не понимали французского языка. Мак-Грегор грустил по зеркальным озерам, по адамантовым утесам скал, по чащам пахучего вереска, где бегают лоси. Англичане разорили его родную деревню, увели женщин, и он пришел во Францию с остатками своего клана и одной трибою галлов, отказавшейся от платежа налогов, для борьбы с наследственным врагом. В промежутки между битвами они напивались под звуки заунывных мелодий, которые напевал один старик с бородою до самого пояса. Эти песни Этвина напоминали им прохладную свежесть вересковых рощ, крики серн и прыжки оленя. Опьянев, они воображали, что рыскают на воле в пустынных пространствах в погоне за зверьми.

Мао приказала убрать их жилища зелеными ветками; послала к ним слуг, умеющих трубить из охотничьих рогов, и искусных менестрелей, рассказывающих очаровательные легенды на всех языках.

И жизнь их осветилась надеждами.

Пажей, вождей и рыцарей графиня повела в свою сокровищницу.

Элвен поднялся по узкой винтовой лестнице в тонкую башенку, построенную сбоку от главной башни. Мао и другие следовали за ним. После долгого, медленного восхождения подошли к низенькой двери, окованной стальными полосами и усеянной блестящими головками гвоздей. Там скалили зубы замочные скважины, сделанные виде дьявольских пастей. Монах нажал пружину и повернул ключи. Одна из фигур подалась, со свистом выпустив струю сжатого воздуха. Дальше надо было пробираться по низким коридорам, где наручники задевали за стены; приходилось идти, согнув поясницу. И долго еще кружились по бесконечным изворотам, открывали двери, перебирались по трапам, карабкались по неровным ступеням следом за монахом, который освещал путь большим фонарем. Наконец, очутились в высокой комнате, ярко освещенной множеством узких расщелин, совершенно незаметных снаружи, но вполне удовлетворяющих своему назначению пропускать дневной свет в эту ротонду, пронизанную всю насквозь, как решето. С внешней стороны отверстия прикрывались пластинками из сероватого, под цвет стен, стекла, выглядевшего совсем как камень.

По знаку Мао из соседней каморки вышла Торинелль; прихрамывая, она выдвинула крышки ларцов и раскрыла сундуки.

— Сеньоры, — сказала графиня, — будьте любезны что-нибудь выбрать себе из этих тканей, посуды и украшений, возьмите столько, сколько удержите в руках. А когда неприятель будет окончательно разбит, вы придете сюда еще раз.

Спутники онемели от неожиданности, завороженные влиянием небесных светил, воплотивших свою творческую сущность в драгоценных формах этих предметов. Руки, дрожащие от жадности, беспокойно перебегали от блюд к кувшинам, от кадил к ракам для мощей, вслед за глазами, увлажнившимися от наплыва чувств. Марейль, стоя на коленях перед сундуком, погрузил руки в груду парчи, массивных златотканых материй, нежного венецианского самита, шелкового сандаля, и ласкался щекой о расцвеченные камчатные вышивки панцирей и плащей. Даже слюнки заблестели на его оскаленных зубах.

Желая насладиться зрелищем воздействия дружественных звезд, Мао разжигала страсти полководцев. Оризель, недолго думая, схватил две медных шкатулки с тонкой чеканной отделкой, где бериллы, ляпис-лазурь и бирюза сплетались в гирлянды, веточки и виноградные грозди, образуя монограмму Баальтиса. Корбегем завладел железным доспехом с изображением подвигов Марса, искусно сложенных из аметистовых инкрустаций, и коснулся правой рукой символа Меродаха, который управляет равновесием разрушительных сил. Мак-Грегор, удовлетворившись затейливой шкатулкой из агатов, скрепленных свинцовой проволокой, отдал себя во власть Сатурнова ритма мести и гнева. Дивные оловянные жаровни в форме кораблей, плывущих по изумрудным и са-

фирным волнам, прельстили тонкий вкус Марейля, мечтавшего о славе на государственном поприще, которую ниспосылает Бел. Но все без исключения захотели получить золотые кубки, украшенные рубинами, золотые блюда и кувшины, так как все были в равной мере одержимы возвышенным честолюбием и жаждою славных подвигов. И никто не обратил внимания на серебряные изделия, окаймленные опалом или оправленные в агат: в их отуманенных головах не осталось места для мечтаний о полете высшего творчества.

XII

Графиня восхищалась детской грацией трех девушек, которые благополучно ускользнули от зверской страсти, обуявшей солдат, и состояли при ней под руководством Леноры. Черноволосая Иоланда, одетая в пышный шелковый наряд, разыгрывала из себя королеву, увенчав голову диадемой и обвесившись тяжелыми цепочками. Лоиза кокетливо драпировалась в ткани по образцу бронзовой нимфы, вызывая восторг Леноры и кроткой Изабо.

Мао подтрунивала над юношами, которые увивались вокруг девушек, говоря, что никогда они не приобретут благоразумия зрелых мужей. Госпожа Венера всегда будет держать их пришитыми к юбкам женщин, сидящих за прялкой; так и состарятся они, не заслужив славы. Юноши горячо защищались: все легенды и баллады, говорили они, вся древняя история свидетельствуют о том, что герои, богатыри, завоеватели отличались влюбчивым характером. Примеры — Цезарь, Ахилл, Александр. Мало этого, поддержал Оризель, Цезарь сделал такое множество завоеваний, выиграл такое несметное количество битв исключительно ради того, чтобы добыть себе право носить лавровый венок, так как он не имел успеха у женщин из-за своей лысины. Он хотел лаврами прикрыть свою обнаженную голову. Римская империя никогда бы не выросла до таких огромных размеров, если бы Цезарь не потерял волос благодаря чрезмерному увлечению женщинами; галлы сохранили бы свою независимость; и народ Ромула продолжал бы жить под республиканским правлением. Отец Эльвен прибавил: «Один святой человек мне рассказывал, что он вычитал где-то такой случай: как-то ночью, когда Цезарь кутил в обществе распутных женщин и молодых патрициев, один из гостей привел своего знакомого, азиатского мага. И вот в самый разгар пира у Цезаря свалился со лба венок из роз — тогда принято было надевать их к столу. Азиат из вежливости поднял венок и, показав несколько приставших к нему волосков, пророчески произнес: “Вот падают волосы на главе Цезаря, значит, скоро он сокрушит весь мир, ибо так предсказано размещением небесных светил”».

Затем беседа перешла на другие темы. Красноречивые рассказы Эльвена зажигали молодежь. Он был сведущ во многих отраслях знания, так как долго учился в парижском университете, на горе святой Женевьевы.

Но Мао не слушала разговора. Она была занята своими мыслями. Все явления связаны между собой. Сокровенные причины самых необыкновенных событий нередко выступают под личиною мелких фактов, не имеющих никакого значения в глазах толпы; но в них скрываются связующие центры, где скрещиваются звездные параболы, сталкиваются грозные ритмы комет. Уметь угадать, несмотря на обманчивую внешность, место скопления сил — вот к чему сводится все искусство мага. Магические печати, таинственные обряды, жесты заклинателей, чудодейственные слова, определенные сочетания цветов, запахов, лучей света, состояние души и тела — все служит для того, чтобы создать притягательные центры, к которым в известные моменты склоняются

Силы.

Символы, черные книги, святилища, маги оказывают на Них огромное влияние, служа колеей, в которой Они могут продолжат вращение, создавая пластическую форму, которая может сохранить точный отпечаток их пути.

Когда Мао бежала из родительского дома, она захватила с собой одну стариннейшую, драгоценную книгу, когда-то вверенную на хранение египетскому народу божественным Тотом и Гермесом Трисмегистом; потом она передавалась, как святыня, от одного посвященного к другому, перешла к византийским магам, и наконец досталась честному Эдаму. Уже само название книги обнимало гармонию миров. Уже само название заключало в себе иероглиф начала всех начал и последнего звена в цепи событий, и символ Озириса, и искупительную тетраграмму креста, и пересечение бесконечных углов. Это был оракул, Таро (Taro), открывающий будущее. Если буквы этого слова расположить по окружности, получится Rota, то есть колесо, вечно вращающийся круг, замыкающий в себе ритмы вселенной; из тех же букв складывается Арот, иначе говоря Азот, элемент, из которого родилась первичная материя; а на страницах книги изображены картинками все свойства чисел, символизирующих творческие идеи.

Мао до сих пор не решалась ее читать. Она боялась узнать слишком много страшного про тех, кого любила. Пытать же судьбу людей, к которым относишься безразлично, без особенно важного повода запрещают правила магического ритуала.

В этот день она достала заветную книгу, лежавшую под замком в сундуке с тройными стенками — из дуба, железа и сплава семи священных металлов. И принесла в комнату, где сидели ее духовник, ее пажи, барышни, составляющие ее свиту. Шутливым тоном — ибо принимать легкомысленный вид перед лицом толпы для магов столь же обязательно, как прятать талисманы, — Мао объяснила вещее значение картинок, собранных под медным переплетом и нарисованных на тонких пластинках. И выразила желание поворожить своим феодалам.

Выбор ее остановился на Жеане. Из всех близких людей он был ей наименее дорог. Эльвен заведовал судом и казною, отдавал приказания крепостным. Оризель отличался мужеством в бою, и, кроме того, через его посредство Син открыла графине блаженство любви; он, вместе с Ленорой, был для нее живым напоминанием о счастливом дне посвящения в брачные тайны. Своих грациозных барышень Мао обожала за их хорошенькие личики, за то, что сложением они были похожи на цветочные стебельки, движениями — на горлинок, веселым лепетом — на невинных зверьков, и было бы слишком больно узнать, что в будущем их сомнет смерть или тяжелые невзгоды.

Поэтому она подозвала к себе Жеана, и, усадив его в мягкое кресло, раскрыла листы Книги.

Паж протянул руку, но, прежде чем он успел дотронуться, Мао под видом шутки отдернула оракул.

На самом деле, она не могла решиться заглянуть в глаза страшному Будущему.

Пока они занимались разговорами, артиллерия, стоявшая в равнине, открыла убийственный огонь по укреплениям. Часовые подняли крик. Солдаты побежали через дворы, оглушительно звеня оружием и щитами. Неприятель делал новую попытку штурма.

Пажи схватили свои панцири, чтобы выйти на валы. Жеан не мог как следует застегнуться, потому что одна пряжка под мышкой плохо действовала. Он торопился сойти вниз. У подножия башни Чигала выстраивал своих людей.

Пажи налетели на генуэзский строй и произвели замешательство. Чигала пустил им вслед проклятия. Жеан стал потешаться над его гневом, передразнивая его смешными гримасами: потом, став во главе огромных кузнецов, вооруженных тяжеловесными топорами, повел их за собой, продолжая изображать бешеную жестикуляцию генуэзца и его забавный акцент. Чигала устремился вперед со своим алым отрядом, услышав, что бургундские возгласы «Роланд, Роланд» звучат уже у самых зубцов крепостной стены. Он нагнал Жеана. В это время паж, не замечая его, махнул со всей силы рукою, испытывавшей стеснение из-за злосчастной пряжки, и попал прямо в лицо Чигалы, попал так, что расколотил его в кровь. Не успев ничего сообразить, загоревшись мщением, итальянец вонзил шпагу в бок безрассудному юноше. Обливаясь потоками крови, Жеан тут же испустил дух.

XIII

Опасаясь, как бы не запятнать белизну своих одежд и покрывал в дни подготовительных очищений, чародейка без облачения каждое утро подымалась в святилище. Чтобы попасть в это укромное, уединенное помещение, расположенное в верхней части главной башни, недалеко от казнохранилища, надо было пройти по тем же коридорам, по тем же винтовым лестницам. В зале, освещенной многочисленными узкими отверстиями, хранились церемониальные ткани; они лежали в сундуках, украшенных каббалистическими фигурами: здесь были изображены Бафометы с широко раскрытыми пастями, и химеры сплетались между собой в чудовищных объятиях, олицетворяя вечную борьбу Твердого с Летучим. Посредине, на алтаре для благовонных курений, возвышалась большая деревянная фигура — каббалистический Андрогин с позолоченной рогатой головой, отвислыми грудями, покрытыми серебром, и медным фаллусом в виде Меркурьева жезла. Руки у него были железные, одна устремлена к небу, другая — к земле, на оловянном лбу сиял крупный агат, на свинцовом животе — ониксовый пупок.

Мао приседала перед ним на корточки на каменных плитах и погружалась в созерцание.

Безмолвная хранительница помещения, Торинелль вскоре удалялась, подложив огонь на алтарь с курениями.

Мягкий свет весеннего солнца как-то проникновенно сочетался с тусклой и неприветливой обстановкой. В большие медные сосуды солнце роняло длинные блестящие слезы.

Чародейка воздерживалась от каких бы то ни было внешних движений, замыкалась от внешних звуков и лучей. Понемногу она все плотнее закутывалась в наброшенное на тело ее покрывало гиацинтового цвета. И ей казалось сквозь прозрачную ткань, что все предметы подергиваются туманной дымкой; контуры смягчаются, расплываются. Вдали от мира, в шелковистых объятиях теплой и нежной материи, Мао блаженствовала и чувствовала себя бесплотным духом.

А там, снаружи, гигантские священные формы Андрогина вырастали в блестящий апофеоз, сверкающий металлами и драгоценными камнями. Суровым жестом чудовищный истукан призывал к размышлениям, связующим небесные причины с земными следствиями. В нем воплотилось двуединство жизни, плодотворное слияние двух полов.

Мао еще плотнее завертывается в гиацинтовое покрывало. Оно расплывается золотой тучкой, в его объятиях мысль чародейки лелеет сладкую мечту — взлететь еще выше, обрести полностью мистическую власть, до которой когда то возвысилась нетленная мудрость царя Соломона. И в душе горит благоговейный восторг перед основным началом мирового равновесия.

В силу этого начала души человеческие мечутся в поисках, томясь желанием найти оболочку, соответствующую их беспокойным мечтам; найти — и

влиться в нее. Оно влечет мужчин к девам, во имя него распускаются растения, поют и стонут животные, мчатся планеты; и гремит необъятный концерт мучительной страсти, разбивающей телесные формы ради одного мига свободы, ради минутного блаженства любви.

Оно зажигает мысль знаменитых искателей, жаждущих найти оболочку, соответствующую их прекрасным видениям. Оно влечет разум к Изиде и Причинам, во имя него распускается гармония, поют и стонут искусства, небесные сферы устремляются к своим солнцам; и гремит необъятный концерт мучительной страсти, разбивающей материальные оковы ради одного мига познания, ради минутного блаженства, доступного лишь мудрецам и магам.

И сейчас же рассеивается безумие, рассеивается опьянение. Жалкие формы обращаются в бегство, спотыкаясь, оглушенные, ослепленные, неудовлетворенные, и томятся новыми надеждами, жаждут иных, небывалых объятий.

Двойное движение — притяжение и отталкивание. Уравновешенный эфир есть не что иное, как мелодичное, спокойное дыхание, в котором, то подымаясь, то опускаясь, кружатся миры и населяющие их создания.

Дерзкому взору чародейки, пристально устремленному на ониксовый пупок, представлялось, что Андрогин воспламеняется. Железные пальцы метали лучи, которые, пронизывая свод, подымались до самых звезд и, пронизывая землю, проникали до пурпурового пламени подземных огней. От серебряных сосцов струилось голубое сияние, на медном фаллусе, извиваясь, трепетали змейки. Металлы, из которых были вылиты члены Андрогина, превратились в солнца. И словно тысячи арф грянули торжественный гимн в сиянии золотых рогов и сверкающих клубах благовонных паров.

Мао казалось, что чья-то властная воля неудержимо тянет ее в зияющую пасть раскрытой груди. Подобно океанскому прибою, гремел у нее в ушах голос бога.

В этот миг Мао постигла неумолимую справедливость рока. Каждая радость требует определенной меры горя: преступление сопровождается угрызениями совести, любовь — ненавистью, распутная жизнь — преждевременной старостью. Люди для поддержания своей жизни убивают животных, пожирающих растения, а растения, в свою очередь, цветут на почве, удобренной разложившимися трупами. То, что она слышала сейчас, было грозным пророчеством, предвещавшим ее смерть, смерть ее души, в искупление четырех убийств, которые потребовались для ее посвящения. Каждая новая ступень ее власти была куплена тяжкой ценою, ценою кровавой жертвы, поглощенной ненасытным брюхом молоха-Андрогина: погиб наследник рода, плод пламенной любви; погиб Эдам, ее родитель, ствол, на котором она выросла; и Жак, сеятель, ее оплодотворивший, и Жеан, которого душа была вспахана и засеяна высшим разумом для того, чтоб он охранял честь знамени; все погибли из-за злосчастного стремления воли к обладанию мировой Гармонией. Какая же теперь потребуется гекатомба, чтобы насытить неутолимый голод божественного чудовища?

Тяжкая скорбь погрузила чародейку в пропасть бесцельных грез, и катилось туда ее воображение, без надежды на успокоение. Она вглядывалась в

волны грядущего, то бледневшего, то загоравшегося ярким светом. Но видения не принимали ясных очертаний и, мелькнув на одно мгновение в почти осязательной форме, сейчас же расплывались. И все-таки там вырисовывались какие-то туманные, еле уловимые намеки. В конце концов из сомнений родилась твердая уверенность.

Мао одухотворит своим разумом существа, одаренные волей, она приобщит их к своему желанию обрести сознательную гармонию, которая управляет мировыми силами; и они падут жертвою вместо нее. Все они погибнут от этого порыва, слишком сильного для их человеческой оболочки; когда же тела их будут принесены в жертву, выйдут на свободу ритмы, заключенные в форму их личности; эти ритмы вернутся к своему первоисточнику, к творческой душе Мао, сольются с нею и вознесут ее силы на божественную высоту.

Утомленная напряженною работой мысли, Мао погрузилась в сон. Проснувшись, увидела себя забившеюся в гиацинтовую ткань, словно в кокон, руки ее обвились вокруг ног, упиравшихся коленями в подбородок. Снаружи глухим голосом что-то бормотала Торинелль, разматывая бесчисленные складки покрывала, чтобы высвободить графиню.

Старуха растерла ее и подула на лоб. Кровь снова забила в жилах. И Мао вышла из оцепенения.

Тогда служанка помогла ей совершить обряд очищения, который исполнялся каждый день: окатила ей плечи теплой водой, дымившейся в медном сосуде. Чародейка в это время произносила очистительное заклинание: «Именем Элоимов, силою животворящих вод, будь для меня, мое тело, знамением света, залогом исполнения моей воли». Затем старуха обнесла курильницу с бензойной смолой вокруг шеи графини, вдоль бедер, груди, под мышками; и подала ей медную змейку для удаления дыма с благородных частей тела, которые не полагается окуривать. «Именем Элоимов, — шептала Мао, — силою медного змея, сокрушающего огненных змей, будь для меня, мое тело, знамением света, залогом исполнения моей воли».

Обряд очищения кончен. Совершенно обнаженная, Мао опрокинулась на алтарь Андрогина, с руками, опущенными вниз в знак отречения, в знак полнейшего рабства. Она вся трепетала, купаясь в волнах белого света. Бог с козлиной головой таращил на нее свои рубиновые зрачки. Было страшно и стыдно так отдаваться. Мао казалось, что символ стал живым существом и протягивает к ней свои железные руки. Но тут подбежала старуха и посыпала ей зернышки соли вокруг пупка и между грудями, которые порывисто дышали и, вздымаясь, скрывали от возбужденного взгляда Мао фигуру колосса с медным Меркуриевым жезлом. И задыхающимся голосом она хрипела: «Силою соли земной и во имя жизни вечной будь для меня, мое тело, знамением света и залогом исполнения моей воли».

Жрица быстро вскочила с воскресшей душой. Ей надели семь плащей: первый — белый льняной в честь Син, второй — серый для Небó, третий — гиацинтового цвета для Баальтис, четвертый — фиолетовый — для Меродаха, пятый — из золотых ниток — для Солнца, шестой — голубой — для Бела, и, наконец — темный для Сатурна.

Взглянув на свое отражение, в глубине медного зеркала, Мао нашла себя красивой. Головной убор очень шел к ее лицу.

По условленному знаку, Торинелль принесла в футляре магический скипетр, для освещения которого в течение семи месяцев совершались специальные церемонии.

На минуту Мао смутилась: правила ритуала требуют полного молчания из опасения, чтобы звуки человеческого голоса не оскорбили священного величия символа. Но ей удалось движением руки передать свое желание помощнице, и та вытащила из сундука жезл правосудия, украшенный геральдическими знаками графини — голубой с белыми единорогами, и увенчанный короной.

Корона была отвинчена, а ручка — выдолблена внутри. Мао всунула в углубление скипетр могущества, предварительно приложившись к нему устами; и завинтила жезл правосудия.

Затем сошла вниз, чтобы принести в жертву своему великому желанию бессмертие душ своих воинов.

XIV

Непрерывная канонада стала для осажденных привычной музыкой; они совершенно спокойно продолжали военные действия. Но все-таки по ночам невозможно было заснуть. От усталости лица воинов страшно исхудали, болезненно вытянулись.

В крестьянском квартале несколько женщин умерло от преждевременных родов. Их мужья, сыновья и братья с высоты куртин, в которые вколачивали палисады для прикрытия огромных брешей, пробитых бургундской артиллерией, смотрели, как закапывают могилы. Но они не проявили большой печали, настолько оглушены были страхом: ядра проносились наравне с их головами, время от времени вырывая из их рядов то того, то другого.

Графиня на двадцатый день своего поста с утра вышла из главной башни и произвела смотр войскам. Темные, словно восковые, лица солдат произвели на нее потрясающее впечатление. Перед ней стояли жалкие фигуры в погнувшихся панцирях, заржавевших от дождя во время караульной службы, в одежде, изорванной в клочья, в обуви, отвратительно зашитой; чудные краски геральдических цветов на щитах совершенно выцвели. На волосяных фуфайках, которые баски носили на груди для защиты от стрел, волосы лезли наружу через все прорехи. Бороды и волосы закрывали железные нашейники и придавали большинству солдат вид каких-то лохматых зверей вроде медведей.

Среди мертвого молчания одичавших войск постоянно гремели тяжелые раскаты. Ряды солдат застилались большими белыми тучами. В промежутках между выстрелами, в клубах пахучего дыма мелькал желтый горб Флао, и звенели его веселые песенки. И снова разрывались каменные ядра, осколки разлетались во все стороны, дрожали цветные стекла в окнах и рассыпались по земле, иронически звеня, как падающий град.

Единственным безопасным убежищем были своды подземных галерей. На высоте человеческого роста стены покрылись красноватыми струпьями, припечатанными пучками волос, пятнами запекшейся крови, сгнившими обрывками мяса и мозга. Посреди двора уже два дня валялся вспухнувший труп какого-то шотландца; и никто не решался его убрать, так как в этом месте бомбы сыпались градом.

Мао прошла в комнаты солдат. Там были устроены бойницы, из которых открывался вид на неприятельские сооружения. От оврага к оврагу фламандцы выстроили подходы вплоть до высокой естественной террасы, лежавшей с восточной стороны, у дороги в лес и в город. Там возвышалась мощная бастида, вооруженная пушками, кулевринами и ручными метательными снарядами; ее сооружение стоило многих человеческих жизней и тяжких трудов под убийственным огнем из замка; отсюда обстреливали стены так успешно, что валы рассыпались в прах, обращались в огромную груду камня, штукатурки и земли. А стоявшие сзади палисады плохо защищали от нападения.

Печальнее всего было то, что эти развалины, расширяясь с каждым часом, засыпали трещины холма и создавали отлогость, достаточно удобную для штурма. Пока графиня занималась осмотром, батальон фламандцев двинулся к развалинам на приступ. Затрубили рога часовых в каменных будках. Вывели войско на валы. Выждав, пока фламандское мужичье, рассыпавшись между кучами щебня и кустами терновника, подошло к откосу стен, осажденные опрокинули двадцать медных сосудов, висевших у бойниц; вязкие потоки кипящей смолы и расплавленного свинца хлынули на каски и плечи, деревянные щиты моментально обуглились, а лица превратились в безобразную груду вареного мяса. Дикие вопли понеслись к небу вместе с клубами дыма и едким чадом обгорелой кожи. Несколько стрел ударилось в деревянные перекладины палисадов. Но разбойникам сейчас же пришлось убраться: генуэзцы, укрывшись за бойницами, ловко угостили их градом свинцовых орехов и арбалетных стрел.

Неприятель бежал, засевая трупами борозды дорог, и скоро скрылся из виду.

Эльвен отправился к Мао сообщить радостную весть.

Вдруг он прервал свой рассказ, удивленный тем, что пушки внезапно умолкли. Им обоим показалось, что произошло нечто необыкновенное: в воздухе воцарилось молчание. Словно жизнь разом оборвалась перед их изумленным слухом. Люди вышли из-под сводов и, пользуясь затишьем, побежали к водоемам. Другие стали подбирать трупы. Крестьяне направились в женский квартал. С валов донеслись оклики, возвещавшие, что приближается бургундский герольд с трубами и знаменами главнокомандующего, идет для переговоров.

Марейль с унылым видом поспешил явиться к госпоже за распоряжениями. Они решили выслушать предложение, но потребовать известного срока на ответ с тем, чтобы до истечения его войскам была дана необходимая передышка. А потом будет особое извещение.

Чтобы скрыть от вражеского взора парламентеров следы разгрома, послов повели через потайной коридор, проложенный под землею и выходивший прямо в парадные залы замка.

Мао с графской короной на голове села на своем троне. Вдоль стен выстроились генуэзцы в образцовом порядке. Рыцари одели поверх доспехов парадные камзолы, принесенные по приказанию Эльвена из казнохранилища. Перед открытием аудиенции троекратно исполнили торжественный сигнал во все трубы.

Бургундский герольд, в свою очередь, троекратно ответил звучным, громогласным сигналом. Пришлось выждать, пока медные звуки перестанут гудеть в деревянной отделке огромной залы. Наконец, величественный герольд, украшенный гербами всех сорока двух дворянских родов, подвластных его господину, герцогу Филиппу, возвестил: если на третий день к восходу солнца замок де Горп не изъявит согласия предстать перед судом герцога и города Брюгге по обвинению в злодейском отцеубийстве, жертвой которого пала высокая особа барона Эдама, и в предательском поведении рыцарей-приспеш-

ников Жака де Горпа, поднявшего преступный мятеж против своего сюзерена и похитившего девушку, то будет произведен решительный штурм, люди гарнизона будут перевешаны все до единого, замок срыт до основания, а графиня де Горп на остаток дней своих заключена в монастырь святой Гудулы в Брабанте, чтобы христианскою жизнью она искупила свои великие грехи.

И, с другой стороны, если названные рыцари пожелают подчиниться священному приговору мудрых мужей, назначенных герцогом и гражданами Брюгге для расследования этих гнусных преступлений, им будет оказано снисхождение в той мере, в какой это допускают обычаи честных людей и закон Христа. Итак, сторонники де Горпа могут еще надеяться на милость, пусть же отдадутся они под великодушную руку герцога. Жалеть не придется.

Так говорил торжественный герольд. Затем он вручил капеллану Эльвену вызов на суд, написанный на пергаменте и скрепленный печатью и с бургундским гербом, и трубы опять троекратно проревели сигнал.

Потом слово взял один из баронов. Он говорил, что осада неминуемо должна кончиться успехом, что защитников ждет верная гибель — ведь они измучены голодом, сражаются на разрушенных валах, стреляют из пушек, которые частью приведены в негодность. Против общего штурма им все равно не устоять. А свое рыцарское мужество они и без того доказали. Еще неизвестно, смогут ли они удержать меч в руках, истощенных постом и всяческими лишениями.

При этих словах Корбегем вскочил с места. Бросив перчатку в сторону оратора, он предложил выйти на поединок на каких угодно условиях против самого барона и против всех бургундских сеньоров, желающих пронзить его боевой щит, сколько бы таких не оказалось. Во время трехдневного перемирия ничто не может помещать благородной забаве. Марейль, Мак-Грегор, Бетизак тоже бросили свои значки. Бургундец понял их и отвечал, что, поскольку это зависит от него, дело может считаться решенным. Он доложит главнокомандующему.

Честь рыцарей де Горпа, больно уязвленная тем, что усомнились в их воинской твердости, не позволяла продолжать переговоры. Посол должен был удалиться; монах упорно хранил молчание, а Мао величественно застыла, в пышной мантии, бледная, как слоновая кость ее благородного скипетра.

Она испытывала жгучую боль от сознания, что не может магическими заклинаниями рассеять неприятельскую армию, как рой назойливых ос. Она шептала искрометные слова, священные формулы, действующие всегда с неизменным успехом. Но, видно, высшей воле не было угодно, чтобы она обнаружила свое сокровенное искусство. Ревнивая любовь Элоимов одарила графиню могучей властью ради того, чтобы им посвятила она свои сверхъестественные силы, прониклась их сущностью, приобщилась к их лику, а вовсе не затем, чтобы она служила мелкому тщеславию толпы, расточала свои силы на низменную мирскую суету. Уже страсть, истраченная на Жака, на борьбу с их общим врагом, усилила строгость испытаний и опасности опытов.

Сколько препятствий надо преодолеть! И тем не менее, Мао ни перед чем не останавливалась ради приобретения свойств, необходимых для достиже-

ния цели. Аскетическим образом жизни она беспощадно умерщвляла свою плоть, убивала естественные потребности своего юного организма. Растения были для нее единственной пищей, чистая вода — единственным напитком. Сон постоянно прерывался ночным созерцанием астрологических небес и длился так мало, что, пока она спала, песок в часах едва успевал сделать несколько оборотов. Постоянные холодные обливания разрушали нежную теплоту тела, под которой могла укрыться расслабляющая лень. Три раза в день Мао натиралась смесью из пепла, лаврового листа, белой смолы, камфоры, серы и соли. И кожу жгло, как от власяницы. Кожа покрылась пятнышками, стала шероховатой на ощупь. Под расширившимися глазами образовались темные круги.

Но сожаление об угасающей красоте Мао набожно приносила в жертву божественному Андрогину.

На верхних террасах башен она отдавала свое тело на растерзание бешеным порывам бури и скользким бичам зимней вьюги. После такого бичевания кисти ее рук, ее белые, длинные, благородные кисти окрашивались кровью, скользившей по поверхности кожи; на пальцах, из ослабевших суставов временами брызгали тонкие алые струйки.

Пришлось постоянно ходить в перчатках.

На второй день перемирия, в долине воздвигли шатры для предстоящего состязания. И Мао, и главнокомандующий герцогской армии изъявили свое согласие. Вынесли самые роскошные знамена и драгоценные доспехи. Бургундские сеньоры прислали коней бойцам Горпа.

На фасаде каждого павильона повесили два щита: один легкий, по правилам турниров, блестяще изукрашенный геральдическими знаками, другой — тяжелый, проще отделанный, но более пригодный для защиты от опасных ударов боевого копья. Мягкий ветерок играл в долине, долетая до зеленеющих почек соседнего леса. Мягко пригревали солнечные лучи темно-коричневую землю, вылощенную проливными дождями.

Рыцари теснились вокруг барьеров в красных и голубых шапочках. Несколько дальше расположились войска. Казалось, что медное море колышется за яркими венчиками настурций.

Осажденные небольшими кучками вышли на стены. Изнутри доносился стук, указывавший, что там кипит работа. Дав своим людям возможность отоспаться досыта, графиня и Марейль приказали поправить обвалившиеся насыпи, укрепить расшатанные куртины. Солдатам выдали из складов новое снаряжение. Дети подкатывали к валам бочонки с порохом, носили корзины с ядрами. Все женщины должны были сидеть в просторных комнатах замка и без передышки шить куртки, плащи, обувь, фуфайки. Барышни раздавали им работу, подбодряя их и напутствуя ласковыми словами.

А Торинелль все бродила, делала пальцами какие-то знаки, противодействующие враждебным влияниям, чистила посуду.

Согнув руки, постоянно что-то бормоча, скрестив ладони по каббалистическим правилам, она ходила взад и вперед, чертила таинственные знаки на всех дверях, а за нею вприпрыжку бежал кот; никто никогда не видал, чтобы этот кот мяукал. В глубине подвала старуха устроила аптечную лабораторию

и готовила отвратительную стряпню, от которой распространялся тошнотворный запах во все концы комнаты, лежавшей сверху.

Она говорила, что там изготовляются бальзамы для исцеления ран. И, действительно, у людей, доверившихся ее уходу, очень скоро восстанавливались потерянные силы.

Изумительно ловко она делала перевязки больным, лежавшим на подстилках в чулане, предназначенном для склада седел. Даже Чигала, сначала и слышать не хотевший о ее противоядиях и снадобьях и удовлетворявшийся молитвами святым Маврикию и Лазарю, излечился с ее помощью от очень неприятной раны на голове, из-за которой чуть не отправился на тот свет.

По первому зову сигнальных труб Мао спустилась в долину на своем белом иноходце в сопровождении бойцов — Марейля, Мак-Грегора, Бетизака. Ее конвоировал отряд генуэзцев. Бургундцы любезно устроили для нее прекрасную трибуну, задрапированную красной материей. Графиня взошла на подмостки. Прямо напротив поместился главнокомандующий, в меховой мантии, со своей благородной свитой. Герольды провозгласили открытие состязания.

Бойцы Горпа были страшно озлоблены, в сердце скопилось столько муки за время этой ужасной, бесконечно затянувшейся осады. Как в годы юности, хищная жажда боя раскаляла кипящий мозг. Им чудилось, что воздух напоен лошадиным ржанием и весь колышется в волнах дыма, который, поднявшись от очага, окутывает и людей, и яркие ткани, и тучи, и долину, и леса. И эти навязчивые призраки нагло прыгали перед глазами, затуманенными сдавленной, безмолвной, бешеной злобой. Не теряя времени, рыцари разошлись по своим павильонам. Пажи вздернули цветные флаги на верхушки мачт.

Мао покойно сидела на краю арены, веря в успех, гордясь своим роскошным убором и своей свитой, нарядно одетой во все новое, и войском, которое сверкало яркими щитами. С непокрытой головой, с золотым кольцом на волосах стоял Оризель, и во славу солнца стройно подымались от земли его гибкие ноги, выгнутые линии его торса в лазурном костюме с белыми единорогами. По левую руку стояла Ленора в пышном наряде из золотой и багряной ткани; красотой своего лица она привлекала к себе всеобщее внимание. Чародейка была в восторге от безупречного действия своих снадобий. Это мазь из сока роз и мирт, приготовленная по правилам ритуала, придавала такую необыкновенную красоту ее свите; а напиток из смеси полыни с рутой вызывал в бойцах такую бешеную отвагу. К тому же Небо́ обещал, что ее не одолеют в бою.

К трибуне подошел паж с изображением трех разбитых и расколотых башен на зеленом поле; это герб рода Крисолей, пожалованный королем Иоанном за то, что один из предков рода первым взбежал на башню во время штурма. Юноша подошел к боевому щиту Марейля и коснулся его своей палочкой. Потом вернулся к бургундским павильонам. Оттуда выступил полузеленый, полуголубой всадник, закованный в железную скорлупу; над шлемом его развевались черные перья. На противоположном конце арены появился доспех Марейля с серебряными насечками и бирюзовыми инкрустациями, изпод лат выбегали складки изящно вырезанного кафтана такого цвета, как брю-

шко саламандры. Трубы сыграли сигнал, и оба бойца пришпорили своих коней, держа тяжелые копья в опущенной руке. Они мчались, разбрызгивая грязь, и производили впечатление двух цельных блестящих слитков, двух жуков, порывающихся пронзить друг друга своими жалами.

Но в тот момент, когда они совсем уже сблизились, кони отпрянули назад и шатнулись в сторону; всадники, обманутые в своих ожиданиях, разразились гневными жестами; поднялись два копья на фоне бледно-голубого неба; размашистым круговым скачком каждый из рыцарей объехал окованный круп враждебной груды, и оба вернулись на свои места. При второй схватке Крисоль получил удар, не причинивший серьезного повреждения. В третий раз они столкнулись так яростно, что у обоих обломались пышные султаны.

Наконец, наскочили друг на друга в четвертый раз. Марейль, замахнувшись копьем, сбил шлем с головы бургундца. Резко сорвавшись, забрало расцарапало до крови нос побежденного, черные перья подлетели в воздухе, а каска покатилась в грязь. В тот же миг подбежали пажи и шагом повели лошадь злополучного Крисоля, захлебывавшегося в крови.

Вслед за тем прислужник герцогского кравчего, графа де Вальсина, с пятью золотыми кубками, нарисованными на черном щите, разграфленном золотою чертой на четыре поля, ударил в боевой щит Корбегема. Гигант был весь в красном. Он позволил противнику обломать два копья о свой щит, а сам даже не шелохнулся. При третьем натиске Вальсин выскочил из седла и с копьем в руке шлепнулся в лужу.

Мак-Грегор с первого взмаха проколол плечо барону Бергу. При виде крови, потоками хлынувшей из раны на красную нарядную куртку, усеянную серебряными монетами, герольды и посредники возбудили вопрос, не замешано ли в этом деле черное предательство: прочные латы обыкновенно выдерживают удары копья; даже в сражении всадники неуязвимы для ударов, пока не выпадут из седла, и гибнут они обыкновенно уже на земле, если их задушат пешие люди. После многочисленных речей и ссылок на обычаи всевозможнейших стран было решено: ввиду того, что боевой щит пробит оружием, которое выбрал сам раненый, он не может ни на кого пенять, кроме как на свою собственную несчастную судьбу.

Бетизак менее удачно поддерживал славу графини. Он так стремительно пускал вперед свою лошадь, что при каждом натиске противника ей приходилось кидаться в сторону, а копье плохо держалось в его руке, дрожавшей от лихорадки, и гнулось, как лук, грозя переломиться. И сам он сидел в седле недостаточно крепко, так что, если бы не спасало его изумительное проворство, много раз он был бы сброшен на землю.

Так ломали копья до самой вечерни, к великой чести и славе бойцов Горпа. Когда герольды провозгласили победу, рыцари вернулись в замок под несмолкаемые восторженные клики товарищей, поднявшихся на валы.

Переступив подъемный мост, Мао почувствовала, что волны ликования колышут эфир, набегают на ее душу и приводят ее в смятение своими колебаниями. Она приветственно махала воинам скипетром из слоновой кости. И всякий раз, как скипетр склонялся, толпа содрогалась. Этвин лобызал руки Мак-

Грегора. Смущенный рыцарь поцеловал белую бороду старого барда. Обнаженные палаши колебались и сверкали в воздухе, шотландцы приносили клятву верности. Шествие подошло к капелле, и певчие возгласили благодарение Господу.

Потом Эльвен произнес проповедь. Он говорил, что этот успех должен поднять дух осажденных, что к таким доблестным вождям солдаты могут питать полное доверие. Недолго осталось ждать, скоро подойдет помощь от короля, и храбрые бойцы за праведное дело получат богатый выкуп от бургундских рыцарей и фландрских мещан. В кладовых замка уже припасены сокровища. Только что вернули пленных и взяли в обмен восемь мешков червонцев, пятьдесят аррасских ковров, сто наборов конской сбруи и тридцать бочонков с гостинцами Хотели еще получить несколько подвод вина и скота; это не удалось, но зато фламандцы доставят большую партию багряного сукна. Лучше еще немного потерпеть от войны, чтобы потом на славу отпраздновать заключение мира.

— Мир! Мир! — неожиданно взвизгнул Флао насмешливым тоном. — Ты лжешь, монах! Мир — ну конечно! Только, прежде чем мы взглянем на него хоть одним глазком, все будем корчить рожи в петле, когда вздернут нас за шею на последних обломках крепостных зубцов. Будет мир для нас, так уже сразу вечный, и притом в обществе господина Сатаны.

И, взобравшись на бочку, горбун стал неистово ругаться, обращаясь к толпе. Дураки они будут, если поверят, что когда-нибудь им придется носить фламандские багрянцы, набить свое брюхо гостинцами, а мошну — бургундским золотом. Неприятелю нечего было беспокоиться, посылая роскошные ковры да мешки с золотом, он-то, ей-Богу, не прогадает, ведь даже крысы горповские не успеют поскрести свои зубы. Прежде чем распакуют эти сокровища, артиллерия уложит на землю последнюю стену замка; и сундуки, нынешним утром ввезенные через подземные ходы, нетронутыми вернутся назад на брюггских телегах. Он, Флао, как начальник артиллерии, кое-что смыслит. Единственный выход сейчас — сдаться.

Гасконцы поддержали оратора. Многие из них глухо покашливали уже с зимы; земля у них под ногами окрашивалась пятнами от красноватых плевков. От недостатка в вине они теряли присутствие духа. Они сами себя не узнавали в таком унылом виде, без диковинных рассказов, без веселых взрывов звонкого смеха. Гасконцы рассыпались в толпе, повторяя слова парижанина. Генуэзцам они напоминали про дворцы и знойные ласки солнца. Но те презрительно отворачивались. Шотландцы в ответ на все доводы показывали свои широкие палаши и богатырские мускулы своих рук. Между тем, они сильно страдали от отсутствия мяса; эта каменная тюрьма стала для них слишком тесной, и погибнуть в петле они считали позором.

Неистовый шум огласил своды храма. Голос проповедника тонул. Гасконцы сцепились с генуэзцами. Знавшие несколько языков переводили призывы; толпа разбилась на отдельные кучки. Большинство, не зная чужих языков, объяснялось знаками.

Поднялся отчаянный вопль. Солдаты обнажали свои рубцы, еще не затянув-

шиеся шрамы, показывали выбитые и вытекшие глаза, обрубленные пальцы, отвратительнейшие раны. Их руки с мольбою тянулись к Мао, невозмутимо застывшей на троне. Многие заболели от лишений; они выставляли на вид свою кожу, изъеденную ужасающим зудом, который усиливался от того, что приходилось питаться исключительно сухой рыбой. Некоторые, укутавшись в плащи, трясясь от лихорадки, вперили в лицо графини свой впалый взгляд. От продолжительной стоянки в сырых помещениях у всех почти ввалились глаза. Страдальческие лица были смочены слезами, а лбы, сморщенные от головной боли, клонились к земле.

Крестьяне тоже плакались. Время весеннего посева подходит к концу. Какой страшный голод им придется пережить в своих разрушенных домах! Вдобавок, явились бабы и девки; они бросились к ногам графини, целовали полы ее платья. Приниженный вид их напоминал о несмываемом бесчестии, которое они пережили.

Белые чепчики женщин, которые, как волны, бились у колен графини, совершенно заслонили ее голову. Пронзительный голос Флао звенел, не умолкая; казалось, что он исходит из желтого горба; этот голос разносился над худыми, вздернутыми, как крылья, плечами горбуна, над тощими его руками, мелькавшими в воздухе, над разноцветными шапками воинов, толпившихся в церкви, и, вырываясь из церковных стен, долетал до пределов видимого пространства. Эльвен пытался перекричать его с кафедры, но тщетно.

Внезапный ужас охватил графиню при виде рук, протянутых к ее телу. Она почувствовала, что эти люди погружают ее в пучину своего горя, затягивают ее страшным покровом своих сочащихся кровью ран и болячек. Рыцари бесцеремонно отталкивали самых назойливых. Но Мао была заперта в глубине храма, подле алтаря, и, чтобы выбраться на волю, ей пришлось бы пробиваться через воющую толпу.

Рыдания солдат, закаленных в бою, смутили графиню. Она еще сохраняла свое невозмутимое спокойствие, но чувствовала, что каждую минуту может сама разразиться слезами сострадания. Между тем, она не имела права отдать себя в жертву позывам этих низших, бессознательных созданий Ритма.

Ревели дети на руках матерей.

Мао обратилась к внутреннему оракулу своей души; там хранились некоторые сокровенные истины, внезапно постигнутые путем магического опыта, потом забытые, затененные высшими заклинаниями, не имеющими ни малейшего касательства к земной суете. Позднее, в тишине умиротворенного сознания, эти лучезарные истины всплывали наверх в образе светлых предчувствий, проникающих в тайны грядущего. Ход событий еще ни разу не опроверг ни одного из этих предчувствий. Мао знала, что никогда она не будет побеждена против своей воли. Если осада все еще тянется, если неприятель с таким адским упорством продолжает свою смертоносную, разрушительную работу, это объясняется исключительно тем, что Мао, совершенно пренебрегая тягостями войны, от которых стонут окружающие, бережет лучший цвет своих сил для высших таинств. Теперь же наступило время отказаться от великих мечтаний, думать только об освобождении вассалов, создать себе славу путем

победы. Тогда легче будет их завлечь в круг своих планов. Тогда ей лучше удастся поглотить своей душой их души, полные великодушной признательности, усилить свой собственный ритм притоком их многоголовой воли.

И потому, подняв скипетр, она через посредство Марейля приказала толпе рассеяться. Флао вопил еще громче. Люди смешно, по-ослиному, ревели, жалуясь на неумолимую жестокость графини, но теперь она испытывала только отвращение к их уродству, к их рукам, почти касавшимся ее лица, к их обнаженным язвам. Она сочла для себя унизительным излагать логические доводы в ответ на их тупоумные протесты, которых не могли победить и слова Эльвена, пробившиеся наконец сквозь нестройный хор голосов до самой скамьи сюзеренши.

Чародейка отражала угрожающие вопли своим скипетром, шепотом произнося формулы, которые привлекают духов воздушной стихии. И немедленно гигантская туча, поднявшись от черты горизонта, затянула солнце сине-лиловым саваном. Тучи спустились к верхушкам стен и башен, разверзлись и тяжелые потоки проливного дождя застучали по плечам, по головам. Толпа, скучившаяся во дворах, опрометью бросилась по домам. Несколькими хорошими тумаками, с помощью железных рукавиц и плоской стороны мечей, рыцари вышибли крестьян, допущенных в церковь, и там не осталось никого, кроме Флао и самых дерзких его сторонников.

Эльвен взошел на ступени алтаря и страшными проклятиями заклеймил их трусость.

Мао, пристально устремив зрачки на голый череп францисканца, внушала ему свои мысли, и они выливались из уст монаха в изумительно точной передаче, с возрожденной стройностью и неотразимой логичностью доводов. С сияющим от удовольствия взором оратор вслушивался в периоды своей речи, дрожавшие под сводами, как музыка органа, то нежно замирая, словно отцовские укоры, то грохоча, словно грозные раскаты божественного гнева. Его рукава из грубой шерстяной материи раскачивались в такт и чертили эллипсы силы, замыкавшие и чутко насторожившиеся лица солдат и мертвенно-бледное лицо Флао. Возбужденный током, который струился внутри его тела, монах весь преобразился: он стал словно тоньше, он тянулся к голубому своду, к вечному Отцу, озаренному лучами золотого треугольника; и, простирая руки к толпе, наставлял ее на путь истины. Крепко стиснув проповедника в своем воображении, Мао лепила из него свое изваяние, отчеканивала в его душе свои порывы. Чародейка сидела на троне, застыв священнодейственно в величественном уборе из златотканой материи и золотых украшений, а монах действовал за нее, как исполнительный орган, безличный и рабски покорный чужой воле.

Очень скоро проснулась гордость в присутствующих, и они решительно отвергли мысль о капитуляции. Когда монах изобразил, какой это будет позор, если они, благородные дворяне и младшие братья уважаемых семейств, отдадут себя па поругание фландрским ткачам и прядильщикам, все, как один человек, яростно застучали оружием о священные плиты и, плюнув через плечо, поклялись, что никогда подобное желание не приходило им в голову. Куз-

нецы не желали бургундского ига и герцогских налогов, которые обременительнее для промышленности, чем французская поземельная подать. Эльвен заставил всех с горьким раскаянием поминать ту минуту, когда они поддержали мольбы трусливых женщин, малодушные призывы праздных фантазеров-гасконцев и разбойников-басков, вечно говорящих какой-нибудь вздор. Не стыдно ли идти на поводу за низким предателем, за гороховым шутом, над которым за его нрав глумятся все люди, над которым насмеялась сама природа? Какой бес их попутал? Почему слова пьяного бродяги одержали верх над разумными доводами? Он ведь был пьян, когда говорил, да он пьян и сейчас. «Посмотрите, как он шатается на ходу; лица на нем нет, на изменнике, он весь пропитан сивухой, из груди так и пышут винные пары, уже сгноившие его прокаженную утробу».

И, схватив дароносицу для наложения анафемы, отец Эльвен приблизил ее к губам Флао, привлеченного к алтарю неотразимо действующими зрачками чародейки. Лишь только он почувствовал прикосновение священного сосуда, как все члены его тела перекосились. Глаза раскрылись во всю ширь и судорожно забились в мокрых ресницах; ноги подгибались, бросая его то вправо, то влево, хлопая о стены; размякшими, уродливыми руками он передразнивал женщину, танцующую вальс; он затянул заплетающимся языком непристойную песенку, и вместе со звуками из его губ, перекошенных безобразной улыбкой, потекла синяя, липкая пена.

Солдаты гоготали. Затем открыли двери, и войско двинулось на свои квартиры, толкая перед собою пьяницу, который загаживал стены своей рвотой.

Весь гарнизон издевался над ним до тех пор, пока он не погрузился в глубокий сон. Наутро гасконцы, еще не приняв окончательного решения, взошли на куртины, чтобы взглянуть на неприятельский лагерь. Когда все они стояли наверху, любуясь видом развевающихся хоругвей и фламандских батальонов, выстроившихся на парад, Марейль пробрался в сторожевую будку, пряча под плащом арбалет. И совершенно неожиданно из бойницы полетела стрела в тот участок, где скучились шатры сеньоров. Рыцарь позаботился предварительно вырезать на стреле слово «Bellum»*.

И сейчас же тяжелое бургундское ядро врезалось в толпу арманьяков, тупо глядевших в пространство, и уложило на месте несколько человек.

Остальные, вне себя от ярости, громким криком стали призывать к оружию. Флао, оторванный ото сна, инстинктивно побежал к своей бомбарде — святой Цецилии; и канонада возобновилась с убийственной силой.

Вечером графиня, согласно своему обыкновению, обходила квартиры. Она сообщила, что помощь подойдет на девятой заре. Ей во сне, говорила она, явился святой Элоа.

Но неприятель ожесточенно шел на приступ. Нет сомнения, что приближение королевской армий подогревало его пыл. Захват замка решил бы исход кампании.

На четвертую ночь фламандские лазутчики проползли через кустарник и

---

* Война (*лат.*).

подожгли палисады, прикрывавшие бреши. Огненный полог взвился к небесному своду под неистовые, восторженные крики осаждающих. Панический страх согнал обезумевших защитников к подножию главной башни. На верхней террасе появилась Мао. Она махнула несколько раз своим скипетром по направлению к звездам и затем протянула руку к лагерю. Бушующий смерч, пронизанный синеватыми молниями, обрушился на пламя и перекинул его на кусты наружного склона. Колонна бургундцев, стоявшая в засаде, рассыпалась на тысячи мелких черных осколков, и в один миг их скрутило огнем.

Четыре дня бушевал ветер во избавление подданных Горпа, чувствовавших себя в полной безопасности под прикрытием пылающей брони.

Мао с грустью смотрела на успех чар. Каждая победа над людьми на целые годы отодвигала победу над богом.

Ее заклинательная сила иссякала. Пришлось прекратить ежедневные созерцания: лишь только она надевала гиацинтовое покрывало, как тотчас же начинала ощущать полный упадок сил. Оракулы хранили молчание.

Андрогин стал просто нескладной, ничего не говорящей фигурой. Она удвоила число треножников с благовониями; она натиралась укрепляющими мазями; она принуждала себя к полному отказу от движений, смыкала ресницы, чтобы они не моргали, когда утомятся глаза. Она сдерживала даже дыхание и довела свою грудь до совершенно неподвижного состояния.

Пышно одетая в символическое облачение, увешанная чудодейственными камнями, Мао сидела в драгоценном кресле, дивно прекрасная, и крестьяне толпами стекались к ней на поклонение.

Это было для нее единственным утешением. Под влиянием неоспоримых чудес час от часу окружающие все глубже втягивались в ее сети. Каждый день трижды раскрывались двери главной башни. Показывалась низкая зала, окутанная мраком до самых ступеней трона, где в лучезарном уборе сидела святая графиня. Восковые свечи разгоняли мглу вокруг нее. Впереди сидел Эльвен, изумительно бледный, в сутане из грубой шерстяной материи, с распятием в руках.

Не обращая внимания на ядра, которые дробили камни, пожирали наличники и выбивали каменные плиты, сбежавшаяся толпа целовала полы ее платья, женщины прикладывали к полам лбы младенцев.

И чудное дело! Никто еще ни разу не пострадал, приближаясь к графине или уходя от нее.

Наконец, на девятой заре вдали показалось темное море человеческое, над которым, как зыбкая пена, белели железные лезвия рогатин и гребни касок, и колыхались флажки и знамена.

Бургундцы и фландры немедленно сожгли свои окопы. Ночью, очевидно, ввиду предстоящего наступления, обозная команда сложила палатки и увезла подводы.

Линии осаждающей армии, опоясывавшие замок, выпрямились и протянулись с южной стороны.

Затем два океана людей тихо потекли один навстречу другому, к плоскому дну долины, где извивался ручеек, и так длилось до самого вечера.

Марейль, Мак-Грегор, Корбегем и рыцари выбрались из замка и потонули в рядах королевской армии.

Но бой пока не начинался. Всю ночь слышались окрики часовых и призывные возгласы пажей.

На другой день, когда на востоке засиял венец восходящего солнца, заиграли трубы.

Бургундцы представляли собою три огромных эскадрона, три леса копий двигались по зеленым лугам долины. Они шли такой многолюдной, такой густой массой, что ветер не мог пробить себе дороги, что хоругви-орифламмы, поднятые в центре, неподвижно висели на своих древках. Кони прекратили ржание, словно зачуяв беду.

В орлеанской армии было много пеших людей; они по английскому образцу вбили в землю перед фронтом острые колья. Таким образом, конница могла опереться на это наскоро воздвигнутое подобие редута и перестроиться под прикрытием его в случае неудачной атаки.

Из замка видно было, как священники служат мессу в обоих станах.

Мало-помалу разорвались белые пары утреннего тумана и очистили темную поверхность земли.

Королевская конница вышла из-за ограды. Перед фронтом скакал верхом сеньор, мелькавший, как живая искра, в своем доспехе, облитом солнечными лучами. Он часто останавливался, обращаясь с речью к солдатам. Вдруг его командный жезл взвился кверху. Стрелы пронизали воздух. В бургундских рядах один конь стал на дыбы. Эскадроны встрепенулись. Все смешалось в оглушительной свалке.

Долина приняла такой вид, как будто бы ее залило кипящею смолою. Копья вылетали из гремучей сени и обагряли кровью лицо земли. Повсюду звенели груды оружия, так шумно, словно их окачивали потоки каменного дождя. Стрелы носились густыми стремительными тучами и тонули в море касок. Медные волны захлестывали знамена; чудовищные звери гербов выпячивали когти, как бы принимая участие в грандиозной мертвой схватке двух толп, сверкавших на солнце металлической чешуей. То здесь, то там массу прорезали прямые борозды. Белые клубы дыма пробивались насквозь, колыхались в воздухе и расплывались в безмятежной лазури праздничного неба. И так продолжалось весь день.

В конце концов, бургундцам пришлось отступить в ложбину, где недавние дожди совершенно размыли почву. Лошади, надрываясь под тяжестью закованных всадников и собственных доспехов, увязли в грязи. И не могли сдвинуться с места. Фламандские стрелки, лишившись прикрытия, очень скоро были рассеяны королевской конницей. Чтобы остановить преследование, они переправились через реку, окаймлявшую село, и скрылись в лесной чаще.

Гасконцы, сбросив с себя панцири, обрушились на увязшую в грязи герцогскую конницу и принялись рубить топорами бургундских дворян. Затрубили рога, призывая на дележ добычи. Алая стая генуэзцев, вооружившись молотками, кинулась разбивать латы коней и сеньоров. Волочили людей по земле крючками рогатин. И тут же прикалывали, искусно протыкая кинжалы в рас-

щелины шлемов, из которых вырывалось невнятное хрипение, сулящее богатый выкуп.

Мао выехала в роскошном уборе полюбоваться работой своих феодалов. Аббат монастыря св. Элоа целовал ее руки. Они слезли оба с коней и подошли ближе. Трудно было ступать по этой почве, истоптанной лошадиными копытами, превращенной красными потоками крови в какую-то кашу, похожую на виноградные выжимки из-под пресса.

XV

По лесам, вступившим снова в пору зеленой зрелости, Торинелль шла перед графиней и заботливо убирала с дороги сучья, от которых могли пострадать парчовые башмаки. Сгорбившись, скрючившись, она часто семенила ногами под белою колоннадою березовых стволов и отрывистыми ударами своего длинного посоха сбивала высокую траву. Безобразным лягушкам она шептала нежные приветствия, и серые глаза ее не могли налюбоваться на вздувшиеся лягушечьи спинки.

Она повернула большой лежачий камень. Потревоженные тараканы, нисколько не смутившись, деловито поползли дальше, на место, предупредительно указанное посохом старухи.

Природа казалась настроенной на дружественный лад. Ветки ласково гладили щеки путницы. Листочки, позолоченные солнцем, кокетливо свешивались с ветвей. Два черных дрозда, как почетная свита, пели вслед гимны королевских жезлоносцев. Вокруг старухи лес превращался в родную семью.

Торинелль повернула плоский камень, заросший дерном. Выскользнула ящерица и почтительно поклонилась. Неопытному зверьку ответили несколькими благожелательными советами.

Эти приемы забавляли графиню. Опьяняющий аромат смолы и трав действовал на нее, как живительная влага. Ее существо освобождалось от страшного напряжения созерцательной жизни, оживало от прикосновения к внешнему миру. Она смеялась безо всякого повода, восхищаясь яркою зеленью прозрачных растительных тканей и струями света, обольстительно игравшего в прорезях листвы.

Теплый воздух ласкал своим дыханием как тонкая, бархатистая кожа. Черная почва мягко подавалась под ногами, как нежное тело супруга.

Мао думает: наконец-то вырвалась из тесной монашеской кельи к милому блеску природы, к ее безмятежным радостям.

Так легко ступала графиня по зеленому руну земли; так весело напевал ей на ухо старый знакомый — сильф, порхая в терновнике и вокруг полян, и в звонких ветках кустарника. Во влажном дыхании леса слышались непорочные, ароматные брачные песни сирени и боярышника; блестящий след поцелуя застыл на впалых венчиках лютиков и на лепестках пышных маргариток.

Торинелль повернула круглый камень; закопошились черви; старуха стала убеждать их преодолеть свою леность. Послушно внимая упрекам, они склонили свои убогие головки.

Сильф усилил свои ласки. Он обвевал Мао игривым ветерком, который забирался под широкие рукава и вздувал легкий газ покровов. Он проник в улыбающиеся уста и осторожно забился между свежими губами; он раздувал волосы, непокорно выбегавшие из-под высокого чепца.

Лес тянулся далеко-далеко: куда ни взглянешь, всюду выгибаются его прозрачные своды, и кружевным пологом раскинулась узорчатая листва. Радуж-

ными пятнами ложился свет на край дороги, пробиваясь сквозь прорези купола.

Торинелль, громко охая, отломала тяжелый кусок песчаника и повернула к солнцу его грань, почерневшую от земного пота. Ужи, встревоженные внезапно хлынувшим светом, стянули свои золотые кольца и торопливо поползли в темные притоны.

— Ох, ох, — говорила старуха, — бедненькие камни, как они исстрадались, ведь, сколько времени пришлось им лежать на одном боку!

И она с набожным видом повернула еще пять камней, лежавших кольцом один подле другого.

Мао рассмеялась и спросила старуху, какой демон одурманил ей голову. Торинелль отвечала совершенно серьезным тоном. Надо сердечно относиться к животным, к листьям, к камням, ко всем обиженным созданиям, которые страдают от алчной жестокости человека и бессовестной прожорливости хищных зверей. Разве не все в одинаковой степени имеют право на жизнь, на мирное наслаждение солнечным светом и свежим воздухом? Она знает по долгому опыту своей жизни, что их страдания, их радости, их желания гораздо ближе разумным существам, чем думает невежественная чернь. Да, она по собственному опыту знает известные места, где в известные ночи собираются безвредные животные, чтобы обсудить свои дела, как епископы на соборах, и рассуждают они не менее мудро. Они хранят в себе тайные силы, неодолимые чары, которые передаются людям в благодарность за оказанные услуги. Есть ли человек на свете, который способен преодолеть таинственное влияние миленькой, любезной жабы, крещеной, подобно христианину, одетой в зеленую тафту, подобно маленькому сеньору? Кто может устоять против нее? Разве что сам Князь Природы.

Чародейка вскрикнула. Все наставления великого знания внушают ужас к земным гадам, к проклятым чарам, которые обезображивают лицо мира, искажают предопределенную участь созданий. Это — бунт против основных принципов, преступный бунт, подлежащий суровому наказанию

— Ах! Графиня Мао, госпожа наша и владычица, вы говорите, как все великие мира сего, как говорят все гордецы, которые своей лучезарной силой обуздывают слепое зверство людей, умеряют бешеную страсть хищных инстинктов. Син благодатная светила вам, как своей избраннице, указывала вам путь к высшим наслаждениям творчества. Но есть смиренные создания: смиренные и робкие, настолько прикрытые грубой оболочкой, что лучи вашего милосердия не достигают страданий их обездоленной души.

Нет никого на свете, кто бы вознес их на высоту утешительных верований, поглощающих все непосредственные, все презренные желания. Высокомерный Андрогин не сумел бы овладеть их темным, бескрылым умом. Для них это смешной языческий идол, лишенный всякого значения; для них не раскрываются миры в его плодоносном чреве, в его золотом челе, в его рубиновых зрачках. В своей слепоте низшие создания непременно бы ударились о его жесткие железные руки. Она сама, Торинелль, за целую жизнь не смогла постичь знание.

Пока старая ворожея занималась философией, отстаивая права угнетенных, Мао думала о своем падении. Андрогин и для нее тоже стал пустой, ничего не говорящей, призрачной фигурой. Золото перестало кипеть в пробирках. Она утратила терпение и способность сосредоточиться — то, что безусловно необходимо для успеха опытов. Заботы об освобождении Горпа, победы над врагом поглотили всю ее мощь. Заранее предвидя неудачу, Мао даже не считала нужным по утрам подыматься в святилище. Режим очищения утомлял обессилевшие органы ее тела. Слишком податливо она склонялась к осязательным благам; и ей стыдно стало за радость, которую она испытывала, приобщаясь к празднику весны.

— Син великая, Син добрая, — продолжала старуха. — Она дала вам, графиня Мао, прекрасные минуты. Но у нее двойное лицо. Для низших созданий она — Геката, кроткое ночное божество, заволакивающее тучами и ветвями свой лик, чтобы никого не ослепить. Когда она появляется на небе, сверкающем золотыми блестками, наступает праздник для бедных созданий. Тогда мир, наш старый мир сбрасывает свою личину и переворачивается на другой бок. Все оборачивается наизнанку: звери говорят, листья ведут беседу, жабы и гады превращаются в блестящих сеньоров. Старый мир становится молодым и прекрасным для робких полуночников. Все препоны падают, все любящие получают удовлетворение, все голодные насыщаются. Геката ласково светит в гуще ветвей, и ей приносят в жертву неумолимых охотников, хищных собак и соколов.

Они спустились к местечку. У порога хижин мужики сколачивали новую обстановку. Удары кузнечных молотов звонко стучали в чистом воздухе.

Далеко, на фоне голубого неба, обрисовывались стены Горпа, усеянные фигурами каменщиков. Знамя с белыми единорогами развевалось в пространстве, над горбатым телом Флао, вздернутым на виселицу в двадцать пять футов высотою. Вокруг носились вороны; с хриплым, протяжным карканьем они клевали труп и улетали в свои гнезда, приютившиеся в амбразуре бойниц.

Дама и служанка вошли к Кабюилам; это была самая богатая семья: ее глава собирал поземельную подать с других крепостных.

Свет, падавший из очага, освещал пять постелей, стоявших в единственной комнате дома, темной и низкой; трещал огонь, и взапуски трещали прялки, за которыми сидели девять прядильщиц в выцветших чепчиках. Крестьянки испуганно вскочили при появлении графини. Мао успокоила их ласковым жестом и села в кресло топорной работы, которое уступил ей дед, седой старец, согнувшийся под тяжестью лет.

Все хранили почтительное молчание. Взрослые девушки удивленно таращили глаза, выливавшиеся из орбит, словно жидкость в чаше, наполненной до краев. Понемножку они стали улыбаться и подталкивать друг дружку в темных уголках. Мао делала вид, что не замечает, как они давятся, с трудом сдерживая смех.

Торинелль, семеня ногами, подошла к девушкам; они заговорили со старухой ласковыми, нежными и жалобными голосами.

В то же время дед заплетающимся языком пробормотал несколько поздра-

вительных слов по поводу снятия осады и доблестных подвигов госпожи. И сейчас же перешел к жалобам. Если бы они не закопали кое-какие денежки в надежном местечке, до которого не добрались бургундцы, разгром страны довел бы их до голодной смерти. Другие поселяне, ничего своевременно не отложившие про запас, теперь бродят нищими по лесам. Они питаются исключительно дичью; благодарение небу хоть за то, что сейчас, по милости доброй госпожи, позволяют охотиться. Время войны — время бедствий. Девять дочерей и невесток очень недурно шьют тонкие сорочки для городских мещанок; а одиннадцать парней по окончании битвы ушли из дома, вооружившись луками и топорами, с тем, чтобы настигнуть обоз беглецов и поживиться добычей. Что ж делать? Из чего печь хлеб, когда нет муки? Все поля до осени пролежат под паром и выгоном. Из чего варить пиво, когда посадки хмеля истреблены и потоптаны конницей?

В глубине комнаты, где тускло-зеленый свет падал из круглых стекол, вставленных в свинцовую сетку, молодые женщины столпились вокруг Торинелль и с напряженным вниманием вслушивались в ее благоразумные наставления. Их юные лица ярче горели, чем стенки оловянных сосудов, висевших на полках. Одна из женщин склонила над колыбелями грудных младенцев свою кофточку, туго облегавшую ее полную материнскую грудь. В углу копошились дети, играя песком и деревянным оружием. Они подняли шум, и дед ударил палкой в хлебный ларь, чтобы водворить тишину.

Ах! плодовитые женщины — это истинное горе для бедняков! Надо выкормить детей, научить их работать, повиноваться сеньору, бояться Бога, и все для того, чтобы потом видеть, как они гибнут на войне, подвергаются бесчестию от солдат, изнемогают под тяжестью поземельной подати, десятины и барщины и попадают в петлю при малейшей провинности!

Мао советовала потерпеть: нет сомнения, что дела поправятся. Торинелль открыла дверь и спасла графиню от надоедливых просьб.

Они пошли по главной улице; встречные почтительно кланялись госпоже и прислужнице; старуха многозначительно подмигивала им, и они понимали, в чем дело, словно ее жизнь была связана какою-то глубокой тайной с жизнью этих людей.

Так они подошли к речному скату и полям. На рубеже одного склона лес внезапно обрывался и заворачивал в сторону Пикардии. Необъятным кругом раскинулась зеленая равнина до самых пределов небесного купола. Со всех сторон, как легендарные великаны, махали руками ветряные мельницы. Дело в том, что партия зерна, захваченная накануне у брабантских купцов, была распределена между мельниками феода.

На небольшом возвышении при дороге вертелись крылья мельницы, поставлявшей муку в замок. Мао заинтересовалась двумя конями, которые щипали траву около двери. По щитам, прикрепленным к седлам, было видно, что лошади принадлежат сеньорам; графиня узнала гербы Корбегема и Чигалы.

Она обрадовалась случаю встретить своих феодалов, с которыми была связана дружескими отношениями; кроме того, любопытно было узнать, какие дела занесли их в такое место; она поднялась по мосткам, соединявшим вход

с землею. И к великому изумлению графини перед ней открылась такая картина: Корбегем навалился на мучной ларь, а под рыцарем — мельничиха, с раскрасневшимся лицом, охает и стонет, и тут же, за занавесками Чигала бьется с племянницей. Тяжеловесный, запыхавшийся сир имел такой смешной вид в этом игривом положении, что Мао не могла сдержаться и разразилась хохотом. Но лучше всего было то, что произошло, когда пылкие рыцари, застигнутые на месте преступления, стали приводиться в порядок: лишь только мельничиха, невероятно переконфуженная, поднялась с ларя, изнутри выскочил ее муж, весь перепачканный белой мукой, и стал метаться по комнате, исступленно ругаясь.

Ох! В какой восторг привел их гнев рогатого мужа, этого смешного мужика, который бешено махал руками, разбрасывая белую пыль. Сама мельничиха, поправляя на себе корсаж и кофточку, невольно смеялась сквозь притворные слезы в те моменты, когда муж поворачивался к ней спиной. И молодая племянница тоже смеялась. А благородные шалуны смеялись, не переставая, все время, пока скакали в замок, везя на своих лошадях Мао и Торинелль.

XVI

Весна безостановочно терзала чародейку адской пыткой. Она хотела размышлять о чудесных свойствах Андрогина, а солнечные лучи, пробиваясь сквозь занавески, подвергали ее тяжкому искушению, возбуждали непреодолимое желание упиться светлым простором, вольно скакать по равнине, в чаще сияющих дубрав. Она хотела совершить обряд омовения, а вода, стекая по телу, нежно окутывала ее сладострастными ласками, и душой овладевали нечистые мечты о других, настоящих объятиях. Поднявшись на самую высокую из башен, она подставляла свое тело, ничем не защищенное, под суровый натиск ветра, а в это время Лилиали страстно напевал в ушные раковины томные гимны морского прибоя. Сильф игриво развевал ее густые волосы и дул на дрожащую кожу. Мао запиралась в святилище и готовилась к церемониям, а мистические цветы дышали вожделением, гирлянды, качаясь, подносили к пылающим устам жемчужные капли свежей росы; а листья шептали о лесах, о резвых зверьках, о брачном торжестве, охватывающем весь цветущий мир возрождающейся природы.

Мао приходила в отчаяние. За какую вину, за какие страшные грехи несет она возмездие? С помощью таких же соблазнов в древние времена демон Пуэлла, явившись в образе прекрасной девушки, обольстил царя Птоломея и умчал его на крупе своего черного коня; и египетский народ навсегда потерял своего правителя.

Тем не менее, Мао не могла избавиться от обязанности помогать своим вассалам. Подданные Марейля умертвили епископа и причетников своей церкви. Бургундцы напали врасплох на замок Корбегема, ограбили его и сожгли. Крепостные, одичавшие от голода и солдатских насилий, покинули поля и занимались истреблением лесной дичи. Надо было женить Оризеля на Леноре, у которой живот вздулся до неприличных размеров. Чигала забросил семена своего рода в тело Лоизы. Сиру Корбегему, в утешение за постигшие его несчастья, Мао предложила поместья и руку сиротки Изабо. Три свадьбы готовились к святому дню Пятидесятницы.

Невыносимо тяжело было кормить в разоренной стране такое множество воинов, а между тем, нельзя было оставить Горп без охраны: ведь неприятель может вернуться. Гасконцы примкнули к орлеанской армии, обложившей, с карательной целью, замок Марейля. Эльвен весь ушел в различные выкладки; он жил исключительно щелканьем разноцветных шариков, скользивших на счетах по медным прутикам. По большим дорогам угрожающе бродили бургундские шайки, так что невозможно было провести обоз с провиантом, купленным в далеких странах. Шотландцы усвоили привычку сопровождать монахов при сборе десятины и расхищать после их ухода скромные запасы земледельцев. Крестьяне беспрестанно странствовали к главной башне, требуя суда. Жалобы доходили даже до владетельного аббата, и тот посылал к Мао своих дьяконов с предостережениями.

Измученная этим непрерывным рядом несчастий, графиня решила запереться в своей башне. Там Марейль читал вслух длинные рыцарские романы о феях, которые освобождают богатырей и принцесс, невзирая на драконов, притаившихся в страшных пещерах, невзирая на удары молний и грозные бури. В это время нежные невесты примеряли свои венчальные наряды и вышивали узоры к светлому дню своей жизни. Корбегем, необыкновенно представительный в своей малиновой куртке, рассказывал про славные битвы на полях Арагонии, подымал на воздух товарищей своими могучими руками или же перекидывал камни через стены; потом снова приходил любезничать со своей кроткой белокурой сироткой, которая всегда была весела, чуточку побаивалась, но в то же время гордилась тем, что ей удалось покорить сердце достойного соперника легендарного Геракла.

Мак-Грегор и Чигала приходили в бешенство от сознания, что сами они не могут прочесть ни одной строчки героических рассказов. Когда чтец оставлял рукописи, украшенные цветными рисунками, они разглядывали картинки, чтобы угадать, чем кончатся приключения. Вечером они пересказывали прочитанное своим солдатам, и те слушали с величайшим вниманием. Полководцы гордились тем, что они приводят в трепет своих людей и возбуждают в них любознательность.

Между тем, графиня заметила, что чтение вызывает во всех драгоценный подъем духа. Она стала появляться на солдатских вечеринках. Важным голосом, как подобает заклинательнице, она разъясняла смысл чудесных сказаний. Этвин пел своим землякам изречения древних оракулов; они не искали в этих словах какой-нибудь сокровенной мысли, а просто вспоминали рев морских волн, бьющихся об утесы Шотландии, и жуткую тишину озер, отражающих пасмурное небо. Потом чародейка заводила речь о необыкновенных подвигах героев и заражала солдат своим энтузиазмом, доказывая им, что люди должны вырваться из оков природы, добиться господства над стихиями и страстями, подняться выше низменных забав и гибельных наслаждений во имя высшего честолюбия, которое закаляет душу, вводит ее в ряды творческих сил.

Для того, чтобы производить более сильное впечатление, графиня одевалась в самые красивые платья, выбирала самые яркие камни, самые блестящие из алмазных диадем.

И солдаты наивно утверждали, что лицо чародейки сияет, как луна. А генуэзцы находили в ней сходство с мадоннами итальянских соборов, которые сверкают драгоценными украшениями, яркими красками и окутаны чудным ароматом.

И никому не хотелось покинуть склепы, построенные в толще куртин. Часто случалось, что, опьянев от восторга, возбужденного звездным сиянием, которое исходило от чародейки, они представляли кровавые битвы, описанные в героических рассказах. Звонко стучали во мраке палаши, борцы наносили друг другу жестокие удары, но, желая доказать свою отвагу, они не прикрывались щитами. При первой капле крови генуэзцы и шотландцы братски смешивались между собой в общей схватке. И никто не мог водворить мира, кроме заклинательницы: они прекращали борьбу, заслышав ее властный голос, декла-

мировавший новую строфу какой-нибудь поэмы.

Это доставляло графине невыразимое удовольствие.

От радости сердце било в набат, чуть не разрывалось на части. И в один прекрасный день она почувствовала, что отделяется от земли, уносится вверх вместе с волнами тока, который она впитала в себя и сжимала в своей груди. Она сама всем своим существом обращалась в бесплотный дух. Она распускалась, как ткань, сливаясь с опьяняющими струями сожженных курений. Бедра ее и руки свивались в кольца, подобно клубам дыма. Ее затопило потом. Она крикнула, что сейчас исчезнет. И чудо свершилось у всех на глазах. Мао парила в воздухе, взлетев на половину расстояния между полом и потолком. Марейль изо всех сил рассекал мечом воздух у нее под ногами, чтобы зарубить демона, которого он считал виновником этого происшествия. Она знаками показывала зрителям, что они заблуждаются. Все тело ее трепетало от безграничного блаженства. Потом она упала замертво. Служанки вынесли ее из комнаты.

Все произошло от того, что Мао закидывала взгляды для улова людей, как рыбак закидывает сети для улова рыбы. И скоро стала замечать, что люди, подчиняясь могучим чарам, неудержимо тянутся за нею. Она влекла, как на привязи, за своим исступленным сердцем их тела вместе с душами. И ей чудилось временами, что все эти души бурно устремляются к ее сердцу, дрожат у нее в груди и трепетом своим рождают гармоничные созвучия ликующего гимна-осанны. Мао не в силах была сдержать мощного натиска восторженных порывов, душа наполнялась свыше меры, и чародейка отрывалась от земли. Она парила в воздухе, постепенно ослабевая; и дивные созвучия все время лились со струн ее нервного аппарата.

Но когда, вся замирая, орошенная слезами счастья, она возвращалась в человеческую оболочку, ее охватывала обычная грусть; она ясно видела, что летит в пропасть. Как бы ни были величественны вдохновенные минуты этого таинства, в нем не было всеобъемлющей полноты магических обрядов. Разум не обогащался знанием, воля не обогащалась силами. Не оставалось никаких плодов: одно лишь жалкое удовлетворение самого обыкновенного, доступного всякому тщеславия; и это — вместо гордого величия чародейки, которая сознает, что она постигла Причины и Ритмы, и, замкнувшись сама в себе, живет бесконечно высоко над бессознательными мирами. А теперь обостряются одни только чувства; наслаждается одна только плоть; и ее наслаждения гораздо грубее наслаждений гордого духа. Здесь можно точно указать, в какой именно части организма скопляется сила; а в таинствах великого Творчества все тело становилось центром, точкой пересечения звездных кругов, раскинувшихся во всю ширь безмерного небесного простора.

Мао вскоре призналась Торинелль, что эти припадки исступления вызываются похотливыми желаниями. Когда в воздухе растекается запах крови вместе с отзвуками боевого гула и острыми испарениями мужского пота, когда она видит лица мужчин, обросшие острой щетиной, озаренные сиянием, облагороженные прекрасным гневом, в ней пробуждается половое томление. И картины зверского разгула терзают ее чувства, терзают до безумия. Ее волне-

ние есть не что иное, как волнение страстных объятий, ее судороги, конвульсивные рыдания, замирания — это все безвольное падение под напором торжествующей страсти. Она переживает реально призрачный натиск этих людей и позорно упивается наслаждением.

Мао просила знахарку приготовить какой-нибудь эликсир, который затушил бы проклятое пламя, сжигающее ее вдовью жизнь.

Старуха покачала отрицательно головой. Недоверчивым взглядом она окинула ряды склянок, громоздившиеся по стенам ее лаборатории, пучки душистых трав и внутренности животных, которые плавали в жидких составах, наполнявших банки. Что могут дать ее искусство и ее снадобья страждущей душе благородной графини? Ее противоядия помогают против телесной боли и против страданий простых душ, тесно связанных с телесной оболочкой, но их целебная сила совершенно исчезает, столкнувшись с творческим разумом, который вечно страждет от непрестанных родовых мук. Природу может победить только природа. Против этой болезни не существует никакого лекарства, кроме старческого истощения и утоления. Если бы гений согласился унизиться до того, чтобы удовлетворить ее желание, истомить ее плоть, истерзать мучительной пыткой сладострастной оргии, графиня сразу бы излечилась. А иначе никакие травы, никакие мази не могут хотя бы на время приостановить ее мучения. Графиня оглядывала погреб в смутной надежде на то, что, быть может, ей удастся открыть какое-нибудь редкостное, чудодейственное средство, упущенное дряблой памятью старухи. Под низкими сводами подземелья висели ласки и куницы, высохшие скелеты ящериц и птиц; толченым пеплом этих костей можно загасить лихорадочный жар и проказу. Жалкие, сморщенные человеческие зародыши, за плотными стенками сосудов, грезили о райском венце. Жирные зеленые лягушки прыгали по листьям ненюфара и барахтались в грязной воде, налитой в кадки. Решето, пронизанное сотнями дырок, зорко наблюдало за порядком и чистотой в таинственном царстве старой знахарки. Вот и все.

Предложение Торинелль первоначально показалось заслуживающим величайшего презрения. Но что, если найдено средство, которое даст скорое облегчение? Если этим способом можно избавиться? И от одной мысли графиня почувствовала такой стыд, что залилась слезами.

— Ах, — бормотала старуха, — он мстит, Князь Природы, за свои былые унижения, за то, что так долго над ним высокомерно издевались. И вот теперь он искушает гордую добродетель, которая раньше попирала ногами самых надменных.

Кто-то постучался в наружную дверь.

— Смиренные являются ко мне. Пришел час мрака.

И Торинелль попросила графиню сесть за занавеской, чтобы не смущать боязливых слуг вечерней тьмы.

Потом она открыла подземный ход, ведущий на дно оврага. В рамке дверного отверстия обрисовался кусок облачного неба зеленоватого тона. Какая-то фигура крадучись проскользнула к мерцающему огоньку лампы; и клочок неба скрылся за захлопнувшейся дверью.

Гостья сбросила с себя длинную накидку и заговорила чуть слышным голосом. Это, несомненно, мельничиха с графской мельницы. С того дня, как сеньоры изнасиловали ее вместе с племянницей, муж нещадно бьет их обеих с вечерней зари вплоть до утренней. Бедняжка чуть не умирает от страшного кашля, который она схватила в один дождливый вечер, убежав в поле, чтобы спастись от побоев. Самой же мельничихе попало палкой в грудь, и теперь у нее растет злокачественная опухоль.

Торинелль шепотом подавала советы. Пусть опечаленная супруга приходит сюда каждый вечер; ее не оставят без помощи. Пусть она обещает явиться в ночь с пятницы на субботу — куда, она сама прекрасно знает; и там получит от Него зелье, которое усыпит взбешенного супруга, и, пока мельник будет спать, женщины получат возможность передохнуть. Но только там обязательно надо представить несчастную племянницу. Почему ее до сих пор еще не привели?

Женщина отвечала, что ей боязно. И, кроме того, она не знает, как попасть в нужное место.

— Я вам подарю такую мазь, вы натрете себе виски, ноздри, ноги, кисти рук. В желанный час Он придет сам или пришлет своего посланника, и вы чудесным образом перенесетесь по воздуху до самого места.

И старуха бормотала без конца разные славословия. Потом она обнажила больную грудь, испещренную багровыми кровоподтеками, омыла ее водой Сатурна и смазала лечебным салом; и опять стала утешать несчастную женщину, соблазнительно расписывая, какие чудные удовольствия ей предстоит испытать в будущую пятницу на ночном празднестве.

Долго болтали женщины. Наконец, мельничиха удалилась.

Немного погодя, вошли четыре дочери Кабюила; с места в карьер они начали перекидываться непристойными шуточками и горькими взаимными попреками. Дело неизбежно выплывет на свет Божий, хотя они и перетягивают талию так, что чуть живот не лопается. Рано или поздно, по доносу какого-нибудь монаха, их за кровосмешение отлучат от церкви, и придется пережить целые годы невыносимых мучений в каменном мешке при аббатстве. Пусть же Торинелль немедленно приступит к их освобождению.

Подобрав платья, беременные девушки обнажили свои вздувшиеся животы, переглянулись между собой и расхохотались прерывистым смехом, словно распутные твари. Потом, со слезами на глазах, они признались, что любили чисто, искренней любовью парней из своей деревни, которых знают с детских лет. Не обольщаясь надеждой когда бы то ни было сочетаться с ними законным браком, они собирались на всю жизнь остаться девами. Но вот случился грех. По-видимому, это произошло на Рождество, во время осады. После одного сражения их двоюродные братья пробрались в пьяном виде через спящий лагерь в постели девушек; и они не могли защититься, их застигли в момент самого крепкого сна, и как раз те, кого они любили. Ах! пусть достанется Дьяволу плод этой любви!

Торинелль клятвенно обещала оказать содействие. Пусть только они придут туда в ночь с пятницы на субботу и приведут своих возлюбленных. Там их опутают. И тогда она своей опытной рукой сумеет поправить беду.

Старуха распрощалась с девушками.

— Ах! ах! Он разошелся, Князь Природы, и, точно крапива в канавах, растет у женщин во чреве детвора, обрекая матерей на голод и мучения. О! — философствует старуха, — не дьявольские ли козни виной тому, что подданные Горпа, заключая брачные союзы, словно умышленно, никогда не выходили за черту трех первоначальных семей? В результате мало-помалу все три слились в одну, все крестьяне оказались друг другу братьями и сестрами в такой степени родства, при которой церковь запрещает браки, и теперь в деревне ни один человек не может полюбить, не совершая греха. Какой колдун раздал соседние села фландрам и бургундцам, чтобы между соседями вечно кипела вражда на почве военных столкновений, чтобы они постоянно питали друг к другу ненависть за ежегодные набеги, за грабежи и насилия, чтобы девушки не могли там выбирать себе возлюбленных, а парни — невест? А ведь юная кровь бурлит. В один прекрасный день у девчонок начинает расти брюшко — должно быть, от Святого Духа. Отец Эльвен и аббат не дают разрешения на брак, боясь преступить канонические правила. А бедный мир грешит и несет кары, стонет без передышки и страстно ждет избавителя.

О! славная госпожа, никто не даст избавления, кроме самого Князя Природы; он запутал узел, он один только может и распутать.

Старуха бегает взад и вперед в необыкновенном волнении.

Вдруг у нее покраснели скулы. Лягушки взболтали воду, наверное, зародыши перевернулись в банках. А решето еще пристальнее глядит своими пустыми зрачками.

— Гу-гу-гу, — гудит старуха, втягивая внутрь свои иссохшие, как пергамент, щеки, — Князь Природы, славная госпожа... если вам угодно послушать о его происхождении... Князь Природы не совсем чуждое лицо для вашего просвещенного ума. Это он, обольстив Аттию, мать Августа, отпечатал изображение змея у нее на животе. Это тот самый бог с телячьей головой, в честь которого аммониты сжигали маленьких детей. Это хромой царь с островов неверных, который раздувает половую страсть в девушках-детоубийцах.

Жидкости кипели в котлах, и взволнованная старуха кидала туда мемфийские камни и абортивные травы.

Она выворачивает воздетые кверху руки.

— Эта штучка избавит наших девочек от монастырской тюрьмы... Была еще Астарот, в честь которой царь Соломон построил храм, в угоду своим наложницам.

Мао безмолвно озирается кругом и слушает, как шуршат засохшие птицы и панцири гадов, сталкиваясь между собой у потолка, словно под натиском невидимой бури; и размышляет.

Никогда до сих пор перед ней не открывался этот материализованный лик Ритмов, это непосредственное, чувственное значение бесплотных символов.

Оказывается, людям приносит горе и вечное, периодическое плодородие двуединства, и равновесие творческих начал. Убивать зародыши, уничтожать преемственную смену страждущих поколений! Но ведь тогда весь мир совершенно исказится!

Весь мир изменит свой облик: все ведь связано в единую цепь, все учитывается. Малейшее изменение сбивает с пути полет Ритмов, отклоняет в сторону колебания их волн.

Не стать ли этой разрушительной силой, не стать ли Асмодеем, который бросает вызов Создателю, губит вселенную своей когтистой лапой, одним властным и смертоносным мановением руки? Она мечтала быть сопричастницей Ритмов, потопить свою душу в их сущности. Не лучше ли стать Силой Мятежа, которой, быть может, достанется победа? Она мечтала плыть по вечным волнам эфира. Не лучше ли вознестись выше Бесконечного, стать роковой, лучезарной Волей, порождающей собственные волны?

— Толед! Толед, Лилит, — ворчит старуха, присев над грудою старых костей, а у нее на голове — тощий черный кот пристально всматривается в навес водянисто-зелеными глазами.

— Астарта, Молох, Белиал, — произнесла Мао, — вы были первые духи Мятежа, первые силы, восставшие против Тетраграммы. Великие народы длинной вереницей вышли из глубины ваших алтарей; великие народы, плававшие по морям до краев света, создавшие искусства и все, что есть роскошного на земле.

Черный петух бешено скребется в золе очага.

— Ах! горе, — вздыхает чародейка скорбно и утомленно, — горе бедному телу, пылающему в огне вожделения.

— Семеро, их семеро, — бормочет старуха. — Семеро в моей житнице, они так и не выучились говорить, я их воспитала для великой Любовницы. За три пятилетия потускнела их тонкая кожица, затенились пушком их мраморные щечки. У них сильные руки, их уста жгут, как сок белены. Мао, графиня Мао, у меня семь прекрасных сыновей в зеленой одежде!

XVII

На берегу синеватой веселенькой речки многоголовое стадо скота сгущало утренний туман своим дыханием, которое серым облаком застаивалось над бесчисленными спинами мычащих и блеющих животных. Вот уже несколько часов купеческий староста торгуется со сборщиком дорожных пошлин на краю моста, наглухо запертого заставой.

У подножья высокого моста, увенчанного геральдическим щитом с белыми единорогами, стояли шесть часовых; они грозили лезвиями рогатин самым дерзким из проводников, делавшим вид, что не могут совладать с нетерпением животных.

Всякий раз, как купцы соглашались уплатить требуемую сумму, сборщик набавлял еще, под каким-нибудь вздорным предлогом. Мало-помалу лица горожан стали наливаться злобой, они взволнованно хватались за рукоятки мечей, выглядывавшие из-под пышных плащей, подбитых мехом.

— Так или иначе, а мы пройдем; если не по праву, так силой, — воскликнул самый худощавый из торговцев. — Напрасно надеешься, мошенник, своей шестеркой негодяев с железными гребешками застращать порядочных людей!

— Эй, господа, вы не смеете оскорблять благородное знамя Горпа!

Горожанин смягчил тон и возобновил переговоры. Но сборщик решительно заявил, что ни в коем случае он не пропустит больших повозок, которые едут за стадом, не узнав, чем они нагружены.

— Десять дюжин распутных девок по приказу Его Высокопреподобия архиепископа Кентерберийского мы везем в монастырь святой Гудулы, чтобы они церковным покаянием искупили свою многогрешную жизнь.

Сборщик расхохотался, часовые тоже; они ни за что не хотели поверить. Никогда в жизни не случалось видеть купцов с подобным товаром.

— Еще бы! А нам жирно заплатили за провоз и подводы.

И худощавый господин стал острить, желая задобрить ревностного слугу Горпа.

От шуток перешли к колкостям, от колкостей — к грубой брани; в конце концов дело приняло настолько серьезный оборот, что купец затрубил в рог, и на зов прибежали десять холопов, вооруженных луками и секирами. В ответ на новое оскорбление купец обнажил меч и замахнулся на сборщика, но тот проворно перепрыгнул через заставу и закричал: «На выручку Горпа и Врагена!»

И в тот же миг из рощицы и соседнего березняка выскочила кучка генуэзцев и шотландцев; они учинили немилосердную расправу — изрубили челядь и забрали скот.

Тогда из засады, словно грозные привидения, вылетели графиня и Марейль, оба на конях.

При виде их горожане остолбенели от ужаса в том виде, как стояли — с обнаженными мечами в руках; их привели перед лицо владычицы, и она, ни

слова не говоря, указала жестом на сучья бука, свисавшие достаточно низко.

С веревкой вокруг шеи купцы упали на колени, умоляли, предлагали уплатить выкуп.

Наконец, Марейль согласился их отпустить под условием, чтобы они, в виде штрафа, оставили весь обоз. Они подписали пергамент и в знак признательности поцеловали полы платья у графини. Их посадили в какую-то дрянную лодку, и скоро они скрылись в излучинах синеватой и веселенькой речки.

Тогда Марейль, графиня, сборщик и все солдаты разразились дружным хохотом, от которого задрожали животные и разлетелись птицы. Проезжая полями, Марейль узнал, что заморские купцы должны высадиться в устье Соммы, и нарочно подстроил им ловушку.

Веселье еще более возросло, когда появились генуэзцы, бежавшие за стадом перепуганных девушек, которые неслись вскачь на своих тонких ножках, в малиновых чулках и коротких желтых юбках. У них были коротко остриженные светлые волосы и необыкновенно белая кожа; сквозь прорехи изорванных кофточек выступали острые кончики грудей.

Шотландцы обратились к ним с расспросами. Некоторые из девушек понимали их язык. Шотландцы быстро столковались и после недолгой брачной песни увлекли девушек в ближайший лесок

Между тем, на поляне уже визжали в предсмертной агонии задушенные птицы. Зажглись костры. Солдаты развешали каски на сучьях. В чаши потекло вино, отобранное у купцов. Девки затянули песни дребезжащими голосами; они были очень довольны, что избавились от монастырского заточения. И начался пир горой.

Когда Мао покидала солдат, у нее в душе как будто шевельнулось сожаление, что она не принадлежит к числу этих девок, занимающихся позорным ремеслом: они могут, не испытывая отвращения, следовать влечениям природы. Марейль, должно быть, угадал ее мечты. Говоря о том, как легко достается радость солдатам, он высказал мнение, что лишь они, хоть иногда, знают, что такое счастье. Он прославлял упоение победы, бешеную страсть солдата, который бросается на благородных дам в лужах крови, который держит в своих руках жизнь и смерть богачей и сеньоров, который властвует, озаренный царственным блеском пылающих пожаров.

Несмотря на небрежность его тона, чувствовалось, что в глубине его души горит искреннее воодушевление. У него отвязалась лента на шляпе и красной змейкой развевалась в воздухе.

Совершенно неожиданно Мао почувствовала влечение к этому мужчине, который немного ломался, но в то же время подкупал своими изящной внешностью и красивыми манерами. Стройная талия, затянутая в панцирь, разукрашенный цветными узорами, гармонично сочеталась с красивыми словами, с пальцами, нежно перебиравшими струны гитары, с речами, то глубокомысленными, то игривыми. А его маленькая слабость наставительным тоном рассуждать о тактических вопросах, — он пользовался в этой области некоторым авторитетом — давала возможность слушателю отдаться посторонним мыслям, пока он тянул свои нескончаемые речи. Марейль уже сел на своего лю-

бимого конька и блуждал в лабиринте разных планов, куртин, засад, ночных атак, параллелей и бастид. И, для пояснения своих слов, он водил в воздухе подвижной рукой, спрятанной в обшлаге рукава до самых пальцев.

Он так увлекся разговором, что не сразу заставили его умолкнуть приветственные возгласы крестьян, получивших захваченный скот, с оповещением, что все это жертвуется в пользу крепостных Горпа, по шести голов на каждого земледельца.

Мужики устремились навстречу своей госпоже. Седые старики плакали от радости. Никогда еще местечко не видало у себя таких богатств. Парни, отправившиеся в погоню за бургундцами, захватили тридцать возов хлеба, брошенных герцогскими людьми; теперь будет чем прокормиться до ближайшей жатвы.

Марейль, как вежливый кавалер, объявил толпе, что честь захвата принадлежит графине; он думал доставить ей удовольствие зрелищем народной признательности.

Графиня очень мило отблагодарила за любезность. Она протянула обе руки к почтительно приникшим устам вассала. И, как видно, совсем не спешила их убрать. Напротив того, она прижалась руками к его щеке, подернутой колючими остатками сбритой бороды.

Краска залила душистое и вылощенное лицо сеньора, осененное светлыми кудрями, в которых местами уже серебрилась седина.

Марейль до вечера не отходил от графини и был неистощим в ухаживаниях.

Мао невольно улыбалась, глядя, как он, во что бы то ни стало, старается принять юношеский вид. Рыцарь приближался к ней, слегка задевал, он был совершенно очарован ее благосклонностью. Он неожиданно куда-то исчез и вернулся в новом костюме — с длинными рукавами из голубого сатина и вышивками, изображавшими деток, которые, забравшись в ореховые скорлупки, пускают мыльные пузыри. Следом за ним повсюду тянулась душистая струя.

Они сидели вдвоем, облокотившись на перила, и глядели в поле, обагренное заходящим солнцем. Графиня беспокойно томилась, не могла дождаться блаженного мига, который должен сейчас прийти, но почему-то медлит.

А в это время в местечке и на площади, куда с наступлением ясных дней перебрались войска, царило безумное веселье.

Ветер затих, погрузившись в море расплавленного золота, затопившее вечерний горизонт. Оранжевый свет заливал скачущих блудниц, их развевающиеся красные юбки и бубны, протянутые к небу их безумными руками, и полные груди, на которых яркими красками сверкали пестрые корсажи. Сцепившись хороводом, спина к спине, они плясали вокруг трубача Гримальди, справляя тризну на могиле Небесного Светила, которое погружалось в пурпуровые груды туч. На башенках трубили рожки, возвещая, что смерть приблизилась еще на один день.

Уже мрак, колыхаясь волнами, боролся с тусклым сумеречным светом, и под сенью наступающей ночи певучей вереницей, с ветками в руках, всходили на холм парни и девушки, помолвленные между собою. Вдруг прозвучал

сигнал, шотландцы зажгли факелы, и сотни огней вспыхнули разом на концах пик, смешавшись с ярким сонмом рождающихся звезд. Трубы заиграли марш, и двинулось триумфальное шествие вслед за распущенными знаменами. Впереди выступали блудницы, ударяя в бубны, за ними солдаты и крестьяне, шествие проходило у подножья террасы. Из толпы неслись боевые возгласы и праздничные пожелания — в благодарность за обильную утреннюю поживу.

Вот звуки песен и огни факелов уже тихо угасают на дне оврагов. Син струит серебряное сияние на каменные плиты террасы, на откосы стен, на гибкие стебли плюща, обвивающие пилястры, на зыбкие кустики жимолости, ласкающие задумчивое лицо графини.

В эту жгучую ночь, подымаясь из долины, охватывало душу Мао неизъяснимое влечение к людям и вещам, она задыхалась вместе с природой. Лихорадочно стучало сердце, и бурлила кровь. В груди судорожно бились несчетные желания. Это возрождается песнь торжествующей страсти, песнь, которую она так безжалостно заглушала.

Народ поверяет госпоже свою радость, выражает свою признательность. Она сжимала всю толпу в своих объятиях. Ее тело поглотило все тела, ее воля впитала в себя все воли. Она простерла руки к серебряному лику луны, подняла к небу умоляющий взор, и на лицо упал глазурный отблеск дружественного светила. Завороженная томным голосом Марейля, который объяснялся в любви, декламируя высокопарные строфы, она прильнула к парчовым рукавам сеньора, к мягкому бархату его корсажа, и покорно приняла его сладкий поцелуй. Но любовник действовал слишком нерешительно, его связывало положение вассала; Мао сама порывисто сбросила с себя муаровые ткани и протянула навстречу лучам божественной Син дивное изваяние, слитое из лона ее, белой слоновой кости, и персей с острыми вершинами, нежными, как мальвы цвет.

Но напрасно раскрыла она роскошные тайны своей красоты перед взором увядающего мужа.

Опьянев от бешенства, сир бросился бежать, призывая нечистых духов. Падшая чародейка разливалась горькими слезами под неумолимыми лучами таинственного сияния, и слышно было, как отдавался на площади, постепенно замирая во мраке ночном, топот коня, на котором мчался осквернитель.

XVIII

От увещаний Торинелль графиня отделывалась отрицательным жестом или безучастной гримасой.

Она садилась в лаборатории и несколько минут делала вид, будто следит с интересом за старательно выполняемыми манипуляциями старухи. Зловонные жирные вещества кипятились на дне горшков. Задумчивый черный кот мешал жидкость, ловко поворачивая палку своими бархатными лапками.

Торинелль крошила золу и напевала:

Гар-р, Гар-р,
Жарьте, жарьте
В жирных сливках
Малых деток,
Неповинных,
Некрещеных.
Снимет пенки черный кот,
Мое зелие несет
Избавленье от забот.
  Девушки голые,
  Груди тяжелые,
  Скачут верхом.
  Звери рогатые,
  Медведи косматые,
  Козлы бородатые,
  Веники лохматые.

Над горшком склонились розовые скулы, изборожденные бледными морщинами. Без устали болтая, старуха расписывала благотворные свойства зелья, которое должно на целую ночь избавить Смиренных от привычных горестей.

— Влюбленные девушки могут беспрепятственно вознаградить избранников своих обездоленных сердечек. Славное зелье бесплодной любви, любви полной и безопасной! Она обойдется без выкидышей. Сам Князь Природы явится туда, он будет лично совершать службу. Еще немного аконита в этот горшок и нежных листиков серебристого тополя; еще сала и пятилистника вон в тот горшок, да приправить кровью летучей мыши; да паслена, который навевает любовные сны, да облить все миндальным маслом; не забыть бы зеленой конопли, она вызывает галлюцинации, и дурмана, и очистительного лаврового листа.

И, наконец, самое главное — синеватое вещество, которое старуха ценила

дороже всего на свете; оно, шипя, перекатывалось на дне сосуда.

Гар-р, Гар-р,
Жарьте, жарьте
В жирных сливках
Малых деток
Некрещеных.

Весело потрескивал в золе жир зародышей, убитых во чреве беременных женщин посредством тонкой иглы, прокалывающей мягкий череп.

— Сюда, голубчики, будьте ласковы с вашими милыми маменьками, дочками Кабюила: пойте на дне горшка! Они натрутся вами не позднее завтрашнего дня. Ведь все заключено во всем, дитя вернется во чрево матери, следствие — к своей причине.

Чародейке вспомнились старинные жертвоприношения древнему пожирателю Молоху. К какому богу ни подойдешь, всякий олицетворяет поглощение созданий, возвращение зародышей в лоно плодоносного брожения мертвой материи, из которой в неприкосновенном виде возрождается эмбрион, дающий жизнь новым многочисленным и многообразным созданиям.

Истребить самый зародыш, задавить его во всяком существе, способном к деторождению, умерщвлять всегда и везде эту проклятую, злосчастную плодовитость, уничтожить безграничную матку мира, обманщицу-жизнь, сжатую нестерпимо тесными гранями внешних форм. Какая титаническая борьба земного существа со всеобщим законом беспрерывного возрождения!

Так горделивый дух Ваала искушал Мао.

И с чувством удовлетворения она разглядывала восковое изображение, которое слепила Торинелль под таинственным покровом ночи, изображение, как две капли воды, похожее на смертную оболочку сеньора де Марейля, торжественно окрещенное его именем, слепленное при зловещем расположении звезд по указанию гороскопа. Красное сердце указывало место для удара. Но колдунья ни за что не соглашалась совершить последних заклинаний, прежде чем графиня не пообещает ей натереться смесью из горшков. Если не исполнить этой предосторожности, нет надежды на то, что заговор удастся и наступит смерть осквернителя.

Графиня сначала отказалась.

— О, конечно, эти низменные средства и приемы не подходят столь могущественной даме! В таком случае, прикажите мне убрать святилище смертоносными приборами. Ваши обширные познания дают вам возможность вызвать Сатурна с помощью свинца и кипариса. Враг будет уничтожен и скорее, и вернее. И гораздо величественнее совершится месть.

— Ах, ты, подлая колдунья, берегись шутить, — крикнула Мао и вылила поток страшных проклятий на беспомощную, трясущуюся голову старухи, а та, нисколько не смутившись, снова принялась за свою работу.

Чародейка дала волю своему гневу, бешеной злобе, которую целые месяцы таила в душе, заглушала через силу в своей исстрадавшейся груди. О! ма-

гические заклинания, совершенные для блага человечества, ради низших созданий, для рабов, для освобождения замка, во славу оружия и единорогов Горда, силы, растраченные на битвы, на доставку провианта и проповеди! Горе! Горе! Из-за этого все погибло. Но воскреснет день, ясный день взойдет в стенах святилища, и мистический разум снова обретет свое господство над презренными иллюзиями мира. И тогда пронесется смерч, беспощадный, губительный смерч, беспощадный и губительный, как день страшного суда. Пусть же свершится сейчас нечестивое деяние. Но какую пользу могут принести какие-то мази и составы? Молох-пожиратель царствует испокон века.

Схватив кусок черноватого теста, которое предлагала Торинелль, Мао поклялась употребить его в дело, сопровождая свою клятву самыми страшными проклятиями.

Теперь она задыхалась от ненависти к презренному человечеству, из-за которого пала ее душа, уже взлетевшая так высоко над миром.

Она возобновила набеги на села, державшие сторону бургундцев, и сама скакала во главе войска. Живя мечтой о кровавых зрелищах, о зареве пожара, которое, треща и сверкая, взвивается к небу, как флаг, водруженный на завоеванной земле, мстительница носилась по равнинам под дружественным покровом ночной тишины. Днем она сидела на дне какого-нибудь оврага или в лесной чаще, подстерегая богатых горожан и купеческие обозы.

На рассвете обрушивались на заранее намеченную жертву, на какой-нибудь молодой поселок, приютившийся в глубине долины или под сенью феодальной башни. Распарывали животы женщинам, насиловали девушек, душили мужчин, поджаривали на огне стариков. Подымались душу раздирающие вопли и стоны, а у Мао вольнее вздымалась грудь, изнемогавшая под тяжким бременем ядовитой злобы, вдыхая благодатный воздух. А тут еще оцепеневшая голова барона на кончике пики, и парни в паническом ужасе мечутся по долине под градом генуэзских стрел.

Потом Мао приходила в восторг при виде того, как бравые солдаты тащат мешки, до самого верха нагруженные золотыми кубками, червонцами и посудой, при виде юных пленниц, привязанных накрест к волосатым спинам, юных хорошеньких пленниц, которые плачут звонко, как хрустальные колокольчики, опутанные густой сетью распущенных волос.

Вечером на какой-нибудь лужайке или же на вершине холма, возвышающегося над равниной, в стане победителей шел веселый пир.

Затем триумфальное возвращение в замок, пышно убранный свежими гирляндами, в шумном, пьяном угаре. Приветственные возгласы крепостных, выпрашивающих остатки добычи.

Эта совместная жизнь, заполненная походами и кровавыми зверствами, окончательно укрепила любовь шотландцев к графине. Их мужественный дух, опьяненный восторгами легких побед, требовал новых, необычайных гекатомб, превышающих разрушительные силы человека. К их гордой заносчивости присоединялась свирепая заносчивость генуэзцев, совершенно неспособных понять, что существуют границы и для их самонадеянных желаний.

Это сцепление и слияние воль облегчалось тем обстоятельством, что Мао,

благодаря долгому, просвещенному общению с алхимическими элементами, заимствовала от них способность сливаться с предметами, проникать в их сердцевину, а также поглощать их и перерождать.

В известном смысле она сама стала осуществленной целью магического Творчества, символическим камнем философов, который претворяет металлы и планетные свойства человеческих душ.

Она сама в своей великой личности вмещала два существенных качества.

Она была плавкая, как воск, и нетленная, как золото,

Плавкая, как воск, она сливалась с несовершенными металлами, с зачаточными душами солдат, с которыми столкнула ее судьба. Она проникла в них до самого сердца. Нетленная, как золото, она им сообщала мечтательную твердость, необходимую для выполнения солнечных деяний. Она превратила их в чудодейственные силы.

Их способности закалились. Они носились по полям и лесам быстрее летнего урагана.

Еще огни, разложенные шайкой, догорали на востоке, а на западе уже занималось красное зарево от факелов, зажигавших дома.

Они проходили такие громадные пространства, что сами, наконец, стали думать, не ветер ли носит их. Они к вечеру застигали врасплох жителей отдаленного севера, прежде чем те успевали дослушать вести об их дневных подвигах в южных селах.

На привалах Мао говорила речи о владычестве, об отмщении бедствий, перенесенных за время осады. Она поила солдат соком белены, от которого напрягаются нервы. От этого обострялись их чувства, желания, сладострастные позывы. Безграничное презрение к подлой породе домоседов, безграничная жалость к будущей судьбе несчастных созданий диктовала им всем определенную программу действий. Убийство было для них актом освободительной религии, они — святые жрецы, разносящие благую весть алтарным огнем и жертвенным мечом.

Чтобы воспрепятствовать передвижению неприятеля, они отравляли реки и ручьи. Скот умирал на берегах у водопоя.

И воцарился голод; женщины, младенцы падали замертво среди дорог. Крестьяне убегали в поля с кольями и луками. Они организовывали шайки под сводами лесов и располагались лагерем подальше от предательского крова жилых мест.

Равнина опустела.

Научив своих солдат побеждать людей и чувство сострадания, Мао стала их учить побеждать боль и находить душевную отраду в телесных страданиях.

На ногах сочилась кровь. Ожили старые раны. Они шагали день за днем, не находя пищи в пустынных пространствах заброшенных полей. Более слабые пали в пути.

Пришлось повернуть назад и медленным шагом отступать в замок. Крестьяне, осмелевшие при виде этих людей, измученных, утомленных бесконечным рядом сражений, следовали за ними по пятам, пуская по временам стрелы. Солдаты не отвечали на удары. Они ограничились тем, что в середине строя

поместили всех больных, а по флангам стали более крепкие, с огромными щитами, украшенными геральдическими знаками и, сомкнув щиты, образовали непрерывную ограду вдоль всей линии. Так тащилась шайка, колыхаясь в пустынных полях, извиваясь и переливаясь пестрыми красками, словно чудовищный левиафан, а впереди — графиня, выпрямив стан, на черном коне, царственно увенчанная лавровыми ветвями.

А нападающие все прибывали. Они сбегались ото всех точек горизонта, опоясавшего необъятную ширь истощенных полей.

Но крестьяне не решались вступить в рукопашную. Солдаты без особенного труда пробивали себе путь и дошли до замка.

Армия отдыхала.

До наступления осени в устье Соммы должны были приехать итальянские галеры за генуэзцами. Но они уверяли Мао, что не покинут ее до конца жизни, останутся навсегда при ней, как руки при теле. Один только Чигала уехал, чтобы провести некоторое время у ног молодой жены. Оризель и Ленора, по приказанию Мао, против воли удалились в свой феод, предварительно поставив его в ленную зависимость от Горпа. Долго тосковала графиня в то утро, когда кортеж скрылся в облаках пыли, крутившейся над дорогой.

Но с нею остался Корбегем. Он вместе с Изабо скитался по лесам вслед за графиней, охотясь за зверями.

После честолюбивых мечтаний о счастье, которое наступит с того дня, когда эти души сольются в ее душе, Мао испытывала горькое разочарование. Как бы ни была велика их любовь, как бы ни была непоколебима их вера, это не утоляло ее гордых стремлений. Эти люди благородного происхождения и смелой души шли за ней и служили ей, как какой-нибудь орган тела.

В конце концов это ей надоело.

Ей опротивела эта свита и ее услуги, как надоедает большое животное, слишком нежное, слишком раболепное, если оно повсюду таскается по пятам.

В то же время она стала постоянно мучиться нелепыми кошмарами. Не мази ли Торинелль тому виной?

То она стоит на лужайке и должна хлопать по какой-то лужице; этот монотонный плеск воды доводил ее до исступления. Или же передвигается ощупью в темном святилище, чтобы приобщиться к великой египетской тайне, увидеть лик Изиды. Сердце прыгает в груди от священного экстаза. Она приближается, собираясь облобызать завесу, пока еще скрывающую образ богини, но наталкивается на жесткий шерстяной плащ и волосатую спину козла. Торинелль с хохотом вопит, что это Князь Природы... И все проваливалось в бездну.

Или же голые женщины летали в пустоте бок о бок с летучими мышами и зародышами из лаборатории. Мао узнает трех дочерей Кабюила, они приветствуют ее почтительным «салем-алейкум'ом», по сарацинскому обычаю. Три дочери Кабюила бродят в образе вампиров. Эту тайну выдают их страшные зрачки. Сестры жадно кидаются сквозь крышу на спящих парней, чтобы высосать кровь у них из груди.

Наконец, графиню подхватывает адский, гигантский хоровод, в котором

кружатся дочери Кабюила и мельничиха, и Торинелль, и шотландцы, и генуэзцы, и она чувствует, что у нее за спиной стоит и беззвучно смеется какое-то чудовищное существо.

Вдруг цепь разрывается. Графиню зовет Андрогин, сидящий в огромном кувшине. Она покорно бежит к спасительному символу, но он внезапно чернеет. Он схватывает ее, растирает в прах, жжет огненными иглами, наливает леденящей стужей. Мао просыпается, ложе пылает, бока ломит нестерпимая боль.

С той поры Мао вынуждена была постоянно вести внутреннюю борьбу, чтобы не впасть в обморочное состояние, и очень часто ей не удавалось избавиться от припадка. В конце концов эти странные галлюцинации стали так часто перемежаться с обыденными явлениями, что в представлении ее бред перемешался с действительностью, и она потеряла способность отличать одно от другого.

На другой день после этих ужасных кошмаров колдунья, как нарочно, обращалась к ней с расспросами, и сама без устали рассказывала разные местные происшествия. Мельничиха колдовскими приемами перетянула в свой сад третью часть плодов от своего соседа, владельца кузницы. Тот страшно рассвирепел и в отместку напустил кур в зерновой склад. Тогда мельничиха сглазила его топоры, чтобы они сохранили плеву после закалки. И вот в воскресенье, среди обедни, когда она вошла в церковь, кузнец залаял по-собачьи и, как ни старался, не мог справиться со своим собственным голосом. Мао повелительным жестом приказывала болтунье отвести ее в известное укромное местечко, где должно померкнуть изображение Марейля с сердцем, пронзенным иглою.

Первоначально Мао согласилась на этот вульгарный способ мщения, не придавая серьезного значения попытке. Каждый день, движимая гневом и любопытством, она приходила взглянуть на изображение, хотя и была уверена, что затея кончится провалом. И уходила, потеряв последние остатки надежды, так как не замечалось никакой перемены. Но Торинелль не переставала ее увещевать. Она предлагала графине яблоки, в которых скрыты души, находящиеся под ее присмотром. Эти яблоки необходимо, под страхом смерти, ввести в человеческое тело. Чтобы избавиться от назойливых речей, Мао съела плоды.

И вдруг, против всех ожиданий, ярко-красное сердце потускнело, восковые контуры закруглились, изображение утратило отчетливость в своих очертаниях. В тот же день графине сообщили, что Марейль, поселившись во владетельном аббатстве, надел монашескую рясу и заперся в келье. Он отказывается от всякой пищи, кроме зелени и хлеба. Его гложет черпая меланхолия; он считает себя жертвой невидимых влияний, он дает всевозможные обеты, чтобы оградить себя от зловещих чар. Потом пришли новые вести, более подробные: сообщали, что недуг обостряется, что припадки особенно сильно мучают Марейля по вечерам. Называли при этом тот самый час, когда колдунья поворачивала иглы в восковом сердце.

Тогда Мао уверовала в силу этого средства. Смерть Марейля докажет, что она пользуется неприкосновенностью наравне с богами. Жак и Марейль по-

платились жизнью за то, что видели тело жрицы.

Она упивалась сознанием своего величия.

И постоянно приходила в укромное место, чтоб еще раз заглянуть на гибнущий слепок.

Она не чувствовала ни капли сострадания. Оком бесстрастной судьбы она следила за тем, как совершается агония. И всякий раз, как она особенно пристально вглядывалась в умирающее сердце, на другой день приходили известия, что в тот самый час благородный сеньор переживал невыносимые страдания.

Графиня старалась охватить мыслью неисчерпаемые последствия божественной власти, выпавшей на ее долю. И у нее возникало желание стереть все живое с лица земли, остаться одной в безграничной пустоте, где слух ее будут нежить колебания эфира и созвучия звездной гармонии.

Но однажды из глубины ее воспоминаний всплыло, звеня, как церковный благовест, старое предсказание, вещавшее, что она не может пасть и умереть иначе, как по собственной воле.

И с ужасом она поняла, что ей не удастся совладать со своей душой, что ее погубит неудержимое желание смерти, и, таким образом, она сама разрушит свою форму, ибо не хватит у нее сил, чтобы укротить разрушительный ритм, заключенный в ее теле.

XIX

В эту ночь свирепствовала буря, и духи, изгнанные из своих пещер, так яростно бороздили пространство, что воздух громыхал, как медный лист.

На самой высокой башне стоит Мао, у нее под ногами здания и села, леса и реки — весь этот жалкий муравейник.

На самой высокой башне стоит Мао, и ее нагота ничем не прикрыта от буйного натиска темных ветров.

Ураган катает луну, увязшую в грязных комьях туч, и она заслоняет своим диском от светлого взора звезд ничтожные дела земного мира.

О, благодетельница Геката!

— Прииди, — взывает к ней Мао, — прииди, подземная, земная и небесная Геката! Тройная Бембо, богиня больших дорог и перекрестков! Ты шествуешь, враждуя со светом, подруга и союзница ночи, тебя тешит лай собак и пролитая кровь. Ах, прорежь на моих боках широкую рану, чтобы вытекло через нее пламя, сжигающее мои внутренности!

Она простирает руки к освежающему лику небесного светила. Прольет ли оно благодатные прохладные струи на полушария истомленной груди?

Но светило затонуло в глубоких колеях своего пути, загроможденного тучами.

Обвив руками темя, она поддерживает закинутую назад голову, а торс выгибает вперед, навстречу бешеным, насквозь пронизывающим вихрям.

И смыкает ресницы, упоенная леденящим ветром, который треплет ее волосы грубой рукою.

Ее тело — золотистое знамя человечества, оно бьется под роковыми ударами стихий, оно стонет на высоте самой высокой башни. Оно стонет и гнется, и крутится на краю темной бездны, плачет, как лес под топором дровосека. Устоит ли сладострастная душа чародейки против головокружительного соблазна?

Вот одна нога уже качается без опоры, отдана во власть свирепой бури. Мао могла бы избежать падения, повиснув на скате верхнего зубца, который сейчас находится под нею. Тогда бы ее тело выдавалось. вперед, как сигнал.

Но так сладко манит бесцветная, торжественная пустота, в которой трепещут волны.

На все небо прогремел густой мужской голос: «Отмщение или смерть».

Мао прыгает вниз и мчится в беспросветной мгле.

Прижавшись к мягкому руну черного барана, она несется быстро-быстро против ветра.

— Гар-р, Гар-р, Гар-р, — гавкают колдуньи, и пылают их волосы, растрепанные, взлохмаченные чьими-то невидимыми гигантскими пальцами. Мчатся, колышутся их соблазнительные тела. Белые руки, как весла, разгребают беспредельный простор.

Им нет числа, как и молниям, они стекаются со всех концов бушующей бездны.

Кавалькада пробивается сквозь тучи; старые матроны стыдливо прикрывают свои прелести, прячутся в густой гриве кобыл.

— Гар-р, Гар-р, Гар-р!

Гроза разражается взрывами и грохочет во мраке безумствующей ночи. Молнии скрещиваются в скрытых от глаза глубинах.

—Закрой! — командует одна из красавиц своему ослу, который смеется, как монах, и животное вежливо протягивает хвост над головою дамы, хвост распускается, сплющивается и защищает ее от непогоды.

— Гар-р, Гар-р, Гар-р!

Как галеры, гонимые властным дыханием бури, они пробиваются в безмолвном царстве темно-синих туч, где нет ни неба, ни границ.

А внизу дрожат стройные тополя, плачут малые дети, гаснут очаги, стонут юноши, одолеваемые грешными снами, изнемогают развратники в сладострастной истоме. Умирающие беспокойно испускают дух.

Как луны, сияют груди и животы ведьм. Воздух наводняется оглушительными звуками бронзовых труб.

Трубы смолки. Теперь щекочут кожу прозрачные звуки гармоники и серебряных колокольчиков, в них слышится звон разбитого хрусталя и журчание ручьев.

Злодейская музыка: она не проникает вглубь сердца, а только теребит кончики нервов.

Мао летит вниз и останавливается перед облачной завесой; там двигаются какие-то неясные фигуры. Ее заметили.

Перед нею почтительно расступается адская толпа, церемониймейстер, махая позолоченной палочкой, расставляет всех кольцом вокруг графини. Красным пламенем горят жаровни. Мелькают желтые огни факелов. И вспыхивает по временам огромное синевато-зеленое зарево. Оно окутывает предметы и гостей серным запахом и буйно трещит.

В огненном царстве копошатся рогатые головы с ястребиными клювами.

Ревет ураган в лесах.

А за облачной завесой на великолепном троне, разукрашенном золотом и багрянцем, восседает Андрогин; лица его нельзя разглядеть, видны только грубые очертания головы, красной, как раскаленное железо. Между рогами пылает огненный сноп.

Запоздавшие ведьмы свергаются с неба на землю стремительней падающих звезд.

За облачной завесой сверкает Асмодей, нагло выставляя на вид гигантский, но бесплодный знак своего пола.

Мао приближается, за нею крадется Торинелль, она поддерживает госпожу и помогает ей распластаться на палящих коленях колосса. Падшая жрица опрокидывается на спину, волосы развеваются по ветру.

И вдруг ее пронизывает раздирающая боль, в тело впиваются железные когти, ее всю опаляет с ног до головы.

Жертвоприношение принято. В страшных муках чародейка обратилась в жертву, свершилось то, о чем некогда вещало пророчество, она скрепила своим

телом союз разрушительной толпы с ее принципом. Мао подымается вся в крови, пронизанная до мозга костей мучительной раной, о которой так страстно молила Гекату.

Но союз должен остаться бесплодным, и поэтому Торинелль обливает ледяной струей дрожащие бока чародейки. И Мао отдает на поклонение наготу своего возрожденного тела.

Ее провозглашают царицей, ей возлагают на голову венец, ей воздают божеские почести.

Ее подвели к великолепному трону, и вот она царственно сидит рядом с недвижным Асмодеем; он пышет пламенем и рычит надтреснутым, невнятным, хриплым голосом, от которого бросает в дрожь.

Подводят невинных младенцев для воздания почестей; они, рыдая и дрожа от страха, запечатлевают верноподданническое лобзание на боках Дьявола.

Страшно, безумно страшно погружаться в неизведанную глубь этого величественного и неуловимого существа, но Мао преодолевает страх, она должна постигнуть тайну. Окутанный темным облаком, которое ниспадает по временам под натиском бури, он заглушает ураган своим голосом, напоминающим гул отдаленного водопада.

Его бытие ближе к жизни людей, чем бытие других богов. Ветер вздувает у него на груди волосы, похожие на человеческую растительность. При взгляде на его раскаленное лицо чувствуется, что оно пронизывает вас взором. Толпа не сводила глаз с его огромных ребер.

Королева шабаша, не двигаясь с места, сидела на своем багряном троне, боясь губительного пламени Асмодея, рассеивающего в прах. Боялась потому, что прежняя рана еще продолжала жечь ее утробу.

Толпа разместилась у подножья трона, за бесконечно длинным столом, окутанным тучами. Здесь были крепостные Горпа, жители местечка со всеми чадами и домочадцами, и трубач Гримальди, и Этвин, и шотландцы, и генуэзцы. Они все дружно кинулись на груды пищи — на господскую дичь и плоды с церковной земли. Женщины, с горящими от жадности глазами, раскудахтались, словно куры; и краснели их зубы, озаренные светом горящих факелов.

У некоторых сидели на плечах принесенные из дома ручные жабы с колокольчиками на лапках и на шее. Другие держали жаб, как охотничьих соколов, в кулаке, вели с ними оживленную беседу, осыпали нежными ласками.

Дети, с грустным выражением лица, подгоняли хлыстиками целые стаи жаб, чистенько одетых в зеленый цвет. Распорядитель махнул позолоченным жезлом, и они спустились к соседней луже, которая серебрилась под зыбкими лучами луны меж тонкими листиками ив.

Пробегали какие-то звери, то вырастая настолько, что заслоняли почти весь небесный свод, то уменьшаясь до размеров, неуловимых для человеческого глаза. Ведьмы выскальзывали, как вишневые косточки, из-под пальцев дьявола, и, как огненные ракеты, летели исполнять его поручения. А звуки гармоники все журчали да журчали.

Наконец, появились танцовщицы с черными, как уголь, глазами, с лучистой кожей. Они хлынули буйным потоком в зарево, подымавшееся от жаро-

вен, схватили юношей и втянули их в бешеный ритм дикой сарабанды. Жители местечка перемешались с бесами, принявшими женский облик. И все вместе исступленно скакали, сцепившись локтями, спина к спине.

А ведьмы визгливыми голосами выкликали нараспев:

— Дьявол! Дьявол. Здесь греши, там греши. Здесь играй, там играй.

Ритм ускоряется. Сталкиваются спины и плечи. Дикая цепь колышется во все стороны, раздувается ветром, падает на землю и снова вскакивает, хлещет, как морской прибой.

— Гар-р, Гар-р, Гар-р.

Пары останавливаются и грохаются, глухо ударяясь о землю. Тянется к Асмодею чудовищная груда беспорядочно наваленных тел. Как пенистый гребень, вздымаются над кучей растрепанные волосы. Многоголовое чудовище припадает к стопам Мао, ее требуют тысячи уст, ее увлекают, оцепляют и властно тащат на широкий луг, где сереет ночной туман.

— Гар-р, Гар-р, Гар-р! Шабаш, Шабаш.

Быстро извивается чудище, следуя по пятам за Королевой. Она сливается с порывами своих спутников, проникает в самую глубь этих порывов и претворяет их. Она сплавляет воедино все души. Она стягивает их в пределы своего личного хотения. Чудище обращается в часть ее тела, в одушевленный чешуйчатый хвост, в огромное продолжение ее плоти и пышный венчик ее души. В сердце ее трепещут безумные желания колдунов и ведьм, и это ощущение приводит Мао в исступленное, опьяненное состояние, ее силы возрастают в десятки, в сотни раз. Она кружится и вьется, раскинув руки, как крылья. Потом выгибается вперед и замирает на миг в неустойчивом равновесии, касаясь земли только кончиками пальцев. Но внутренние силы отрывают ее от земли; и живая цепь, извиваясь спиралью, устремляется вслед за ней в бушующую бездну.

— Гар-р, Гар-р, Гар-р.

Сквозь безбрежные хребты синевато-лиловых туч, сквозь сеть сверкающих молний мчится винтом яркий метеор, слитый из обнаженной плоти служителей ада.

— Гар-р, Гар-р!

Внизу мелькают бледные очертания долин и вершин, лесов, колоколен, крыш и башен. Мерцают ивняки по берегам текущих рек. Щелкают флаги над замками. Дрожат и крестятся часовые. С грохотом рушатся развалины.

— Гар-р, Гар-р, Гар-р!

Метеор парит над безбрежной пустыней зеленоватых морей, встревоженных луною. Океан бешено вскидывается к метеору, мечет в него снопы пенистых брызг и дико воет. На хребте всколыхнувшихся вод взлетает корабль, он трещит и скрипит. Пассажиры призывают Божью Матерь; ломятся мачты; сигнальный колокол заливается тревожным звоном. Раскидываются лазурные шатры. Сине-зеленые волны яростно бросаются на палубу корабля, где растерянно столпились благочестивые мореплаватели. Королева победоносно выпрямляет свой хвост и хлопает им по поверхности вод, море рычит и ощетинивается от ярости. Волны набегают, крутятся вихрем, плещут, брызжут и

низвергаются в пучину. Они заливают палубу, корабль разлетается в щепки и погружается в бездну, с ним вместе благочестивые мореплаватели, с молитвой на устах.

И вот они снова на суше, спускаются на луг, где происходит шабаш; звенья цепи распадаются, живая спираль рассыпается, женщины, обливаясь кровью, выкидывают недоношенные плоды.

Мао снова садится на трон, и под ее председательством свершается черная месса. Правоверные теснятся шумной толпой; как буря, грохочет нестройный хор их молитв. Кадильный дым восходит клубами к раскаленному лику. Крестясь левой рукою, толпа возглашает: «Во имя Патрика, в этот час, в этот час, Толед; все бедствия наши миновали».

Жрец и два дьякона в черных рясах читают псалмы. Ведьмы подходят одна за другой и вручают свою лепту. Каждая кается в своих грехах. Гритта не привела обещанного ребенка; громкий голос мужской приказывает ей усерднее замесить черный просяной хлеб. А Иоланда должна заплатить десять су за прошлую службу, на которую она не явилась.

Церемониймейстер, принимая монеты, тщательно их прикрывает, чтобы спрятать отчеканенные на них кресты.

Опустив голову, жрец подымает ногами большую черную просфору без образа, а молящиеся в это время визжат: «Господин, помоги нам!» Пока он ест, каждая семья причащается плотью своего младенца, только что родившегося, но только что и умершего. Человеческое тело нарезают на ломти, раздают гостям и пожирают, приговаривая таинственные слова: верующие приносят обет разрушать самих себя, по мере сил своих. Некоторые в фанатическом исступлении кидаются в пламя жаровен. Ведьмы приносят для крещения смиренных жаб и заколдованные фигурки. Из уважения к королеве, сосредоточившей всю свою ненависть на изображении Марейля, жрец бросает это изображение в огонь; оно мгновенно плавится с оглушительным треском.

Жаб окрестили, восприняли на лоно церкви, облачили надлежащим образом; крестные матери разрывают их зубами, отрезают им головы, бросают вызов бледному Богу небес, церковному Христу.

Другие ведьмы хлопают палками по лужам, чтобы вызвать дождь, кипятят яды и рассыпают по ветру порошки, наводящие порчу, а церемониймейстер поливает эти порошки блестящей уриной Асмодея.

— Гар-р, Гар-р, Гар-р! Шабаш, Шабаш.

Вдруг потухли жаровни, потухло сверкающее зарево. И неожиданно выступает ярко озаренная фигура дьявола в образе черного петуха с огненным гребешком. Во мраке раздаются сладострастные стоны; просыпается затаенная преступная любовь, вспыхивает кровосмесительная страсть. Невидимые тела душат друг друга и корчатся в исступленных объятиях. Под сенью величественной ночи разыгрывается оргия бесплодной любви.

Асмодей покоится на престоле в образе дикого быка.

Но ветер доносит звуки заупокойного благовеста. Заслышав грозный звон церковных колоколов, бык прыгает в печь. А толпа испуганно разбегается по разным концам луга, смутно белеющего в тумане.

XX

Уныло освещали восковые свечи мрачное помещение аббатского трибунала, задрапированное черной материей, и судей, уставивших на Мао неумолимый взор сквозь дырки, прорезанные для глаз в белых капюшонах.

Графиня должна чистосердечно признаться в своих горделивых замыслах, в своих магических опытах, в том, что она продала душу Сатане. Она должна в реке смирения смыть позорное клеймо своих преступных вожделений.

Дабы обрести прощение, которое очистит ее от греховной скверны; дабы слезами раскаяния склонить весы Небесного правосудия.

Но плоть ее противится святому решению; демоны не повинуются заклинаниям отца Эльвена. Графиня не может смириться перед аббатом и каноником, принять вид покорной грешницы, заблудшей овцы, которая возвращается к пастырю, на плечо Спасителя.

Чтобы одолеть бесовское наваждение, смыкающее ее уста, она потихоньку, чуть слышно, рвет пальцами кружево своей косынки. Быть может, этим способом удастся незаметно для присутствующих вылить злобу, которая бешено клокочет в душе.

Судьи теряют терпение. Аббат повторяет латинские формулы вопросного листа.

В предвидении укоров и неумолимо-сурового допроса, сердце переполняется скорбью, но ей не в чем излить свое горе, ибо давно уже она разучилась плакать. Она из тщеславия подавляла слезы; и долгим давлением высушила их навсегда. Лицо графини надменно хмурится.

«Ах, Лилиали, — думает она, — ты был, оказывается, эмблемой Аримана, князя искусителей».

В горле застряли демоны, водворенные яблоком Торинелль; они душат, стесняют дыхание.

Все судьи разом показывают знаком отцу Эльвену, чтобы он изгнал бесов.

Монах протягивает распятие к устам графини.

Дама наклоняется, собираясь приложиться к кресту. Но кто это там притаился? Какое-то зеленое прыщавое существо злобно хохочет и подставляет для поцелуя свою омерзительную потную рожу. Мао отскакивает и растерянно хрипит. Нервы ее напрягаются, пальцы судорожно вцепляются в пустое пространство.

— Именем Иисуса, предсказанного Саулом, — возглашает Эльвен, — я заклинаю вас, демоны Аббадон, Астарот, Белиал, Маримон, бросьте мучить эту христианскую душу! Смилуйся, Пресвятая Дева, защити ее от нечистых духов.

Грешница стоит неподвижно, как мертвая, под брызгами святой воды.

Еще раз пришлось разойтись судьям, не добившись удовлетворения за смерть знатного барона, ленного владельца Марейля, Сен-Ва и других феодов.

В обществе своего капеллана Мао благочестиво проводила часы заточения в церковной тюрьме. Он читал ей мудрые размышления святого Августи-

на, бывшего некогда епископом в Гиппоне, в Африканской земле.

И загорался свет истины, разливался перед глазами чародейки, до тех пор бродившей в темноте и так часто падавшей в пропасть. Все, чего она желала и искала, все, к чему стремился величественный полет ее жизни, — все это осуществил Мессия.

Падение небесных ангелов, которые, по словам писания, прельстились дочерьми человеческими; грехопадение Адама, который расколол единство уравновешенных сил, отделил Зло от Добра, нарушил правильный ход естественных законов; ритм, утративший совершенство, передавался от одной человеческой формы к другой и много веков томился, стремясь обрести свою первоначальную белоснежную чистоту. Было время, когда миру явилась мудрость мага Соломона, завершившая все искания мудрецов, все приобретения иератических знаний, и ритм чуть не освободился от земных оков, не воссоединился с изначальным стремлением. Совершенная магическая печать, синтез всех прорицаний, жилище Элоимов, великий Храм на горе Сионской гордо поднял перед лицом мира свое чело, обладающее величайшей притягательной силой; это был непогрешимейший образец, это был акт искупления. Дух человеческий снова приобщился к нетленному блаженству гармоничных колебаний.

Но Соломон пал. Еще один раз ангел прельстился дочерьми человеческими. Но семя его рода не могло жить, не творя чудес: ведь в нем воплотилась звездная сущность. И в конце концов это семя в одной из своих форм обрело небесный полет божественной природы; эту форму нарекли Иисусом. Звезда, посланная ритмом перед его воплощением, привела к яслям магов из храма. Они свершили обряд заклинания, во всем своем царственном блеске — с драгоценными камнями, с цветами и благовониями. И тогда Он явился миру. Он подтвердил пророчества древних мудрецов. Он принес себя в жертву и своею смертью скрепил союз томящихся желанием форм с небесными добродетелями. Он проник в недра человеческих душ. Он всех осенил своим милосердием и непорочной чистотой. Он обратил мир в незыблемую Церковь. Само имя Его есть всемогущая печать, краеугольный камень, на поиски которого ушло столько сил. В каждом шаге выявляется сущность Его природы. Он принес себя в жертву на тетраграмме, вечном символе Озириса, пересечении бесконечных углов; а позорная надпись, прибитая у Его главы, состоит из многознаменательных букв древнего, священного оракула — Таро.

Так раскрывалась великая тайна. Мао вскочила с места и стала проповедовать. Ее лик так преобразился, ее одежды так сверкали, ее жесты были так лучезарны, так пламенно горело в ее глазах откровение, что монах бросился бежать; он думал, что дьявол сплел новые козни для искушения доверчивой души. Он вернулся в сопровождении аббата, и тот подтвердил его предположение. Упоенная созерцанием новой истины, Мао отказалась защищаться от предъявленных обвинений. Позвали палачей, приказали связать ее, раздеть, сбрить все волосы, одеть в другое платье, чтоб устранить зелье молчания, которым умастил ее Сатана, боясь, как бы она не разоблачила тайны колдовства.

Пышные волосы посыпались на землю. Она с радостью принимала унижения. Каждая прядь, падавшая с головы, облегчала бремя ее грехов. Ей чудилось, что ангельские хоры славят возвращение заблудшей души. Ей виделось лучезарное сияние. Надежда открывала двери триумфального храма...

О, если бы можно было искупить все грехи! Картины прошлого больнее терзали душу, чем ожидание пытки.

Ее охватила великая скорбь, сердце сжималось от страха.

Она так была удручена своими мыслями, что не обращала ни малейшего внимания на допрос. Она хранила неизменное молчание. Голоса проходили мимо ее слуха, как журчание ветерка. Семь судей, одетых в белые плащи, не заставили ее нарушить молчания; не заставил и застенок. Ей вонзали в тело острые иглы, чтоб найти бесчувственное, неуязвимое место, где Сатана приложил свою печать. Мао не сопротивлялась. Каждый укол, думалось ей, хоть немного очищает от бесчестия. Но палачи обнаружили на плече одно пятно, формой похожее на заячий след и выносящее уколы совершенно безболезненно.

Колдовство доказано. Процесс двинулся вперед.

Мао отказывалась от признаний, надеясь подвергнуться новым мучениям, потопить в море страданий грязные залежи своей памяти. Напрасно приказывали людям рычать в адской комнате, чтобы нагнать страх на графиню и заставить ее заговорить. Она стояла на своем.

Ей прочли завещание Марейля, писавшего, что Мао загнала его в гроб своими злыми чарами. Ей устроили очную ставку со статуей Андрогина, которую нашли в замке при обыске. Она только горько усмехнулась — вспомнились былые грезы, вспомнилось, как она бесплодно искала истину, закрывая глаза на единственный живой источник бытия.

Наконец, на четырнадцатый день суд вынес приговор: замок срыть до основания, фамильный герб уничтожить, знамя бросить в огонь, а саму графиню сжечь заживо на площади Горпа.

В первый раз она раскрыла уста перед трибуналом и спросила, подлежит ли решение пересмотру. «Ни в коем случае», — был ответ.

Тогда Мао прервала молчание, говорила долго-долго и рассказала все грехи своей жизни: поклонение идолам, волшебные чары, погубившие потомство Горповского рода и вызвавшие смерть Жака, отцеубийство, магические заклинания, которыми она отразила приступ бургундцев и фландров и заслужила сан Королевы Шабаша. Она говорила о своей ненависти, о своем презрении к людям, ко всем властям, ко всему святому, к Богу. Кощунственные признания так и лились из ее уст, одно страшнее другого, и монахи тряслись в смертельном испуге, ожидая, что вот-вот всех присутствующих разразит громовой удар.

Под конец она смиренно припала лицом к земле и принесла глубочайшее покаяние. И милость сошла с небес, зажурчала в сердце грешницы сладким, целительным ключом. Теперь все ее упования обратились на предстоящую казнь, она желала мучительной смертью искупить свои грехи. Она просила лишь одного — чтобы над ней вторично совершили обряд крещения; дело в

том, что во время ежедневной мессы священные дары являлись в черном цвете ее чувствам, заклейменным печатью проклятия; образ Христа искажал судорогой ее члены; ее челюсти и все тело сотрясались от незримых толчков.

Вода купели возродила Мао, ее голова освободилась от мрачных дум. Она утратила свое высокомерие и смиренно склонилась перед наставлениями исповедника. Эльвен сокрушался, что славный род так печально кончает свое существование. Кто бы мог подумать, что на склоне дней ему придется пережить такой удар?

Кающаяся перебила монаха. Совсем наоборот: нет большей радости, нет большего праздника, чем вдохновенный призыв к божественному милосердию. Благодаря великим ее жертвам и страданиям, Небо, конечно, не оттолкнет ее. А былые суетные труды будут содействовать искуплению ее малодушия.

Во время утренней мессы, за два дня до казни, узница вновь обрела способность плакать. Она облилась слезами, нежными слезами, умастившими душу ее отрадой и любовью.

Это было небесное знамение приобщения к лику херувимов, ангелов, рождающих водные потоки. Мао воскресла душой и стала набожно готовиться к смерти.

С того дня, как графиню ввергли в темницу, ложем ей служила куча битых черепков и острых железных осколков; исподним платьем — плотно прилегающая к телу власяница из козьей шерсти.

Возвращаясь в свою келью, она падала на колени на пол, усеянный осколками оконных стекол, и сейчас же начинала молиться. Слезы, не переставая, текли из глаз обильными и чудесными ручьями. Кровь струилась из обоих колен, обагряя каменные плиты.

Из уважения к узнице, стены оклеили обоями, изображавшими шесть радостей пречистой девы Марии. Мао ушла всей душой в созерцание священных картин. Колдунья вернулась под сень евангельской благодати.

В первую ночь она силилась заглушить боль, улететь мыслью за пределы жизни, представить себе, будто она уже вырвалась из презренной телесной оболочки. Она хладнокровно переносила жгучие порезы; а если случалось, что боль отвлекала ее от молитвенного экстаза, она сильно прижимала ноги к черепкам, чтобы наказать свою плоть. Через некоторое время нервы переутомились от страданий и омертвели. А осколки стекол покрылись мягким слоем запекшейся крови и так приладились, обрез к обрезу, что образовалась гладкая поверхность. Остались уколы настолько ничтожные, что на них можно было не обращать ни малейшего внимания.

Накануне смерти Мао оглянула мыслью полный цикл творения, таинственный процесс мироздания. И выступили чудесные судьбы падшей ангельской Силы, которая просвечивала сквозь внешние формы в патриархах, пророках, царях и левитах; наконец, очистившись в горниле знания, эта Сила явилась в девственном, непорочном образе Марии, которой дано было совлечь с небес изначальное Стремление, чтобы воссиял из чрева ее лучезарный лик божественного Мессии.

В последнюю ночь Мао думала о вознесении Господнем, о славе Иисуса,

окруженного сонмами пылающих Серафимов, созидающих Херувимов, несказанных Элоимов. Она восходила по ступеням мистической лестницы Иакова сквозь легионы священного воинства. Дух ее летел вверх, в блаженное царство вечного Равновесия.

Мария была алтарем для жертвы, принесенной Спасителем во искупление падших ангелов, истомленных жаждою любви. И Мао, падшая грешница, тоже принесет себя в жертву на искупительном костре. Это знаменательное совпадение внушало ей радостные надежды. Ведь она одна хотела свершить великое дело столетий, как они, теряла дорогу, как они, призывала на помощь и, как они, выбилась из сил. Почему же она не заслуживает победы? И окрыляется надеждою ее дух, видения разрастаются, она видит сверкающие метеоры и огневые линии. Надежда окрыляет ее дух, и рождаются дивные видения, ей грезится полет архангелов и огненные борозды, которые вьются и скрещиваются в необозримом просторе небес.

К рассвету она обратилась в живую искру божественного сияния, все существо ее сверкало духовной мощью. Когда монахи пропели заупокойную службу, Мао обратилась к ним с пламенной речью. Она бичевала их безнравственную жизнь, наполненную заботами о личном благополучии и низменным тщеславием, животными страстями и вожделениями. Они никогда не соединятся с Ритмами, ибо не подготовили в душе своей восприимчивой почвы. Она говорила о преемственной смене усилий и народов, стремившихся познать божественную сущность, удостоиться таинственного одухотворения, получить награду за вековые порывы благочестивых людей, осуществить мировые упования. Она разъясняла красоту великой жертвы, дивные тайны вращающихся миров, которые сталкиваются в безграничном просторе небес. Говорила об ангельских частицах, заключенных в человеческой оболочке; эти частицы разгораются от тоски по прекрасному, по великому, по Богу и мертвеют от влечений к безобразному, к низменному, к Сатане.

И слово ее пронизывало насквозь монахов, всех присутствующих, и палачей, и людей, и небесный свод.

Она шла на казнь, поблескивая серым, холодным огнем своих свинцовых глаз, она шла владычицей и победительницей и была в этот миг выше своей жизни, уже покинутой, выше разорванной женской оболочки, и была светлее, чем день.

А когда она взошла на костер, если бы огненная завеса не взвилась сейчас же к небу, монахи, захваченные ее словом, покорились бы ее движениям, увлеклись бы ее ритмом, унеслись бы от земли...

Но в этот момент на черте горизонта показались торопливо приближающиеся генуэзцы и шотландцы. Их палаши, их мечи были обращены остриями к развалинам павшего замка. Дрожь пробегала по их рядам. Полные тревожных чувств, они покидали дюны, где поджидали прибытия генуэзских галер. Немного спустя, впереди показались рыцари, летевшие, как ветер, на ретивых конях. Тупо уставилась на них толпа, безмолвная и бледная, как смерть. Из первого доспеха сквозь расщелины шлема выбивалась почтенная борода Мак-Грегора. Он увидел разваливающийся костер и позорную надпись; оце-

пеневшее народное скопище; толпятся монахи на парадных подмостках, завесив мрачными капюшонами свои злодейские лица. Он разразился тысячью проклятий, благородный рыцарь. Выхватил топор и описал им сверкающий ореол вокруг своего шлема. Хлынула стая воинов и умертвила аббатского жезлоносца. Францисканцы, увлекая за собой Эльвена и своего главу, бросились бежать с подмостков; но тут подоспели другие рыцари. Конь Корбегема, одетый в багряный доспех, бросившись на монахов, давил их и топтал копытами. Чигала, пронзая беглецов длинным копьем, прекращал их вопли, исполненные ужаса.

Солдаты продолжали преследование до монастырского порога. Опьянев от ярости, охваченные жаждой мести, они уничтожали все, что попадалось им под руку, бросались всюду, откуда слышались крики жертв. Вечером вся окрестность запылала. Солдаты избивали крестьян за то, что они нарушили верноподданническую присягу, не пришли на помощь своей госпоже. Все хмелевые жерди расцветились свежими головами, все рвы наполнились искрошенными телами дев. Лужи крови высохли от пожара. Ночью многие убивали скот.

Утром вся армия собралась на вершине развенчанного холма. Обломки стен заполнили рвы и сгладили склоны. Солдаты бродили по развалинам, отыскивая что-нибудь для памяти. В них клокотала злоба целый день. Наконец, они удалились; на прощание каждый повесил себе на шею какой-нибудь камешек.

Присев на куче обломков, Торинелль бормотала заклинания нарастающему месяцу.

XXI

Шли-шли аббат с монахом и пришли в обширную долину, где сливались реки.

Там раскинулся величественный город с великолепными соборами, с шумными улицами; горизонт был заставлен зубчатой грядою синих гор. Над городскими воротами висел щит с грозным изображением разъяренного льва.

Они вошли; они проходили между навесами лавок, переполненных дорогими товарами; их задевали шелковые одежды сеньоров и прелатов; они утоляли жажду из фонтанов, играющих брызгами.

Их подхватил поток людей, которые двигались с пением литургийных песен. Путники устало опирались на свои запыленные посохи.

И люди спрашивали друг друга, какой грех совершили эти изможденные пилигримы с огромными бородами и окровавленными ногами.

Толпа поднялась на высокую скалу, где приютилась белая часовня. Когда взошли на вершину, Эльвен и аббат остановились вместе с богомольцами и произнесли проповедь.

Они покаялись в своих грехах и сообщили цель своего странствия: это — Иерусалим. Человек должен слиться с Богом, а для этого необходимо уподобиться Ему своим естеством. Прежде всего надо победить плоть, победить желания, победить голод, жажду, телесную боль. Они ходят день за днем по острым камешкам и колючим иглам; и души их начали уже уподобляться душам святых мучеников. Милость Господня снизошла на них и явила свои благодатные знамения; они возродились душой с того дня, как познали муки первых исповедников веры. Очистительный нож палача разворотил им внутренности, как язычники святой Екатерине... Они раскрыли свое платье и показали кровавые раны на животах. Как евангелист Иоанн, они оба варились в кипящем масле; в доказательство обнажили свои ноги, от которых остались лишь кости да иссохшая кожа, вся пожелтевшая от ожогов. Как святой Агнессе, им обоим рвали грудь железными гребнями. Действительно, у них на груди кожа болталась лохмотьями. Как святой Петр, они оба пережили усекновение главы. Но голова осталась на плечах, только вкруг шеи обвилось красное кольцо, и кровь непрестанно сочилась под их длинными бородами и волосами.

Так говорили они перед могущественным и богатым народом, над крышами пышного города, окрашенного серыми и синеватыми тенями.

XXII

Мак-Грегор и спутники его несли гибель повсюду, куда приставала их галера.

Чтобы утолить свою тоску, они потрошили людей и громили храмы Господни.

Чтобы усмирить свою тревогу, чтобы остановить силу, которая непрестанно гонит их вперед, чтобы достигнуть цели своих странствий, они безжалостно кастрировали пленных и сплетали себе пояса из локонов белокурых дев. Они налетали, как коршуны, на замужних женщин и копьями пригвождали их лобызающие уста к порогу брачной спальни. Они втыкали лезвия рогатин в пухлые тельца грудных младенцев.

Все для того, чтобы узнать, что за призрак стоит у них перед глазами, что за голос непрестанно им нашептывает на ухо речи о Недостижимом счастии.

Они шли походом против Неба, под знаменем пожаров, под ветром проклятий.

Они пили вино из дарохранительниц, отирали слюну стихарями, они ложились спать под сенью епископских шатров. Они стали богами, раздающими жизнь и смерть; они гнали, как пастыри, белые стада женщин.

Но так и не нашли Непостижимого. Оно прятало свой лик в струях дымящейся крови, в языках пламени, в рыданиях дев, в винных парах.

И они плавали по волнам, изнывая от тоски, в большой червленой галере, где на веслах сидели марокккские невольники. Тщетно стоял Мак-Грегор на носу, облокотившись на гребень золотого дракона, выпустившего когти на волны, тщетно вопрошал он небесную лазурь и пенные нефриты. Тщетно искал ответа Корбегем, задумчиво сидя на корме, украшенной узорчатой парчою. Тщетно пытали судьбу Изабо и Лоиза, обрывая листики шпажника и бросая их на веселые хребты волн. А волынщик Этвин, бередя их раны, снова и снова зачинал балладу, которую пела Мао, балладу о смелом полете к высшему Существу.

XXIII

Белеют вершины, синеют озера, белеют дороги, синеют небеса; Италия, окрашенная цветами девы Марии, устилает мягкой пылью путь под ногами пилигримов.

Они идут с веселой душою, пронзенные мечом семи мучений, и грудь их упивается блаженством праведников при каждом дыхании.

Полные любви, они раскрывают объятия всему живому: они перевязали раны разбойникам в глубине пещеры; они подняли смятый цветок на берегу ручья. Они высосали ртом ядовитый гной из язв прокаженных.

Аббат наполнил собственною кровью свиное корыто, а Эльвен бросил свою руку лесным медведям.

Листья целовали их в лицо; луна окутывала их сон благоуханием, весь край обращался перед их глазами в цветущий сад.

Они провожали преступника к эшафоту и своими устами отерли с его лица плевки возмущенной толпы.

Солнце баюкало их своими знойными лучами.

Звезды рассказывали им свои чудные тайны. Статуи святых указывали путь к источникам. Зеленые кущи сами раскрывались перед странниками с преображенной душой.

Эти пилигримы протягивали братскую руку проституткам; они посещали умирающих женщин в темных каморках; говорили им о прощении обид, об искуплении.

Они покрывали всепрощением даже отцеубийц, даже иудеев.

Воды шептали им нежные слова молодой супруги. Воздух осыпал отцовскими ласками.

И все время им виделся лик Девы Марии в драгоценной раке из золота, серебра и слоновой кости.

XXIV

Корбегем и его спутники завладели резиденцией мавританского султана.

Каждый вечер заливали дворцы и площади потоками огней. Каждый вечер поджигали какой-нибудь квартал, чтоб осветить пиршество. Снопы водяных струй рассыпались среди деревьев, увешанных сочными плодами. На скатертях вырастали огромные кабаны с грозными клыками, обложенные грудами ароматных пряностей. Лепестки роз сыпались, как снег, с аркад, обвитых гирляндами, на плечи пирующих. Негритянки умащали их тела благовонными мазями. Рабы бесшумно бегали взад и вперед по зеркально-гладким плитам из бесподобного мрамора.

Дева пустыни, играя бедрами и острыми грудями, колыхалась, как морская зыбь, с кривой саблей на голове, шелковым вуалем на лице, колокольчиками на ногах и обнаженным животом.

Победители разъезжали по улицам в доспехах из драгоценных камней. Они ослепительно сверкали. Народ стремительно расстилался в пыли, завидев их белых кобылиц. Чтоб умилостивить их, закалывали агнцев на священных камнях, отполированных благоговейными лобзаниями фанатичных племен.

Перед ними мавританки открывали все изгибы своих тел, выкрашенных лавзонией. Под звуки тамбуринов и бубен они бросали победителям свои шарфы, увлаженные золотистым потом. Они узнали в глубине покоев бессильную любовь гермафродитов, бледные зубы и эротическое исступление степных дев, которые угашают жар созревших тел в объятиях молодых ослов.

Но они не могли затушить тоски своего сердца, притупить острое жало тревоги, не могли слышать балладу Этвина, не могли и обойтись без нее.

XXV

Монахи шли по сверкающим пескам под знойным небом Палестины. Они не чувствовали ног под собою; их стопы еле касались земли.

Звездный дух, скованный их плотью, мелодично стремился вперед вместе с телесной оболочкой.

Они не замечали окружающего, все земное казалось слишком жалким и ничтожным для их душ, обнявших небесное. Они шли подобно жонглеру, который прыгает на катящемся шаре, шли, чувствуя, как мир кружится у них под ногами.

Это движение опьяняло их своей быстротой: они неслись быстрее надежды. И однажды в полдень странники, оторвавшись от земли, вознеслись к небу вместе с заключенною в них звездною силой.

XXVI

Чигала и его спутники забрели в пустыню.

Они шли дни за днями, стремясь к воде, но воды все не было. Однажды утром натолкнулись на свежую урину. Очевидно, проходили верблюды.

Тридцать дней и тридцать ночей Чигала, Корбегем, Мак-Грегор и солдаты бились с негритянским племенем, вооруженным палками. Они перебили великое множество варваров, но на смену погибшим всякий раз являлись новые бойцы, и притом более ожесточенные: море курчавых голов колыхалось до самого горизонта. Пар, подымавшийся от их тел, сгущался в тучу. Враги зубами прогрызали панцири, ногтями разрывали толстые куртки, надетые под доспехами.

Павшие усеяли поле битвы обрубками своих тел, своими руками и головами. Горнее небо уподобилось земле: так плотно сгустилась пыль, которую по всем направлениям рассекали мечи.

На тридцать первый день Мак-Грегор зашел в арьергард, чтобы остановить кровь, струившуюся из раны, и перед ним раскрылось безбрежное бушующее море. Вечером негры загнали остатки христианского воинства в самые волны.

Вода хлынула в отверстия шлемов; и души растеклись.

Текст русского перевода романа П. Адана «Les feux du Sabbat» публикуется по первоизданию: Москва: Сфинкс, 1911.

Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Исправлены некоторые устаревшие обороты, унифицировано написание имен.

В оформлении обложки использован фрагмент обложки Э. Ларраме к оригинальному французскому изданию (Paris: Bibliothèque des auteurs modernes, 1907).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

SALAMANDRA P.V.V.